

Александр Смышляев

"Копыта золотого тельца", глава из книги "Геологи Камчатки" (Очерки по истории геологических исследований на Камчатке)

Давно - свидетельствуют чукчи -
На Север, мертвый и пустой,
Каким-то божеством могучим
Олень низвергнут золотой.
Упал от Лены до Аляски.
Тяжелым торсом на закат.
И подтверждая эту сказку,
Уж многим улыбнулся фарт...

Геннадий Юров. "Борискин ключ", поэма.

ПО СЛЕДАМ "ЖЕЛТОГО ДЬЯВОЛА"

1.

Мифический Золотой телец (бык, олень - как хотите) спрятан в земле именно на Северо-Востоке. Согласно легенде, его голова лежит на Аляске, туловище - на Колыме и Чукотке, а копыта отброшены на Камчатку.

Казалось бы, какая малость досталась Камчатке - всего лишь копыта. Но они золотые, а потому полуострову выпала судьба быть в числе регионов Золотого тельца. Быть - и этим многое сказано...

Кто-то из моих знакомых геологов заметил в беседе, что латинское название золота - аурум - переводится как "желтый дьявол". Это не так, но такой перевод мне понравился. Он точно отражает характер взаимоотношений золота и человека. Взаимоотношений, выработанных веками. Человеку всегда казалось, что это он ищет золото, делает из него слитки, чеканит монеты и отликает украшения, то есть заставляет служить себе. Но на самом деле это золото ищет человека, находит его, подчиняет и лепит затем судьбу и характер. Согласитесь, дьявольское свойство. А примеров - тысячи, если не миллионы...

Мир знает золото издавна. Еще во времена Геродота (400 лет до н. э.) греки добывали этот драгоценный металл на островах Сифнос и Фасос. Геродот писал, что "сифнийцы были богатейшими из островитян, их рудники столь изобиливали золотом, что на одну десятую доходов с них была пожертвована Дельфам сокровищница, одна из богатейших. Ежегодные доходы сифнийцы делили между собой".

В России промышленная добыча золота началась в период между 1714 - 1718 годами, когда его стали извлекать попутно из руд "золотистого серебра", залежи которых были открыты в Нерчинском крае (Забайкалье), в долинах рек Большой и Малый Култук. Через несколько лет после этого Акинфий Никитич Демидов, основавший в Алтае Колывано- Воскресенский завод, начал выплавлять золото и серебро попутно с медью. Но до настоящей, массовой добычи золота в России было тогда еще далеко. Она началась в начале девятнадцатого столетия после открытия в 1814 году рудознатцем Л. И. Брусницыным уральских золотых россыпей, давших в казну только за первые 10 лет 150 тонн чистого золота.

Тогда и появились в России первые золотопромышленники. Они отправляли в разные концы страны экспедицию за экспедицией в надежде отыскать "песошного и каменного злата". В 1826 году сибирский купец Андрей Яковлевич Попов подал Министру финансов письмо с просьбой предоставить ему право собственным его капиталом "отыскать золотосодержащие пески и руды, а равно и все другие металлы, и производить разработку их во всех сибирских местах".

Такое разрешение им было получено, и в 1927 году Попов послал первые экспедиции с пятью промывальщиками во главе с унтер-штейгером Исаковым. Через год ими были открыты в разных местах Томской губернии золотые россыпи, давшие впоследствии богатейшую Западно-Сибирскую золотоносную провинцию. В 1838 - 40 годах были открыты россыпи в Енисейском крае, в 1846 - 63 годах - Ленские, в 1866 - 75 - Амурские, в конце века - Приохотские. Россия по производству золота стала занимать 4 место в мире, уступая США, Австралии и Южной Африке.

На Камчатке золото было обнаружено только в 1897 году горным инженером Карлом Богдановичем. "С 4 сентября я прошел горами Срединного хребта от вершин Тигиля до крайних левых вершин Облуковинской реки (более 700 верст), - писал К. И. Богданович в своей книге "Очерк деятельности Охотско-Камчатской горной экспедиции 1895-1898 гг.". - Убедившись в развитии новейших вулканических пород на всем протяжении хребтов до вершин р. Ичинской, я сосредоточил поиски на золото в вершинах Облуковинской реки, где и были найдены первые знаки золота на Камчатке. До тех пор сведения о нахождении золота на Камчатке ограничивались более чем сомнительной достоверности указаниями на находки, конечно, очень крупных кусков золота, обыкновенно без указания местности и лиц".

А в 1912 году началась настоящая золотая лихорадка совсем близко от Камчатки - в Приохотье. В 1923 году студент-геолог В. В. Купер-Конин был свидетелем этого и писал: "Было обнаружено, что многочисленные ключи, впадающие в реки Бухтуй и Гусинку, золотonosны. Золотonosность затем была обнаружена в гидрографической сети реки Марекана. На прииск наехала масса народу, бедные - с целью накопать больше золота, богатые - занять лучшую золотonosную площадь. Началась золотая и столбопромышленная горячка, которыми увлекались и местные жители. Занимались без разбора все ключи площадями под россыпное золото, т. е. узкими лентами вдоль течения ключа, не сообразуясь с геологическим строением местности, пропуская массу интересных участков. И только в 1922 году отводы и заявки инженера Пюрингтона шли планомерно, на научных основаниях.

Открытые прииски до сих пор работают исключительно старателями. И хотя наиболее богатые и доступные участки выхвачены копачами, но до сих пор прииски дают населению заработка больше, чем все прочие работы вместе".

Люди, которых Купер-Конин называет "копачами", были и на Камчатке. Всегда и везде найдутся фартовые ребята, которые обязательно попробуют копнуть там и тут. И ведь улыбалось им счастье. Правда, работали они тайно, без официальных разрешений, чтобы не выдавать своего промысла. Следы их деятельности иногда находят современные геологи, как, например, на ручье Темном - одном из притоков реки Правой Щапиной. Там были найдены выработки и горный инструмент, изготовленный, предположительно, в Америке. На месте работ "копачей" геологи выявили промышленную россыпь золота. Так что не зря ребята залезли в это потайное место, совсем не зря. Вот ведь как точны были их самодеятельные поиски!

Есть данные и о том, что в верховьях реки Кихчик в начале XX века старатели из некоего "Золотопромышленного общества" искали россыпное золото с использованием шурфов.

Но наибольшее количество следов деятельности свободных старателей находили на севере Камчатки - в Пенжинском районе и на прилегающей к нему территории Магаданской области. Именно в устье Пенжины и селе Каменском в 1920-30-х годах геологи и другие исследователи Камчатки слышали рассказы о счастливых находках золота: "Шлиховое золото - в реках полуострова Тайгоноса... На горе Шаман было добыто двумя рабочими в 1914 году некоторое количество золота... По реке Мургалъ в 1914 году двумя рабочими было намыто 1400 граммов золота...".

Да что там богатый, влекущий к себе Север, если золото искали прямо в Петропавловске! Было это в 1920-х годах. Некий предприниматель Балинский отчуждал в концессию среднее и верхнее течение ручья Поганки, который тогда находился за чертой Петропавловска, а сейчас на его берегах построены знаменитая, элитарная улица Морская и штаб военно-морской флотилии. В этом ручье выходят кварцевые жилы, которые и вскрывал Балинский шурфами глубиной до 5 сажен (до 10,5 м). О находках там золота не сообщается, но шурфов было пройдено несколько, что потребовало, конечно же, немалых затрат времени и средств.

Впрочем, район города едва не стал вновь объектом внимания геологов в 1960-х годах, когда одна из жительниц обнаружила в желудке зарезанной курицы довольно-таки большой кусочек золота. Пошла в обком, показала этот кусочек высоким партийным чиновникам. Те находкой заинтересовались, обратились за разъяснениями к геологам. Говорят, геологи некоторое время были в недоумении, а затем посоветовали сходить в КГБ. Вскоре выяснилось, что курица за короткую свою жизнь дальше улицы, на которой проживала хозяйка, нигде не бывала. А улица была обыкновенной, если не считать того факта, что ее пересекал небольшой ручей, бегущий со склонов Петровской сопки. Обследование ручья ничего обнадеживающего не принесло. И тут кто-то из соседей вспомнил, что на месте курятника некогда стоял домишко, в котором проживали корейцы. Навели справки и выяснили, что те иногда продавали золотые самоделки, то есть

занимались отливками. После этого о "городском" золоте больше не вспоминали, хотя наличие медной минерализации в породах, залегающих в берегах Раковой бухты, оставляет любителям форта определенный шанс.

И все-таки первое промышленное камчатское золото нашли действительно недалеко от Петропавловска - в одном из притоков реки Авачи. И это не было случайностью. Находка логически завершила цепочку событий, направленных именно на получение такого результата. Хотя в начале этой цепочки были другие стимулы, другие задачи. Ведь, по большому счету, геологи не просто ищут какие-то конкретные полезные ископаемые, они изучают Землю. В нашем случае геологи изучали геологическую судьбу и строение Камчатки. Только такое, глобальное, знание помогает раскрывать все карты территории, и тогда действительно хватает одного точного взгляда, чтобы понять, где есть что.

Такой взгляд на Камчатку бросил в 1946 году академик Сергей Сергеевич Смирнов, первый отечественный металлогенист. Исходя из своих представлений о наличии кольца золотосеребряных месторождений вокруг Тихоокеанского рудного пояса он написал: "Вполне вероятно, что такие месторождения будут обнаружены и на Камчатке".

По следам камчатского золота шли долго. Как говорилось выше, в разное время и в разных местах люди обнаруживали эти следы, но самого золота, которое можно было бы добыть, превратить в слиток, не было. В 1951 году житель Камчатки, некто Карелин, сделал заявку на открытие золота в реке Быстрой. В 1952 году на это место ушла партия геолога Б. Т. Тишкова и действительно установила знаковую (не промышленную) золотоносность реки, а в одном из шурфов 3 пробы показали даже промышленное содержание россыпного золота - от 9 до 13,5 г/м³. Но на основании всего лишь этих трех проб положительных выводов геологи делать не стали, отложив это на потом.

В 1953 году геолог В. Т. Дьяченко обнаружил золото в шлихах, намывных из рек Сухая, Русакова и Тылговая в Карагинском районе. Но это была находка под стать той, что сделал когда-то Богданович: всего-то 5 мельчайших золотинок. Но и они легли в копилку маленьких находок, предшествующих большому открытию.

И вот в 1957 году талантливый геолог Виктор Андреевич Ярмолук на основании анализа разрозненных находок камчатского золота, в том числе и своих, вывел теорию его происхождения. К тому времени он достаточно много походил по Камчатке и хорошо изучил ее недра. Он пришел к выводу, что все золото, которое когда-либо находили на полуострове, связано с низкотемпературными минералами, характерными для молодой вулканической страны - Камчатки. Такая связь, по убеждению Ярмолука, "является обнадеживающим признаком вероятного присутствия промышленных месторождений золота как россыпного, так и, особенно, рудного".

Геологи приняли эту теорию, и геологическая молодость Камчатки перестала их смущать. Тогда всерьез и заговорили о копытах мифического Золотого тельца.

В том же, 1957 году руководить камчатской геологией направили из Магадана Дмитрия Алексеевича Бубнова. Вспомните: Магадан - столица золотой Колымы, там все геологи занимались в основном золотом. Вот и Бубнов был главным инженером Средне-Колымского районного геологоразведочного управления (райГРУ), а значит, занимался россыпями.

Вслед за Бубновым по его приглашению приехали с Колымы на Камчатку геологи И. Н. Карбивничий, С. З. Горбачев, И. М. Мишенин, другие, которые также были россыпниками. После этого и начались на полуострове активные поиски золота, в первую очередь россыпного, которые вскоре сосредоточились вокруг так называемого "древнего темени Камчатки", сложенного измененными породами ядра Камчатского Срединного хребта. В нем могли быть древние месторождения золота, и они могли быть размыты и переотложены в реках и в море. Геологические партии ушли на реки Авачу, Быструю, Плотникову, Кихчик. Начались действительно целенаправленные, планомерные поиски золота на Камчатке. И вновь пошли разрозненные находки, не дающие основания выделить тот или иной район. Среди этих находок особенно выделялась одна: геолог Я. Ш. Геворкян привез с верховьев реки Облуковиной (места работы Богдановича!) пробы из рудных кварцевых жил с высоким содержанием золота - 108 г/т. Это укладывалось в теорию Ярмолука и придавало геологам уверенности.

В 1961 г. главный геолог Камчатского райГРУ Иван Нестерович Карбивничий обобщил и проанализировал результаты всех ранее произведенных поисковых и разведочных работ на

золото и сделал окончательный вывод о безусловной перспективности камчатской территории для обнаружения его промышленных рудных и россыпных месторождений. Чуть позже главный специалист по золоту в Советском Союзе, ведущий сотрудник Министерства геологии СССР Георгий Павлович Волярович дал совершенно сногшибательные прогнозы для Камчатки, назвав ее "второй Колымой".

Но и это была еще только теория. Все ждали от нее практической отдачи. Вот-вот она должна была произойти. Но когда? Где? Кто станет первым счастливым?

2.

Все сошлось - нашли там, где искали. Первые камчатские промышленные россыпи золота были открыты именно на склонах "древнего теменя Камчатки". Но произошло это не где-нибудь в заснеженных хребтах, а совсем близко от Петропавловска, в каких-то 70 километрах от него, почти на обочине дороги.

Посмотрите на карту Камчатки. Вот автотрасса побежала из Петропавловска в Мильково. На пути - село Корьяки. Оно расположено прямо в устье реки Вахтолки, впадающей здесь в реку Авачу. Если переехать по мосту через Вахтолку, то вскоре попадаешь в село Северные Корьяки. Здесь и находился в 1960 - 70-х годах прииск "Камчатский", обрабатывающий россыпи ручья Каменистого. Первые золотые россыпи Камчатки.

Сам ручей Каменистый - это правый приток Вахтолки. Правда, Вахтолку тогда называли проще - Перевозной. Именно по ней ездили на собачьих упряжках из Петропавловска в Мильково. Поднимались на Бараний перевал и спускались в долину реки Быстрой. А там и река Камчатка недалеко. Ездили век за веком. Многие из ездовых были нормальными бродягами-авантюристами, конечно же, подумывающими о золотишке. И не знали они, что всякий раз, поднимаясь по долине Перевозной, проезжают мимо заветной мечты.

И геологам не сразу удалось поймать вожаков россыпи. Карл Иванович Богданович здесь не проходил. В 1936 году по реке Правой Перевозной, то есть как раз по нартовой дороге, прошел маршрутом геолог С. Д. Харкевич, но шлиховых проб, похоже, не брал, поэтому ничего о золоте не поведал. В 1951 году Виктор Алексеевич Ярмолюк проводил в Ганальских хребтах геологическую съемку миллионного масштаба. С ним были промывальщики, в шлихах которых иногда попадались отдельные значки золота. Но масштаб работ Ярмолюка (миллионный!) не позволял производить детализацию отдельных мелких находок, и они остались неизученными. В 1954 году весь бассейн реки Авачи был затронут комплексной геолого-гидрогеологической съемкой полумиллионного масштаба. Работу проводил геолог Н. Е. Соловьев из специального 5-го управления. Ему местное золото вовсе не открылось.

И только в 1957 году геолог М. М. Лебедев, проводя государственную геологическую съемку более детального, двухсоттысячного масштаба, обратил внимание на то, что вся река Правая Перевозная "золотит".

Опираясь на эти выводы, в 1959 году Ганальская поисково-съемочная партия под руководством Г. И. Новоселова провела на Правой Перевозной специальные работы. Но вновь не удалось "подцепить" здесь золото. Из-за сильного притока воды и крупных валунов многие шурфы не удалось пройти на всю необходимую глубину, и, сделав заключение о бесперспективности исследуемых рек на выявление промышленного золота, Новоселов не учел это обстоятельство.

Поставили точку в этих поисках геологи С. Е. Апрельков и Ф. Г. Андриевский. В 1962 году партия Апрелькова проводила в Елизовском районе геолого-съемочные работы и в шлихах из ручья Каменистого установила весовое содержание золота (до 22 г/м³). Непосредственным открывателем был Федор Андриевский - шлиховальщик божьей милостью, как о нем говорили и говорят до сих пор. Он специально отклонился от маршрута, чтобы помыть в Каменистом пробы, и его инициатива была вознаграждена открытием.

Вот он, первый счастливчик, державший на ладони первое весовое золото Камчатки, Федор Андриевский!

На Камчатке начался золотой бум. Позже будут и другие золотые бумы - рудный, добычной, но этот был первым - россыпной. Длился он десять лет.

ИСКРЫ ЗОЛОТЫХ КОПЫТ

Россыпь ручья Каменистого

Для того чтобы не отвлекать партию Апрелькова от основного дела (геолого-съёмочные работы), на ручей Каменистый в то же лето 1962 года был послан специально созданный для этого Ново-Корякский отряд геолога Ивана Максимовича Мишенина. Отряд не только подтвердил открытие золота, но и переопробовал ручей Правый Каменистый, где Андриевскому золото не попало, и установил здесь высокую золотоносность (в отдельных проходках до 98,7 г/м куб.).

Надо сказать, что Мишенин был опытным геологом-россыпником, прошедшим большую колымскую школу. Всю осень, а затем и зиму отряд занимался шурфовкой долины ручья Каменистого и его притоков - Правого и Левого Каменистого. Было пройдено 49 шурфов и 5 канав и расчисток, что позволило выявить в пойменной части и террасах двух - пятиметрового уровня промышленную россыпь золота. Для детализации работ весной 1963 года на базе отряда была создана Корякская поисково-разведочная партия Камчатского райГРУ. Руководил партией геолог Анатолий Иванович Шиш. Это был известный геолог, отличающийся небывалым "фартом" (приискательским везением, помноженным на опыт), про которого позже говорили: "Был Шиш - было золото, а сейчас ни золота, ни Шиша".

Азиз Азизович Алискеров работал в партии начальником горного отряда. Он вспоминает, что прибыл на участок работ ранней весной. На базе партии стояли два или три жилых балка. Буровой отряд под руководством Роберта Набатова базировался выше - на террасе ручья, в районе 44-й разведочной линии. Горный отряд - на 34-й линии.

"Я и техник промывки Лёня Марьин жили в одном балке, который служил и камералкой, - рассказывает А. А. Алискеров. - Мы с Марьиным находились на участке постоянно, остальные же к нам только наезжали. Балок был проходным, и все шли в камералку через нас. Тогда мы решили перестроить его. Перегородили и сделали вход посередине: в одну сторону - жилье, в другую - камералка. Эта планировка понравилась, и стройцех управления стал выпускать именно такие балки.

Когда старший геолог партии Александр Павлович Дронов впервые повел меня на шурфы, я увидел, с каким трудом они даются. Горнорабочие кричат: "Александр Павлович, не добиваются, кругом скала". Оплата за проходку зависит от старшего геолога - примет он ее, или нет, вот они и жаловались. Он им отвечал: "Да, ребята, шурфы копать - это не масло сливочное кушать". Рабочие рассчитывали на то, что здесь будет добываться легко, а оказалось все гораздо сложнее. Им надо было перестраиваться, а перестраиваться не очень хотелось. Когда я приходил на линию, и они жаловались на то, что шурфы не добиваются, то я делал так: спускался в шурф и брал проходку. То есть личным примером показывал.

Но одно дело было проходить шурфы на стадии поисков, и совсем другое - при разведке, когда требовалось делать подсчет запасов. Ведь недобитый шурф не принимается в блок подсчета, поэтому приходилось добывать абсолютно все шурфы. А это было очень трудной задачей, проходка сильно осложнялась большим водопритокком. Если шурф стоит в воде, то при проходке происходит пробуртка породы и золото садится. Таким образом, его просто невозможно поднять. Что мы предпринимали? Если водоприток небольшой, то в углу забоя шурфа копали небольшой зумпф глубиной до следующей проходки. Из зумпфа вычерпывали воду, после чего как можно быстро бралась осушенная проходка. Но если приток большой, то этот способ не подходил. Мы тогда долго ломали голову над этой проблемой. Пробовали вместо шурфа проходить куст скважин ударно-механического бурения, но и это не получалось, золото не поднималось. И тогда придумали методику депрессионной воронки. Бурилась скважина заведомо большей глубины, ставился мощный насос (специально были выписаны "Анджиданцы" с большой производительностью), в процессе проходки вода откачивалась, создавалась депрессионная воронка. Шурфы шли посуху. Метод хороший, но очень дорогой, в несколько раз, если не в десятки раз дороже обычного".

Рассказ А. А. Алискерова лишний раз подтверждает, что камчатские геологи не имели тогда достаточной школы разведочных работ при исследовании россыпей. За редким исключением на разведке задействовались геологи-съёмщики. Не было и опытного технического персонала. Школа нарабатывалась на ходу, методом проб и ошибок, рационализаторских предложений и энтузиазмом.

Но разведка первых камчатских россыпей золота шла. В ручье Каменистом россыпь представляла собой узкую струю, связанную с современной поймой. Вниз по течению ширина россыпи увеличивалась от 20 до 50 метров вместе с расширением поймы. Кроме того, на левой террасе ручья была выявлена еще одна россыпь протяженностью 200 метров при ширине 20 метров. К концу 1963 года запас шлихового золота в ручье Каменистом составлял 723 килограмма.

В ручье Правом Каменистом также была разведана пойменная россыпь протяженностью полтора километра со средней шириной 15 метров. Среднее содержание в ней золота составляло 2,89 г/м куб. На левой террасе находилась еще одна небольшая россыпь длиной 200 метров с тем же средним содержанием драгоценного металла. Золота в россыпях этого ручья было необычайно крупным, многие самородки были крупнее 5 миллиметров, иногда превышали 1 сантиметр, а однажды был вымыт самородок в 309 граммов. Часто наблюдались сростки золота с прозрачным или чуть замутненным кварцем. Некоторые золотины содержали мелкие включения магнетита. Всего в ручье насчитывали 200 килограммов золота.

Естественно, руководители Камчатского райГРУ были довольны: появилась база для создания на Камчатке горнодобывающего предприятия, а прикладная отдача от работы всегда радует. Не терпелось начать добычу золота и партийному руководству Камчатской области. Вскоре Дальневосточный совнархоз попросил представить ему геологические результаты разведки ручья Каменистого для решения вопроса о возможной организации Камчатского прииска.

В связи с этим в Камчатском райГРУ был издан приказ о подсчете запасов золота на Каменистом по состоянию на 1 января 1964 года, то есть задолго до окончания разведки. Выполнение этой работы поручили геологу Виктору Дмитриевичу Бубнову - сыну Дмитрия Алексеевича Бубнова, которого в то время уже не было в живых. Кроме того, в составлении отчета приняли участие геологи А. И. Шиш, А. В. Куркин, частично - И. М. Мишенин и С. З. Горбачев. Вскоре отчет был готов. Запасы шлихового золота в ручьях Каменистом и Правом Каменистом составили 940 килограммов, прогнозные - 2 тонны. Дальсовнархоз принял решение о создании на Камчатке прииска. А Министерство геологии СССР приняло решение об организации на полуострове самостоятельного территориального геологического управления, так как действующее районное управление было структурной единицей Северо-Восточного ГУ (Магадан).

За организацию Камчатского прииска взялось Иманское приисковое управление треста "Приморзолото" Дальневосточного совета народного хозяйства (ДВСНХ). Задолго до весны 1964 года на Каменистый был завезен металл, и прямо на месте будущих работ началась сборка малолитражной драги. У нижней границы россыпи началось строительство рабочего поселка Каменистый (другое название - Пионер). В поселке построили жилые дома, мехмастерскую, дизельную электростанцию, магазин, столовую, клуб, медпункт, начальную школу.

Летом прииск начал работу. Нижнюю часть россыпи брали драгой, верхние части размывали водой, подаваемой с верховьев ручья под естественным напором.

Тем временем камчатские геологи продолжали на выявленных россыпях разведочные работы. Кроме того, главный геолог прииска В. П. Белоногов решил собственными силами провести поиски на мелких притоках ручья Каменистого - Узком, Августовском, Дрожном, Дунькином, Каменушке, Левом Каменистом и других. Для этого в 1965 году прииском была организована геологоразведочная партия, которой руководили до июля 1965 г. - В. М. Томилов, с июля - Л. Н. Ермаков. В партии работали старший техник-геолог А. А. Шумилова, техник по промывке Н. И. Сакаш и младший техник Н. Ф. Игнатенко. За 3 года работы партия выполнила большой объем шурфовочных работ и бурения комплектом "Эмпайр". В результате на правом склоне долины ручья Каменистого, в среднем его течении, была выявлена россыпь погребенного тальвега. В поперечном разрезе россыпь представляла собой глубоко врезанное в коренные породы древнее ложе долины небольшого ручья. От современной долины древний тальвег был отделен гребнем коренных пород высотой до 5 метров. Золотоносный пласт представлял собой узкую струю вдоль наиболее углубленной части тальвега. Количество золота в струе определялось в 90 килограммов.

Река Гольцовка

Прииск Камчатский работал, но россыпи ручья Каменистого были далеко не бесконечны, поэтому геологам необходимо было постоянно подготавливать для старателей новые запасы золота. "В 1964 году меня вызвал к себе начальник управления Павел Тимофеевич Усков, - вспоминает А. А. Алискеров, работавший тогда геологом Корякской партии. - У него уже сидели геологи Горбачев и

Куркин. "Давайте думать, где искать новые россыпи", - сказал нам Усков. Стали думать. Выделили три места..."

Да, к тому времени на геологической карте Камчатки наиболее ярко "светились" для обнаружения россыпного золота три района - верховья реки Облуковины до ручья Капитанского, река Быстрая между впадением в нее Ключевки и Камешковой и река Гольцовка со всеми притоками. Именно эти три района и были выделены для поисков. В результате вскоре появился приказ о создании трех новых партий - Гольцовской, Степановской и Облуковинской.

История открытия россыпного золота в реке Гольцовке опять-таки связана с именем геолога Анатолия Ивановича Шиша. В 1959 году его партия, которая так и называлась Гольцовской поисково-съёмочной партией, проводила работы в масштабе 1:50 000 в бассейнах рек Быстрой, Начиловой и Утки. Целью работ, собственно, и были поиски россыпного и рудного золота. Шлиховым опробованием была установлена практически повсеместная золотоносность левобережья и, частично, правобережья реки Быстрой. Наиболее перспективные россыпи были обнаружены в долинах левых притоков Быстрой - реках Камешковой (прогнозные запасы 0,7 тонны), Половинчике (0,2 т) и Гольцовке (0,3 т).

В 1961 году специально созданная Нижне-Гольцовская ГСП под руководством Г. И. Новоселова проводила на Гольцовке и ее притоках поиски россыпного золота. Проходились шурфы, канавы и расчистки в бортах смешанных террас. Прошли 4 шурфовочные линии в долине реки Дальней Гольцовки и 1 линию в долине Средней Гольцовки. Содержания шлихового золота составили от 0,6 до 3,6 г/м куб., но промышленных перспектив Новоселов не увидел.

В ноябре 1964 года, как говорилось выше, в составе Южно-Камчатской экспедиции была образована Гольцовская геологоразведочная партия, которая должна была провести работы в междуречье рек Плотниковой и Быстрой к югу от Срединного Камчатского хребта, то есть как раз в бассейне реки Гольцовки и ее многочисленных притоков. Целью работ партии были поиски и разведка россыпных месторождений золота.

Начальником партии назначили Роберта Леоновича Набатова, старшим геологом Азиза Азизовича Алискерова, которого позже заменил приехавший на Камчатку Михаил Михайлович Задорнов. Кроме того, в партии работали техники-геологи Б. А. Некрасов, В. И. Лямцев, В. Т. Горшкова и И. Л. Ткачук, маркшейдер Ю. В. Кучмасов, топограф М. В. Арыщев, горные мастера А. И. Сафонов и В. М. Белов, механик А. М. Марченко. Рабочих было нанято 55 человек, в том числе 12 промывальщиков и 16 проходчиков шурфов.

Реки исследуемого района берут начало на юго-западных склонах Срединного Камчатского хребта. Это горные реки, но после слияния Дальней и Средней Гольцовок, которые образуют реку Гольцовку, долина резко расширяется, и течение реки становится спокойным, появляется широкая пойма. Именно в низменной части и вблизи нее в результате эрозионной деятельности и образовались террасовые и пойменные россыпи рек Дальней и Средней Гольцовок.

Террасовая россыпь реки Дальней Гольцовки была прослежена в 1965 году на 13 километров. Средняя ширина ее составила 60 метров, среднее содержание золота - 0,52 г/м куб. Пойменная россыпь этой реки была разведана отдельными отрезками и имела ширину в среднем около 30 метров. Среднее содержание золота - 0,65 г/м куб.

Террасовая и пойменная россыпи реки Средней Гольцовки оказались примерно похожими на предыдущие. Золото было везде мелким и средним, самородков почти не было. Подсчет запасов на разведанных участках всех четырех россыпей показал наличие 1128 килограммов шлихового золота.

Именно в том, 1965 году впервые на Камчатке при разведке россыпей применили проходку траншей. Причем - механизированным способом, при помощи экскаватора и бульдозера. Траншеи проходились через 400 метров друг от друга и опробовались десятиметровыми секциями. Именно траншеи оказались эффективными в обводненных местах.

Здесь, на Гольцовках, зарекомендовал себя как хороший специалист Михаил Михайлович Задорнов. После ухода из партии старшего геолога Алискерова он занял его место, а в 1966 году возглавил партию. Разведка россыпей продолжалась до конца 1967 года. В декабре 1967 года россыпи были переданы по акту прииску Камчатский треста "Приморзолото" с общими запасами 1495,3 кг химически чистого золота.

Удача на ручье Удачном

Пока вновь созданные Гольцовская, Степановская и Облуковинская партии занимались поисками и разведкой россыпного золота в отведенных им районах, Корякская партия продолжала исследовать с той же целью бассейн реки Авачи. Начали с ближних к Елизову речек - Среднего ручья, Правой Быстрой, Половинки, Гаванки, Тополовой. Знаки золота здесь были повсюду, но не более того.

Затем опоиисковали водотоки на площади, прилегающей к действующему прииску Камчатскому - Правую и Левую Вахтолки (Перевозные), притоки Левоы Авачи, ручей Перевозчик. Здесь повсюду были мощные поверхностные отложения и сильная обводненность, поэтому работы, кроме трудностей, ничего не принесли. Золото присутствовало везде, но его было мало. По многим речкам вообще нельзя было сделать каких-либо выводов из-за некачественной проходки шурфов. Горняки работали на износ, из всех шурфов приходилось постоянно откачивать воду, часто перекреплять стенки, но на глубине 10 - 15 метров проходку все-таки бросали. И так - шурф за шурфом. Левая Авача геологам-россыпникам не давалась...

И вдруг, как говорится, блеснуло. На ручье Удачном (это тоже правый приток реки Левоы Авачи) наметилась интересная россыпь. Золото здесь выявил Б. М. Кайгородов в 1963 году. И вот через два года геологам удалось по-настоящему зацепиться.

Проходка шурфов давалась так же тяжело, как и везде, но все-таки удалось пройти 20 разведочных линий. Длина промышленной части россыпи составила 3 километра. Золото было мелким, но это было золото. Подсчет запасов показал, что его в ручье 212 килограммов (59).

Река Быстрая и ее притоки

С самого начала поисков россыпей золота геологи предполагали их связь с магматическими породами периода Миоцена, которые занимали большую площадь многих горных хребтов Камчатки, в том числе и Ганальского. Со временем эта связь стала еще более очевидной, а потому, найдя россыпи на западном склоне хребта, в бассейне реки Авачи, их стали искать на восточном, в бассейне реки Быстрой. Тем более что работы В. А. Ярмолюка еще в 1951 году показали наличие во всех местных реках знаков золота.

Выше уже говорилось, что в конце 1964 года в Южно-Камчатской экспедиции Камчатского райГРУ были созданы специализированные партии для поисков и разведки россыпей. В их числе была Степановская партия, которая проводила работы на реке Быстрой.

Это была целая поисково-разведочная эпопея, длившаяся долгие восемь лет. Раскройте карту, посмотрите на то место, где дорога на Мильково пробегает мимо поселка Малки и идет вдоль реки Быстрой. Все речушки, которые здесь пересекает дорога, - Тратич, Поперечная, Иудумич, Асхачич, Вактан Малкинский и другие - были тщательно опоиискованы геологами. И не только эти речки, но и те, что впадают в Быструю с другой стороны - Немтик, Пеница, Дукук, Ажица, Степанова, Хлебная, тоже были опоиискованы. Впрочем, ниже Малок есть другие притоки - Половинчик, Обещановка и Камешкова, которые были исследованы в первую очередь как самые перспективные. И геологи не ошиблись. После трех лет тяжелой работы в обводненных горных выработках в этих речках были оконтурены промышленные россыпи золота с общими запасами более тонны. Основную массу драгоценного металла содержала в себе россыпь ручья Камешкова, длина которой составляла 8 километров. В 1969 году россыпи были переданы для отработки прииску Камчатскому. В производстве геологических исследований принимали участие в различные годы геологи А. И. Шиш, В. В. Караман, Л. Т. Наумов, Р. А. Бикмаев, В. И. Шапошников, И. Д. Петренко, Т. В. Козовая, техники-геологи В. Г. Братулин, Н. Ф. Мигунова, Г. В. Шапошникова, маркшейдер В. К. Белов.

На реке Степановой с ее притоками Кувалорогом, Кихчинской и Утинской работы были проведены в период 1966-67 годов. В Утинской была выявлена неплохая россыпь золота, которую так же, как и предыдущие, взял в разработку прииск Камчатский. В те же годы небольшие россыпи были найдены в реках Ажице и Дальней.

И все-таки наиболее тяжело дался геологам ручей Иудумич. Степановской партией руководил тогда Рауф Аминович Бикмаев, старшим геологом был Сергей Сергеевич Коваль, прорабом горных работ - Б. А. Некрасов, а горным мастером - Альберт Валерьевич Русаков. Именно на их плечи легла ответственность за добивку шурфов до коренных пород. На их плечи да на руки проходчиков, чьим непосильным трудом разведывалась эта очень сложная россыпь. Дело в том, что продуктивный пласт залегал на глубине от 20 до 35 метров. Это очень глубоко, в таких местах

проходятся шурфы большого сечения - 2х2 метра, а это требовало больших физических усилий, дополнительных материалов для крепления постоянно оползающих, мокрых стенок. Проходчики работали, стоя по колено в воде, а те, кто был наверху, не отходили от насосов, в основном, ручных. Заменить шурфы бурением было невозможно, так как проходка буровых скважин не давала представительного опробования, а это для подсчета запасов золота очень важно.

Именно тогда и предложил Сергей Сергеевич Коваль проходить сначала траншеи, а уже из них - шурфы. Попробовали, получилось. На проходке траншеи работал бульдозер, так что повысилась производительность труда, выросла скорость проходки. И все-таки оставалось очень много мест, где совершенно невозможно было производить горные работы даже из траншей, - не давал сильнейший водоприток. В таких случаях применяли бурение, "нащупывали" золотоносные струи скважинами, но в подсчет запасов включать их не могли.

Россыпь буквально измучила весь персонал партии. В результате в ней было насчитано более 600 килограммов золота.

Россыпи западных рек

К северу от Усть-Большерецка в Охотское море одна за другой впадают реки Утка, Хомутина и Кихчик. В истоках Кихчика золото искали еще в 1907 году, но не известно, было ли там что-то обнаружено.

В 1929 году промывальщик из партии АКО, работавшей на западном побережье Камчатки под руководством А. П. Трошина, взял пробу черного песка прямо на прибойной полосе морского пляжа, недалеко от устья реки Утки. К общему удивлению, в отмытом шлихе оказалось золото в количестве 51 миллиграмма. Слух о необычной находке быстро облетел окрестности, и случай этот был описан в нескольких геологических отчетах того времени.

В 1966 году эта находка подтвердилась. Между реками Кихчик и Большая работал Охотский поисково-разведочный отряд геолога Г. Ю. Черепанова, который на морских пляжах выявил участки с промышленным содержанием золота. Участки располагались в устьях рек Митоги, Утки и Хомутиной. Это говорило о том, что реки несут золото.

На следующий год в верховья Кихчика была направлена Порожистая геолого-поисковая партия под руководством Ю. А. Шарова, открывшая россыпь золота в ручье Юбилейном. Работы требовали продолжения, и в 1968 году в бассейн Кихчика вновь отправилась та же партия, в которой помимо Ю. А. Шарова были геолог В. А. Ермоленко и геоморфолог И. А. Цапаева.

Лето оказалось относительно сухим, благоприятным для ведения маршрутных работ, но ничуть не облегчило проходку шурфов - приток в выработки грунтовых и поверхностных вод был очень обильным. Из-за этого партия практически не исследовала поймы Левого Порожистого, Подкидыша, Правого Порожистого и Кумжи. Геологам пришлось здесь обходиться только промывкой шлиховых проб.

В результате проведенных работ был выявлен перспективный золотоносный район, охватывающий бассейны рек Кихчик, Хомутина и Утка. Наибольшие перспективы геологи видели в отложениях реки Левого Хомутиной, где рекомендовали провести поисковую разведку.

Щапинское золото.

Геологические исследования на реке Щапиной поведали о том, что золото на Камчатке начали добывать задолго до работ на россыпях ручья Каменистого. Следы горных выработок неведомых старателей, а также их инструмент, предположительно американский, были найдены в 1965 году на ручье Темном - правом притоке реки Правой Щапиной. Наткнулись на эту интересную находку геологи партии В. А. Грецкого, проводившие государственную геологическую съемку масштаба 1:200 000. Кто мыл, когда? Неужели еще до революции?

Шлиховое опробование, проведенное партией Грецкого, показало золотоносность почти всех водотоков бассейна Щапиной, а в ручье Темном - промышленное содержание золота (до 10,95 г/м куб). Кроме того, в береговых обнажениях ручья Темного была обнаружена зона брекчирования горных пород с многочисленными кварцевыми прожилками. Знали бородатые мужички, где прячется золотишко! Мыли тихо, прячась от глаз начальства. Потому и молчит история об этом, что не осталось от старательства жителей Камчатки никаких документов. Только скромные следы по таежным закоулкам.

Грецкий прошел в долине ручья Темного 6 шурфовочных линий. Промышленное содержание золота подтвердилось. Кроме того, в шлихах из ручья Белого им был найден единичный знак самородного серебра, а в Правой Щапине - знак платины.

В 1966 году для работы на реке Правой Щапиной в Южно-Камчатской геологоразведочной экспедиции был создан Щапинский поисково-разведочный отряд. Руководил отрядом Б. Д. Бабак. Также в состав отряда входили геолог Г. Д. Кашко (до конца 1966 г.), геолог В. И. Морозов (с февраля 1967 г.), техник-геолог В. Н. Щербатых и топограф М. С. Анциферов. Главным объектом отряда был ручей Темный, где планировалось выявить запасы россыпного золота в количестве 850 килограммов. Такая узкая нацеленность не позволила геологам исследовать весь район.

Шурфовка давалась отряду очень тяжело. Многие шурфы не добивались до необходимой глубины из-за большого водопритока. Воду приходилось постоянно вычерпывать бадьями или же откачивать ручными насосами. К тому же многие шурфы были очень глубокими (до 20 и даже 21,6 м). Опробование шурфов проводилось специальной промывочной бригадой во главе с техником по промывке. Отряд детально изучил ручей Темный и провел поиски на ручьях Дальнем, Узком, Двойном, Озерном, Ипуин, Первом Левом и на самой реке Правой Щапиной.

Золотоносность в ручье Темном присутствовала на всех террасах, но промышленная россыпь была обнаружена только в пойме. По размеру золото было средним, наиболее крупная золотина весила 33 грамма. Длина россыпи составила 1500 метров при средней ширине 20 метров. Запасы составили 58,2 килограмма химически чистого золота.

В остальных ручьях россыпей обнаружено не было, хотя все они повсеместно "золотили".

После окончания полевых работ геологи Щапинского отряда перешли в Оганчинскую партию, которая начала исследования первого рудного месторождения золота на Камчатке. Отчет по Щапинской площади писать было некому. Тогда предложили этого сделать Б. Д. Бабаку и С. С. Ковалю, не отрывая их от текущей работы на Оганче. В результате Научно-технический совет (НТС) Камчатского территориального геологического управления во главе с начальником управления В. М. Никольским отчет не принял. Формулировка была следующей: "Перспективы района на россыпное золото остались невыясненными... Рассмотрение отчета на техсовете экспедиции проведено формально, к его содержанию и оформлению не предъявлено должных требований. Отчет даже не откорректирован. Разведочные работы по ручью Темному считать незавершенными. Разведанные запасы золота... в количестве 58,2 кг считать забалансовыми. Отчет вернуть на доработку...".

И все-таки отчет о работах Щапинского отряда Южно-Камчатской экспедиции хранится в ТГФ в изначальном виде. Причина может быть и такой - закрутила геологов ЮКГРЭ начавшаяся эпопея с Оганчей. И не до Щапиной им стало...

Россыпи полуострова Камчатского мыса

Этот полуостров обособленный, он и на теле Камчатки смотрится некой чужеродной бородавкой. И этому есть объяснение. Мало того, что когда-то он был островом, он еще и находится, если можно так сказать, прямо в гуще современных геологических событий, потому что расположен на месте стыка двух крупных геологических структур - Камчатки и Алеутской гряды. А этот стык характеризуется высокой тектонической активностью. Примерно посередине полуострова выходит на дневную поверхность мощное каменное тело - интрузия гипербазитов. Это очень непростое образование, которое давно не дает геологам покоя.

История геологических исследований на территории полуострова Камчатского мыса (нынешнее его название Камчатский полуостров) начинается с 1925 года, когда изучали упомянутое гипербазитовое тело студенты-геологи Г. А. Дягилев и А. Н. Трошин. Тогда они и установили присутствие шлихового золота в реках полуострова - Рыборазводной, Белой, Таловой и Первой Ольховой. В одном из шурфов ими был даже найден небольшой самородок размером, как они отмечали, "с булавочную головку".

После них в 1931 году то же самое тело изучал геолог К. Л. Неловицкий. Он искал связь с ним россыпей платины, но пришел к выводу об отсутствии на полуострове платины. При этом также отметил наличие знаков золота в двух шурфах по реке Белой.

В 1953 году на полуострове работала Усть-Камчатская геолого-геоморфологическая партия, выяснявшая перспективы алмазоносности. Геологи партии достаточно детально изучили

геоморфологию полуострова, выделив на нем 13 типов прибрежно-морских и речных террас вплоть до уровня 1100 метров. Выводы о возможном наличии россыпей золота и платины были сделаны отрицательные.

И только Усть-Камчатская партия М. Ю. Хотина, проводившая в 1964 - 66 годах на полуострове геологическую съемку масштаба 1:200 000, вновь оценила район как перспективный на обнаружение россыпного золота. Небольшим количеством шурфов начальник поискового отряда Ю. М. Стефанов установил принципиальную золотоносность всех террасовых уровней местных водотоков.

По - настоящему сенсационным для камчатских геологов стал 1966 год, когда В. А. Нодия насчитал в реке Первой Ольховой прогнозные запасы золота в 3 тонны. Он же указал на наличие россыпей в ручьях Беспутном, Стланиковом и Бабушкином, в которых прогнозировал наличие 350 килограммов золота. Такие перспективы очень обрадовали руководителей Усть-Камчатского района, ведь у них появилась возможность организации горнодобывающего предприятия, что явилось бы хорошей добавкой в экономику района.

Но радость была преждевременной. В 1967-68 годах Ольховская партия провела работы на перспективных участках, выделенных Нодией, и получила совершенно иные результаты. Так, оказались бесперспективными ручьи Бабушкин, Стланиковый, Беспутный и Второй Ольховый. В Первой Ольховой было выделено 4 россыпи, но с гораздо меньшими запасами золота. Кроме того, были разведаны небольшие россыпи в ручье Банном (правый приток Первой Ольховой) и ручье Сун. Общие запасы золота составили 736 килограммов. Кроме золота в шлихах из Первой Ольховой отмечались хромит (до 20% состава шлиха), ильменит, гранат, пирит и осмистый иридий (63).

В 1969 году россыпи реки Первой Ольховой и ручья Банного были переданы прииску Камчатский для промышленной отработки.

Надо сказать, что Ольховская партия применяла для разведки механизированную проходку траншей, то есть продолжила этот вид работ, впервые опробованный на Гольцовке. Кроме того, бурили комплектом "Эмпайр" и станком БУ-20-2М. Традиционно проходили шурфы.

Состав Ольховской партии в 1968 году был следующим: начальник партии М. М. Задорнов, начальник отряда И. Е. Скоблин, геологи И. Д. Петренко и И. А. Сивогорлый, старшие техники-геологи И. Н. Ваняев и А. М. Шварцман, техники-геологи М. И. Сивогорлая, А. Л. Сергеенко, Р. В. Задорнова, А. Я. Петренко, технический руководитель Р. Л. Набатов, горные мастера В. И. Лямцев и А. Г. Зверев, прораб буровых работ Б. П. Томко, топографы Г. К. Стефанович и К. Ф. Бондарь.

Добыть на полуострове разведанное золото не получилось. Старатели начали добычу, но золота почему-то не обнаружили. До сих пор специалисты гадают, чья это была ошибка - геологов или же старателей...

Хотя интерес к полуострову не остыл. Ведь в россыпях присутствовал осмистый иридий - металл из группы платиноидов. Но это, как вы понимаете, другая история, описание которой ищите в той части книги, в которой рассказывается о платине.

СИЯНИЕ ЗОЛОТЫХ КОПЫТ

До 1968 года на Камчатке было разведано и частично находилось в стадии исследований 13 россыпей золота. Кроме того, было выявлено более 120 рудных проявлений, среди которых одно заслуживало особого внимания. Это было проявление, найденное на горном перевале Оганчи, в Камчатском Срединном хребте.

В 1968-м году коллективом некоторых ведущих геологов Камчатки были подготовлены "Прогнозная оценка важнейших видов минерального сырья Камчатской области и планируемые затраты на разведку в 1968 - 2000 годах". Раздел "Золото" в этой работе был составлен И. Н. Карбивничим. Касаясь россыпей, он отмечал, что "россыпная золотоносность современных, средне- и древнечетвертичных аллювиальных, озерных и морских отложений пользуется широким распространением и отмечена в большом количестве водотоков. В пространственном отношении подавляющее большинство золотоносных ореолов сгруппированы в золотоносные районы, отличающиеся между собой геологическим строением, особенностями экзогенных процессов, происходивших на их территории после инверсии геосинклинали, а также условиями

формирования золотоносных россыпей". Какие же золотоносные районы выделил Иван Нестерович Карбивничий?

Ганальский район, в котором к тому времени были уже известны две промышленные россыпи - ручьев Каменистого и Удачного;

Район Срединного Камчатского выступа с россыпями Дальняя Гольцовка, Средняя Гольцовка, Ближняя Гольцовка, Камешковая, Утинская. Кроме того, была установлена золотоносность многих рек на западном склоне Срединного выступа - Кихчик, Ветвистый со своим притоком ручьем Дальним, река Капитанская, где ожидали получить 600-800 килограммов золота, ручьи Эврика и Юбилейный.

Западно-Камчатский район, где наблюдалась устойчивая знаковая золотоносность всех речных долин;

Усть-Камчатский золотоносный район с россыпями реки Первая Ольховая и ручьев Беспутный и Стланиковый;

Пенжинский золотоносный район с очень перспективными россыпями реки Ушканья Вторая и ручьев Горный и Морось;

Таловско-Майнская зона, золотоносность которой была изучена еще слабо, но уже проглядывала перспектива рек Бухтовой, Горелой, Пустой и ручьев Смятый, Нежданный, Гриф. Прогнозные запасы россыпного золота в указанных шести районах оценивались в 100 тонн (64).

Да, перспективы были обнадеживающими, но рентабельность золота, добытого прииском Камчатским, из года в год снижалась. Уж очень большими были затраты на поиски и разведку. Да и сама добыча была недешевой, особенно когда участки прииска ушли далеко от базы, в нежилые, труднодоступные места. К тому же вскоре стали всерьез говорить о другом золоте - рудном. В 1966 году началась поисковая разведка на Оганчинском золоторудном месторождении, что заставило геологов во многом пересмотреть взгляды на перспективы камчатских недр. В 1968 году И. Н. Карбивничий выделял четыре благоприятных и решающих фактора для постановки на Камчатке работ на рудное золото:

Камчатка находится в пределах Тихоокеанского металлогенического пояса, в котором развиты и широко известны золотые и золото-серебряные месторождения Японии, Филиппин, Новой Гвинеи, Новой Зеландии, островов Фиджи;

На Камчатке имеются необходимые геологические условия: большое разнообразие горных пород с широкими полями их температурных изменений, с дайками и жилами;

Наличие промышленных россыпей сравнительно молодого возраста, что позволяет ожидать сохранение от эрозионного размыва их коренных источников;

Наличие уже выявленных, но еще слабо изученных 120 золоторудных проявлений, которые говорят сами за себя.

Какие же проявления имелись тогда на Камчатке и сколько ожидали в ее недрах рудного золота? Вот список главных проявлений:

- Оганчинское рудное поле; прогнозные запасы - 10 - 15 тонн;
- Проявление Лазурное;
- Козыревская группа проявлений;
- Кеточанская группа;
- Сухариковская группа;
- Проявление ручья Гранитного;
- Проявление ручья Дождливого;
- Южно-Камчатский золоторудный район в пределах рек Плотниковой, Паратунки и Карымчины;
- Китхойское проявление;
- Южно-Корякский рудный район в пределах южной части Корякского нагорья;
- Ичигинская группа проявлений;
- Территория Южно-Чукотского вулканогенного пояса и правобережье реки Пенжины;

- Северная группа на реке Хиузной.

Прогнозные запасы по рудному золоту давались в 500 тонн. Предполагаемая добыча золота прогнозировалась по пятилетиям в следующих количествах: к 1970 году - россыпного 0,5 тонны; к 1975 году - россыпного 1,5 тонны; к 1980 году - россыпного 1,5 тонны и рудного 2 тонны; к 1985 - россыпного 2,5 тонны, рудного 5 тонн; к 2000 году - россыпного 5 тонн; рудного 10 тонн. (65).

Правда, прошло два-три года, и стало очевидно, что с планом добычи поспешили. Особенно с тем, который касался россыпного золота. "Было понятно, что это бесперспективный путь, - говорит сегодня известный камчатский геолог, специалист по золоту Игорь Диомидович Петренко. - Ведь Камчатка - молодая страна. Какие уж там большие россыпи? Я и тогда это говорил...".

В середине 1972 года Камчатское управление сократило работы на россыпное золото, а в конце того же года ликвидировало поисково-разведочные россыпные партии. Так закончился первый золотой бум - с россыпями Центральной Камчатки. Но всюду уже шел другой бум - золоторудный. Сияли уже не искры, выбитые золотыми копытами, сияли сами копыта.

ПЕРВЫЙ ЗОЛОТОЙ ПЕРЕВАЛ ОТКРЫТИЕ ОГАНЧИ

Перевал Оганчи, пожалуй, один из самых удобных на всем протяжении Срединного Камчатского хребта. Недаром именно через него проходит тракторная дорога из долины реки Камчатки на западное побережье полуострова. Но, тем не менее, не такой он простой, этот перевал.

Поднявшись вверх по Правому Кирганику, дорога здесь пересекает голую, каменистую тундру водораздела и сразу начинает круто спускаться в узкую долину реки Левого Богдановской. Вокруг нависают скалы с остатками снежников на теневой стороне, а над вершинами и вдоль всего перевала дуют ветры - вечные холодные ветры. Того и гляди, закружит, запуржит, закроет дорогу...

Здесь, поблизости, Карл Богданович в 1897 году обнаружил в шлихе первый малюсенький значок золота - первого золота Камчатки. В память о том событии речку назвали именем Богдановича. Большой удачи Карлу Ивановичу добиться не удалось, и след его единственной находки долго одиноко сиял небольшим красным кружочком на геологической карте Камчатки. Сиял, притягивая взгляды последующих поколений геологов.

Только в 1951 году Виктор Андреевич Ярмолюк, взявшийся составить первую рабочую, а не академическую геологическую карту Камчатки миллионного масштаба, вновь обнаружил здесь шлиховое золото. Это подтверждало, что находка Богдановича не была случайной.

А через шесть лет, благодаря работам геологов из партий Ю. В. Макарова и И. Н. Ильченко, о районе заговорили как о перспективном на медные руды. Но золото со счетов не сбрасывали, потому что "золотило", в принципе, везде. Не хватало лишь конкретной находки перспективного рудного материала. И в 1959 году такая находка произошла. Сделал ее начальник Озерновской партии Яков Шаваршович Геворкян, проводивший поисково-съёмочные работы масштаба 1:25 000 в верховьях рек Озерновской и Правого Кирганика. Он рассказывает:

"Наши палатки стояли в верховье реки Озерновской, рядом с минеральными источниками типа Малкинских. Кстати, очень вкусная, качественная вода, мы ее с удовольствием пили. Во время одного из маршрутов я вышел прямо на Оганчинский перевал. А там, в северном направлении, тянется мощная зона вторичных кварцитов. Я начал колотить их и в одном из кусков увидел минерализацию, похожую на золото. Кислоты с собой не было, поэтому я решил проверить ее в лагере. Когда проверил, то убедился, что это действительно рудное золото. Буквально сразу же мы собрали накопившиеся пробы и отправили на лошадях в город. К нашему возвращению с полевых работ некоторые анализы были сделаны, в том числе и по моим оганчинским кварцитам. Они показали хорошие содержания золота - до 108 граммов на тонну. Вскоре я с этими данными и несколькими пробами вылетел в Магадан, в управление. Там сделали анализы, которые подтвердили высокие содержания золота".

30 декабря 1959 года состоялось заседание технического совета Камчатского райГРУ, на котором рассматривали готовый к этому времени геологический отчет Озерновской партии. На заседание пришли члены технического совета - начальник Камчатского райГРУ М. Д. Чернов, начальник ГПЭ Ю. В. Жегалов, старший геолог М. Б. Белова, а также приглашенные - доктор геолого-минералогических наук Г. М. Власов, геологи Ю. А. Шаров, А. И. Байков, В. И. Лукьянов, А. Д. Зубко. Докладывал начальник Озерновской партии Яков Шаваршович Геворкян.

Защиты этого отчета ждали, всем было известно, что Геворкян нашел в верховьях реки Озерновской, на перевале Оганчи, несколько кварцевых жил и вторичные кварциты с видимым золотом, содержание которого достигает 108 граммов на тонну. Кроме того, у него были неплохие результаты по ртути. Теперь, рассматривая отчет, надо было окончательно понять, насколько район, в пределах которого уже было известно рудопроявление меди, еще и перспективен для открытия россыпных и рудных месторождений золота и ртути.

В принципе, отчет Геворкяна был обычным. Но перспективные находки делали его одним из самых заметных на Камчатке. После недолгого обсуждения резюме присутствующих было единодушным: район требует к себе более пристального внимания. (66).

В следующем, 1960 году Геворкян руководил Верхне-Кирганикской поисково-разведочной партией, проводившей работы на медном месторождении Сухое озеро. В работе партии приняли участие геологи А. И. Байков и В. В. Радченко, а также геофизики Б. К. Потапчук, В. В. Ардашов и А. И. Шелегеда. От месторождения Сухое озеро до перевала Оганчи было около 40 километров. Геологи уже конкретно установили там несколько рудных жил суммарной длиной 8 000 метров. Мощность жил менялась от 0,4 до 12 метров. По результатам пробирного анализа бороздовых проб содержание золота достигало 37 г/т, штучных проб - 110 г/т. Кроме этого, геологами подтверждалось главное: весь район в геологическом смысле представлял собой интересную и весьма привлекательную площадь. Это было отражено Геворкяном в отчете, когда он написал: "В верховьях реки Кирганик выявлен рудный узел, представляющий большой практический интерес в отношении меди, золота, серебра и полиметаллов" (67).

Но работы в этом перспективном районе по ряду причин больше не велись. Только в 1965 году, после образования на Камчатке своего территориального геологического управления, в Геолого-съемочной экспедиции была создана Оганчинская поисково-разведочная партия для поисков и опробования коренных рудопроявлений золота и серебра на Оганчинском перевале. Руководил партией опять же Яков Шаваршович Геворкян. В партии работали начальник поискового отряда В. В. Радченко, старший техник-геолог В. П. Зотов, техник-минералог В. Ф. Лисина и несколько студентов из различных вузов страны.

Вот тогда и были открыты и изучены с поверхности первые рудные кварцевые жилы Оганчи. Их было много - №№ 1, 2, 3, 6, "Главная", "Удачная" и апофиза жилы "Главной". Это позволило выделить на исследуемой территории рудное поле, которое получило название Оганчинского золоторудного месторождения. Площадь месторождения составила 1 квадратный километр, перспективная же площадь была гораздо обширнее - 19 квадратных километров.

Геолог Виктор Павлович Зотов вспоминает: "Вскрывали рудные тела в основном канавами. Золото было, но слабое. Тогда решили прямо по жиле №2 пробить глубокий шурф. Для проходчиков это был тяжелейший труд. Шпуры для закладки взрывчатки бурили вручную, прямо в кварце. Целый день мужики колотятся, выбурят четыре мелких шпурика, зарядят, взорвут, а в результате вылетают всего два камня. И опять все сначала... И все-таки метров на десять углубились. С глубиной видимого золота стало гораздо больше".

Действительно, в дальнейшем по результатам анализов проб, отобранных в этом и других шурфах, было установлено, что содержание золота с глубиной увеличивается от 2,6 до 661 грамма на тонну. Такой результат не мог не поразить воображение геологов. Именно это позволило им предположить, что прогнозные запасы золота Оганчинского месторождения составляют 120 тонн, а запасы перспективных участков - еще 52,6 тонны. "Таким образом, - писал Я. Ш. Геворкян в своем отчете в 1966 году, - перспективная металлогеническая обстановка и общее благоприятное экономическое положение рудного района в целом ставят Оганчинское рудное поле в ряд первостепенных объектов для продолжения геолого-поисковых работ с целью предварительной оценки рудного поля и подготовки наиболее перспективных участков для разведки на глубину".

Да, это было открытие. Первое открытие на Камчатке месторождения рудного золота.

НАУКА ОГАНЧИ

Работать на Оганче опять предложили Геворкяну. Старшим геологом назначили Геннадия Михайловича Хабалова. Задача перед геологической партией Геворкяна стояла конкретная: проследить по простиранию рудные тела и провести их представительное опробование.

Пробы руд с Оганчи минералогическая лаборатория КГУ анализировала тут же, без очереди. Результаты анализов были весьма и весьма впечатляющими. Осенью 1966 года Министерство геологии СССР разрешило Камчатскому геологическому управлению организовать Оганчинскую геологоразведочную партию в составе Южно-Камчатской экспедиции (г. Елизово), которая уже в зиму должна была начать предварительную разведку месторождения.

База партии располагалась в верховьях ручья Быстрого, под Оганчинским перевалом. А почти на самом перевале, метрах в 300-х от него, на месте будущих детальных работ, было решено поставить два деревянных домика. Как вспоминает геолог Виктор Павлович Романов, "в ноябре взрывами выбили котлованы, в них поставили срубы из тополя и опять присыпали грунтом. Получилось относительно тепло, иначе зимой, в условиях вечных ветров, жить было бы невозможно. Интерес к месторождению был большой, а потому задачу поставили жестко: раскрутить его в короткие сроки".

Сам Виктор Павлович Романов начал работать на Оганчинском месторождении с первых чисел января 1967 года. Тогда он только что прибыл на Камчатку после окончания Ленинградского горного института. Правда, лето 1966 года он работал на практике в Пенжинской экспедиции, а потому полуостров был ему знаком. После практики он защитил диплом и вернулся на Камчатку уже специалистом-геологом. Его определили на работу в Южно-Камчатскую экспедицию, откуда направили геологом в Оганчинскую партию.

Прибыл он туда, когда домики на перевале утопали в снегу. В одном - жили проходчики шурфов, другой - служил камералкой, конторой и жилищем геологов. В этом домике и поселился Виктор Романов.

"Работа на месторождении была построена на нетребовательности русского человека, - говорит он. - И еще - на большом желании людей работать, на энтузиазме. По крайней мере рабочие, в данном случае горняки, с удовольствием перешли с сезонной работы на круглогодичную, разведочную. Зачастую о сезонниках в геологии презрительно отзываются, как о бичах. Ну не удалось человеку построить личную жизнь, но ведь он работал, а многие - от зари до зари. Вот на их нетребовательности к быту да на молодом энтузиазме геологов вся работа и строилась".

Зима стояла суровая. На участке Центральном горняки проходили шурфы глубиной до 20 метров с десятиметровыми рассечками. Породы отличались высокой крепостью, категория доходила до 9 и даже 12. Но проходка поначалу шла вручную, с помощью долот и тяжелых, пятикилограммовых кувалд. За месяц горняки проходили по 6 - 8, некоторые 9 метров. "Особенно тяжело было идти по кварцевым жилам, - рассказывает В. П. Романов. - Но люди относились к этому, как к работе, не роптали. Более того, у них интерес был к месторождению, они не просто механически работали, чтобы только заработать деньги. Например, с интересом работал старейший проходчик Дмитрий Петрович Бурилин, участник Великой Отечественной войны. У него под сердцем был осколок, он получил его в Чехословакии. Но человек работал, ему было интересно.

А данные по шурфам действительно получались интересными. Оруденение прослеживалось на всю глубину шурфов, причем наметились особенности распределения золота в рудных телах. В частности, была замечена такая закономерность, что там, где вмещающие породы были среднего состава, эффузивно-пирокластические, - больше золота, а ниже, в Хайрюзовской свите и рудоконтролирующем Озерновском массиве гранодиоритов, золота мало. Было ясно видно, что нужны поиски в прилегающих районах, что территория очень перспективная. Позже я докладывал на уровне главного геолога управления ситуацию на месторождении и говорил, что проходку шурфов надо остановить и продолжить поиски. Но меня не послушали, молодой был, тяжелые работы продолжили, позже перешли на штольни, из-за чего, может быть, затянули с открытием Агинского месторождения, которое было рядом".

Шурфовочные работы, которыми занимался всю зиму Виктор Романов, велись без проекта, в счет будущего финансирования. А проект на поисково-разведочные работы на Оганчинском рудном поле писали этой же зимой старший геолог партии Г. М. Хабалов и геолог А. В. Куркин. Целевым назначением работ являлись оценка общих перспектив золотоносности Оганчинского поля и месторождения, а также изучение оруденения рудного тела "Апофиза" и жилы № 2 на глубину.

Летом проходчики начали, опять же вручную, проходить канавы. Объем проходки в 1967 году был очень большим и составил в результате более 20 000 кубических метров. В это же время на базе экспедиции в Елизово шла подготовка к проходке на Оганче штольни. Централизованные поставки горнопроходческого оборудования и материалов для этой штольни не были заявлены, так как

заявочные кампании обычно проводятся загодя, а разворот работ на Оганче начался неожиданно. Поэтому все доставать пришлось самим. Эту работу поручили заместителю начальника Южно-Камчатской экспедиции Владимиру Никифоровичу Цюпко.

Об этом человеке геологи говорят буквально с восхищением. В геологию он пришел из торговли, был крайне контактным, энергичным и предприимчивым. Свои снабженческие операции он разрабатывал как боевые. И вот Цюпко узнал, что в один из совхозов для молочно-товарной фермы привезли рельсы, но здание фермы еще не готово, и рельсы понадобятся не скоро. Зато совхозу срочно нужен шифер, который имеется в Радыгино, а Радыгино ищет трубы для водопровода. Цюпко составляет свой план операции: экспедиция дает Радыгино трубы, получает шифер, отвозит его в совхоз и забирает рельсы. И так было со всеми материалами. В результате в августе 1967 года можно было начинать врезку штольни № 1 на участке Центральном.

Устье будущей штольни находилось на левом склоне верховья ручья Быстрого на отметке 1274 м. Одним из главных действующих лиц на ее зарезке был горный мастер Михаил Третьяков, у которого до этого уже был опыт проходки подземных горных выработок в Бурятии. Проходческая бригада формировалась из наиболее дисциплинированных, продуктивных проходчиков поверхностных горных выработок, то есть была неквалифицированной, людей всему предстояло научить. В эту бригаду включили канавщика Анатолия Алексеевича Дворяка - будущего знаменитого проходчика Камчатки, получившего в 1974 году (всего-то через 7 лет после этого!) орден Трудового Красного Знамени за скоростные проходки на Сергеевском золоторудном месторождении. Дворяк был человеком большой физической силы и трудолюбия. В одиночку, работая от зари до зари, он за месяц проходил вручную до 800 кубических метров канав, как мини-экскаватор.

Но учились не только горняки, учились и геологи. Инспектор горнотехнической инспекции Павел Всеволодович Мухин, приехавший вскоре на Оганчу, приостановил проходку штольни из-за многочисленных недоработок. То сечение, то уклон не выдерживались, то бумаги не так оформлялись, или документация не правильно велась. Собственно, благодаря настойчивости и принципиальности Мухина, опыту мастера М. В. Третьякова да энтузиазму проходчиков работы постепенно приводились в порядок, вставали на нужный качественный уровень. А главной ошибкой оганчинцев было то, что они, не сделав рудного двора в устье штольни, сразу пошли вперед. Мухин это дело пресек.

"По приказу управления на ликвидацию ошибок приехал главный инженер экспедиции Александр Тихонович Гриднев, - рассказывает В. П. Романов. - Человек он был въедливый, непростой. Забивает проходчик последний костыль в шпалу, а Гриднев наблюдает, молчит. Когда костыль забит, он говорит проходчику: "Если бы ты был настоящим проходчиком, то не так бы сделал - на стыке рельсов не одна шпала кладется, а две". Проходчик матюгнулся: "Вы ж здесь были, не могли сказать? Теперь переделывать. Это ж такой труд...". Гриднев: "Я хотел, чтоб ты научился".

По технологии наши проходческие работы были комбинацией ручного и механизированного труда. Бурили перфораторами, откатывали вагонетки вручную. Выручало то, что горняки почувствовали вкус к настоящей, серьезной работе. Здорово выручал мастер Третьяков. Он и на погрузмашине, он и бурит, он и крепит, короче - везде. И народ возле него обучается. Так и нарабатывался костяк настоящих проходчиков и специалистов. Значительная часть из них позже работала на подземке в Олюторской партии, затем на Сергеевке, Аге".

Когда штольня № 1 достигла отметки 17 метров, на месторождение прилетел профессор Г. П. Воларович, который, осмотрев участок и выработки, рекомендовал прекратить проходку этой штольни и начать другую, на более низком горизонте. К рекомендации прислушались, протоколом НТС управления направление работ было изменено.

Штольня № 3 была врезана на высотной отметке 1211 метров, то есть на 63 метра ниже первой. Ее проходка пошла также вручную, с прежними темпами. Правда, технических ошибок было уже значительно меньше. До конца 1967 года штольня продвинулась до 30 метров.

В том же году Виктор Павлович Романов сел за отчет партии по работам 1966 года. По рудным телам, вскрытым и изученным к тому времени на участке Центральном, он посчитал запасы золота и серебра. В подсчет запасов вошли рудное тело "Апофиза", жильная зона № 2, рудное тело "А", рудное тело "В", жильная зона "Главная", жильная зона № 3, рудное тело "Удачное" и рудное тело, вскрытое в канаве № 97. Запасы у Романова получились отнюдь не похожими на цифру 120 тонн,

как прогнозировалось на первых стадиях работы. Запасы были такими: золота - 4,32 тонны, серебра - 2,54 тонны.

Похоже, после этого к Оганче несколько охладели. Из геологического персонала на зиму на участке остались только Виктор Романов и его однокашник по институту Василий Морозов. Они были предоставлены сами себе. Вся их жизнь, в сущности, состояла из работы. Оба и отдавались ей полностью. Виктор Павлович Романов вспоминает:

"Василий был дотошный, интересный парень. Жили мы вдвоем в нашем домике, вместе камералили, на штольню по очереди бегали. Бывало, придет Василий со штольни и сразу садится дорабатывать документацию. Сидит, разбирается. Потом говорит:

- Слушай, Виктор, у меня получается, что карбонатный прожилок сечет кварцевую жилу. Не может ведь такого быть?

Я подключаюсь. Начинаем думать, разбираться в ситуации. Василий решает сбегать на штольню, посмотреть, может быть, что-то пропустил, что-то не так понял. Рассуждает вслух:

- Я уходил, проходчики откатку делали. Значит, сейчас отбурили, палить будут. Хотя нет, еще не отбурили, успею до отпалки...

Подхватывается и бежит, чтобы еще раз успеть посмотреть забой. То есть, мы с ним творчески к работе подходили, с интересом, дотошно разбирались в вопросах геологии. Правда, мы в институте и подготовлены были соответственно, ведь наш Ленинградский горный готовит именно горных инженеров-геологов. А здесь нам дали свободу, самостоятельность. С января до весны на участке, кроме нас, не было ни одного геолога или начальника. Мы приустиали даже, ведь вся жизнь, вся геология замкнута пятачком вокруг штольни и домиков. А хочется шире работать. И потом - проходка шла все же примитивно. Несерьезно это все было, не чувствовалось накала большой работы. Такое чувство, что сидим в снегах, никому не нужные вместе со своей геологией и своим месторождением. И проходчики так же себя стали чувствовать, участились пьянки, мы не успевали проследить. Василий говорит:

- Давай напишем начальнику управления Никольскому. Ну что это за разведка? Пусть вмешается.

И стали мы сочинять письмо. Начинаем писать, много пишем, умно, но получается, что все кругом дураки, а мы самые прозорливые, самые умные. Бракуем текст. Пишем снова, уже кратко. Но вскоре обнаруживаем, что непонятно, чего мы хотим. Никак не получается. А потом меня осенило, и я предложил Васе написать так:

"Начальнику КТГУ Никольскому В. М. от геологов Романова и Морозова. Извините за конкретность, но херня это, а не разведка Оганчинского месторождения...".

В таком ключе и написали, и передали письмо Никольскому через нашу однокашницу, ныне кандидата геолого-минералогических наук в Институте вулканологии Лидию Павловну Тавергасову. Чтобы не перехватили.

И точно, прилетает со свитой Никольский. Мы с Василием были на документации, поэтому они зашли в домик и посмотрели альбомы, планы, документацию нашу без нас. Потом по объектам пошли. А вечером собрались. Первым стал говорить Никольский. Рассказал о геологических результатах в управлении, как проходят работы, где хорошо, где плохо. И чувствую, что начинает он себя взвинчивать и в таком состоянии доходит до нашего письма. Все смотрят на нас с жалостью. Геворкян даже реплику подал: "Вадим Михайлович, ребята молодые, надо это учитывать".

- Да нет, уже не молодые, - отвечает Никольский. - Мы же смотрели документацию. У нас такой документации нет. Она же сразу дает направление дальнейшим работам. Надо работать именно так!

Тут уже наше начальство головами завертело. Короче, все наоборот обернулось - Никольский поддержал именно нас, дал указание собрать в управлении НТС и рассмотреть ход работ на Оганче. А меня после этого официально назначили старшим геологом партии вместо ушедшего Хабалова".

Справедливости ради надо отметить, что комиссия во главе с начальником управления В. М. Никольским прилетела на Оганчу не только из-за письма молодых геологов. Хотя оно сыграло важную роль. Прилетали еще и по письму начальника партии Я. Ш. Геворкяна в обком партии, в котором он жаловался на снижение интереса к месторождению и, как следствие, финансирования. Одним словом, стук с двух сторон помог, начальство прилетело и посмотрело, как идут дела на объекте.

Результатом этого визита стало дополнение к проекту работ и продление сроков поисковой разведки до 1971 года. Написанием дополнения занялся старший геолог Сергей Сергеевич Коваль, который закончил работу в начале 1969 года. Еще была надежда, что Оганча раскроется.

ОБМАН ОГАНЧИ

Ближе к лету 1968 года уволился из экспедиции и уехал в родную Армению начальник Оганчинской партии Яков Шаваршович Геворкян. На его место назначили П. Л. Кручинина, который, кстати, поработал совсем ничего и в том же году уступил должность Щукину. Этот начальник тоже поработал совсем мало - история не сохранила даже его инициалов - и в 1969 году начальником стал А. С. Деркач, которого вскоре перевели в техруки, и назначили руководителем Б. М. Овчинникова. Он уже доработал до самого закрытия партии в конце 1971 года.

"Когда Геворкян ушел, началась чехарда с начальством, - рассказывает В. П. Романов. - Приглашали пришлых. Был, например, хороший специалист из Якутии. Приезжает сюда, а здесь - никакой, потому что условия совсем другие. Следующего берут, и так далее. Дисциплина стала падать, пьянки все чаще. Доходило до того, что меня, при живом начальнике, рабочие просили подействовать на загулявшего хлебопека, потому что партия сидела без хлеба. Поговорил я с пекарем, бражку повыливал, и все пошло нормально. Но мне это надоело. А тут предложили поехать в бухту Сомнения на ртутное месторождение, и я согласился. Тем более что и дипломную работу писал по ртути. В начале 1969 года из партии я ушел".

В том же, 1969 году новый старший геолог Оганчинской партии Джамиль Хасанович Уразуметов написал отчет по итогам работ по основному проекту. Отчет получился компактным, отразившим всю информацию, полученную партией, хотя сам Уразуметов в тот период еще не работал. Подсчет запасов, сделанный автором, дал еще меньшие результаты, чем они были у Романова, - золота 2,35 тонны, серебра - 1,73 тонны (69).

Однако работы еще продолжались. В объемах они выразились следующим образом:

- 1969 год: пройдено по штольне № 3 со штреками и рассечками - 284 метра, проходка шурфов - 3 метра, канав бульдозером и с применением взрывов - 5 457 кубических метров;
- 1970 год: штольня со штреками и рассечками - 609 метров, канав - 6 300 кубов, подземное бурение станком ГП-1 - 147 метров;
- 1971 год: штольня со штреками и рассечками - 237 метров, подземное бурение - 200 метров.

Но 25 февраля 1971 года Министерство геологии РСФСР письмом № СТ-6/21-675 все же остановило дальнейшие работы на Оганчинском месторождении в связи с отрицательными результатами, а также потому, что Мингео СССР уже не включило Оганчу в титул работ на 1972 год. Чтобы еще раз убедиться в неперспективности месторождения и необходимости проведения на нем необходимого минимума завершающих работ, в апреле 1971 года в Оганчинскую партию вылетела специальная комиссия. В ее составе были куратор Мингео РСФСР по Камчатскому управлению С. А. Маркова, главный геолог КТГУ Т. В. Тарасенко, старший геолог геологического отдела КТГУ А. Р. Шарга, главный геолог ЮКГРЭ Ю. И. Харченко. Комиссия предложила для завершения исследований проследить штреком северо-восточный фланг жильной зоны № 2 на протяжении 74 метров, а также эту же зону - двумя рассечками и тремя скважинами из этого штрека. Рекомендации утвердил куратор Мингео РСФСР по рудному золоту Г. П. Воларович на специальном совещании в министерстве 28 мая 1971 года. В течение лета 1971 года рекомендации были выполнены, но положительных результатов так и не дали. Тогда решением НТС Камчатского управления от 6 июля того же года дальнейшее проведение поисково-разведочных работ на Оганчинском месторождении было прекращено.

В итоге штольня № 3 была остановлена на отметке 589 метров от устья, вскрыв на полную мощность жильные зоны "Удачная", № 3, "Апофиза", "Главная" и № 2. Увы, итоги многолетних работ на месторождении выразились всего в нескольких строчках отчета: "На данном этапе

Оганчинское месторождение следует считать не имеющим самостоятельного промышленного значения...".

НА СКЛОНАХ ИЧИГЕМСКОГО ХРЕБТА ЛОС-ПЕНЖИНОС

Пенжина - река знаменитая, овеванная первопроходческой романтикой с давних пор. В XVII и XVIII веках русские казаки, приходившие на Камчатку с севера, шли из Анадыря в Пенжину, а уже по ней спускались к Охотскому морю.

Сегодня Пенжина - единственная река, более или менее заселенная людьми на всем огромном пространстве от Пенжинского залива до Чукотки. На ее берегах стоят поселки Манилы, Каменское, Слаутное, Аянка. Но выше Аянки уже никого и ничего нет, кроме Верхне-Пенжинской метеостанции с тремя-четырьмя служащими да коряков-оленоводоов, кочующих со своими стадами. Но попробуй, найди их на обширных пространствах тундры...

Начинается река Пенжина на Колымском нагорье. На запад стекают притоки Омолона, на восток - Пенжины. Омолон бежит в Ледовитый океан, Пенжина - в Охотское море. Ее путь к морю мог быть короче, если бы не уперлась река в Ичигемский хребет. Пришлось воде его обходить, обегать сотнями лишних километров, делая большой крюк. На этом пути Пенжина набрала сил, стала большой, полноводной, забрала себе все речки, бегущие с окрестных гор.

Привольные здесь места, но суровые. Лето начинается поздно - в середине июня, заканчивается в середине августа. Летняя температура высокой не бывает, хотя в иные годы жарит под тридцать. Комаров - тьма, неба не видно. Бедных оленей они заедают настолько, что те теряют аппетит и из последних сил стремятся уйти в высокогорье. Отдушиной являются белые ночи: комаров нет, светло, прохладно - самое время для жизни, а людям еще и для работы.

Полно в тундре всякой ягоды, главным образом голубики, брусники, шикши. Грибов - видимо - невидимо. В иных местах, где, кроме карликовой березки и ягеля, ничего не растет, грибы - самые высокие и видные растения. Но, кроме всего прочего, славится Пенжина и своими лиственничными лесами. А в долинах многих ее притоков растет красавец-тополь, из стволов которого построены многие местные поселки.

Зима сюда приходит рано. В октябре Пенжина укрывается панцирем льда. Морозы достигают пятидесяти. В долине, где ветры дуют, как в трубе, такой мороз пережить непросто. Холодно, неуютно. Но в солнечные, тихие дни и зима здесь кажется прекрасной. По следам на снегу хорошо видно, сколь богаты эти края различной живностью: лисами, соболем, горностаем, зайцами, куропатками. Именно здесь, по берегам Пенжины, обитает самый крупный лось Евразии, который так и зовется - пенжинским. Его рога-лопаты человеку с трудом удастся поднять. Много здесь медведя, в последние годы все чаще стали встречаться волки.

Сочетание гор, лиственничного редколесья, обширных всхолмленных тундр с множеством озер, рек и их многочисленных проток создает в Пенжинской тундре своеобразный, незабываемый, удивительно красивый ландшафт. Раз увидишь - забыть уже невозможно. Сколько людских поколений носят в сердцах и памяти эти ландшафты! Сколько среди них геологов! Богатую, романтическую историю освоения этих краев оставили они. Одну из этих историй и собираюсь я здесь поведать своим читателям.

В 1961 году молодой паренек Шамиль Гимадеев поступил учиться на геолога в Казанский государственный университет. Все летние месяцы, начиная с первого курса, работал в геологических предприятиях: два года на Полярном Урале, а последние два - на Колыме, в Берелёхской экспедиции. Здесь он стал своим, его хорошо знали, а потому после окончания университета планировал Шамиль приехать на работу именно сюда. Но судьба распорядилась иначе. На Колыму распределений не оказалось, из самых дальних регионов была только Камчатка. Он записался туда. Вместе с ним выбрали Камчатку Юра Воеводин и Толя Чуйко.

Чуйко после защиты дипломного проекта решил жениться и пригласил друзей на свадьбу, которую устраивал в родительском доме во Фрунзе. В конце апреля 1966 года Шамиль полетел туда.

Путь его лежал через Ташкент, где надо было делать пересадку. Между самолетами оказалась целая ночь, и Шамиль устроился отдыхать в кресле. Его разбудил сильнейший гул, который исходил, казалось, со стороны летного поля. Похоже, там разом взлетала целая эскадрилья

самолетов. Но тут же ходуном заходило все здание аэровокзала, послышался чей-то истошный вопль.

- Землетрясение!..

Началась паника, люди спешно покидали здание. Сделать это было непросто, так как невидимое волнение в земной коре сбивало с ног. Пассажиры падали, хватаясь за свои вещи.

Не успели добежать до выхода, как все стихло. Тут же начал успокаивать какой-то мужчина, объясняя, что он строитель, строил это здание и гарантирует, что оно выдержит любое землетрясение.

Через некоторое время в аэропорт стали прибывать испуганные жители Ташкента, намереваясь покинуть город. Они рассказывали, что Ташкент лежит в руинах, очень много жертв.

Но самолеты продолжали летать, и вскоре Шамиль был во Фрунзе. Так, случайно, он оказался свидетелем известного катастрофического ташкентского землетрясения 1966 года. Судьба как будто бы предвещала ему нелегкую жизнь в стране вулканов - Камчатке.

Свадьбу другу он справил и вернулся в Казань. Оттуда полетел на Камчатку. В Петропавловске нашел геологическое управление и пришел представляться к главному геологу Тихону Васильевичу Тарасенко. Тот начал расписывать прелести работы на серном месторождении Малетойваям, где шла разведка. Но Шамиль хотел попасть только на поиски золота, о чем и просил Тарасенко. Тот поморщился, предложил подумать. Раздумья затянулись на две недели, так как один настаивал, другой упрямо не соглашался. В конце концов оба пошли на компромисс - Тарасенко предложил молодому геологу ртуть, заметив при этом:

- Там есть и ртуть, и сера. Займешься ртутью.

Гимадеев согласился. Тем более что партия, в которую его отправляли, находилась в составе самой северной экспедиции - Пенжинской, а это близко к любимой Колыме.

Итак, впереди его ждал Первореченск - малюсенький поселок геологов в устье реки Пенжины, на самом северном краю Охотского моря. Лететь туда надо было самолетом Ли-2, который могли выпустить в рейс только при условии, что погода будет благоприятствовать на всем пути полета и будут открыты как минимум три запасных аэродрома. Такого совпадения погодных условий пришлось ждать 21 день. Причем каждое утро Шамиль приезжал в аэропорт, весь день ждал вылета, а ближе к вечеру объявлялось о том, что рейс переносится на завтра. И так - три недели.

Наконец, полет состоялся. Через иллюминатор Шамиль разглядывал землю, на которой ему предстояло теперь жить и работать. Это были горы и леса, хребты и конусы вулканов. Севернее началась тундра с многочисленными блюдцами озер. Вскоре под самолетом засверкала солнечными бликами вода реки Пенжины. Прилетели в Каменское.

На краю взлетной полосы стоял вертолет Ми-4. Шамиль подошел. В вертолет грузили почту. Командовала погрузкой молодая женщина.

- Куда летите?

- В Усть-Пенжино. А тебе куда надо?

- На Первую речку.

- Тогда садись.

"Значит, по пути", - подумал Шамиль, забираясь в вертолет и усаживаясь на посылочные ящики. Вскоре взлетели. Низко-низко Ми-4 пошел над тундрой, вдоль реки. Все ближе становилась Пенжинская губа, все шире разворачивалось море на горизонте. Пролетели село Манилы, зависли над малюсеньким поселком из двух-трех десятков деревянных домов, стоящих в три ряда на высокой террасе. Посадочной площадкой для вертолета служил дощатый настил, сооруженный под террасой - между водой губы и домами поселка.

- А как отсюда до Первой речки добираться? - спросил Шамиль.

Женщина засмеялась:

- Это она и есть. Мы ее по привычке Усть-Пенжино зовем.

Представьте себе три ряда небольших деревянных домов, стоящих безо всяких заборов, без деревьев под окнами прямо на кочковатой, голой тундре. За поселком - всхолмленность Окланского плато, перед поселком - мутные воды Пенжинской губы. Летом вокруг желтые травы, зелень карликовых берез и кедрового стланика. Зимой - только снег и стылый, насквозь пронизывающий ветер. Унылый, однообразный вид. Не всякий человек мог выдержать здесь даже полгода.

Чтобы как-то разнообразить и скрасить жизнь, население Первореченска вынуждено было вести активную общественную, культурную, спортивную, творческую и даже научную работу. Благо что интеллектуальный потенциал первореченцев позволял это делать, ведь здесь были собраны люди в основном из крупнейших городов страны, окончившие институты, университеты, техникумы. Здесь жили романтики и поэты, умники и эстеты, из которых ключом била энергия. Она искала выхода. И находила во многих интересных и полезных делах. Небольшой по размерам клуб Первореченска был настоящим культурным центром, в котором люди собирались ежевечерне. Если не танцевали, то репетировали очередной спектакль, если не вели споры о геологии или прочитанных книгах, то просто пели, общались. Здесь же сыгрывались музыканты инструментального ансамбля "Лос-Пенжинос" во главе с геологом А. В. Исаковым. Здесь же создавалась стенная газета Пенжинской экспедиции "Разлом", над которой опять же работал коллектив во главе с тем же Исаковым.

Знаменит был Первореченск и хоккейными баталиями. Пожалуй, первореченцы одними из первых на Камчатке стали играть в хоккей на льду. Для этого в экспедиции были созданы две команды - "Радикулит" и "Ревматик". Играли на хорошем льду, залитом в специально построенной хоккейной коробке стандартного размера. Над коробкой висел деревянный щит с надписью "Стадион Цистерна имени Петра Павловича Трибунского". Название было дано в честь главного механика Пенжинской экспедиции, так как он один распоряжался единственным в поселке трактором, на котором можно было возить воду в цистерне. А вода была нужна, естественно, для заливки льда.

Заливка была целой эпопеей. Собирались команды, брали у Трибунского трактор и сани с цистерной и ехали на Первую речку, в устье которой и стоял поселок Первореченск. Во льду пробивали полынью и начинали ведрами носить в цистерну воду, так как насоса не было. Двое черпали и передавали ведра по цепочке. Затем их меняли другие. Пятикубовую цистерну заполняли за 5 - 8 минут. Рекорд Первореченска - 5,5 минуты. Для заливки коробки требовалось 50 - 55 цистерн, возили воду несколько дней. После этого приступали к полировке льда. Для этого требовалась горячая вода. И опять это выливалось в настоящую эпопею. После каждой пурги, а они довольно часты в тех краях, да и снег набивают плотно, как бетон, коробки тщательно чистились. Для этого снег приходилось нарезать на кубы бензопилой, а кубы вывозить на лошади, запряженной в сани. Это тоже было эпопеей. Причем часто коробку опять задувало доверху на следующий же день после уборки снега. И все приходилось начинать сначала. Зато играли всласть - никакая пурга не могла сорвать матч. Игры проходили строго по графику - два раза в неделю. Тренировки были почти каждый день. Болеть приходил весь поселок. Игра шла по всем правилам.

В честь праздника 8 Марта играли команды холостяков и женатиков. В День Советской Армии играли офицеры запаса с рядовыми. В день Победы игру посвящали ветеранам войны.

Играть хотелось всем. Те, кто не умел стоять на коньках, старались научиться. Для этого им приходилось идти на каток вечером, в темноте (зимой в Пенжинской тундре световой день короткий - в декабре чуть более 2-х часов, в другие месяцы 3 - 5 часов). Катались при фонариках, осваивали бег, сложные фигуры. Но основной мужской контингент поселка катался почти профессионально. Броски шайбы клюшкой тоже многие выполняли профессионально, а для тренировок устраивали "стрельбы" в цель.

Другим увлечением пенжинцев была стенная газета "Разлом". Ее редактором долгие годы состоял Исаков. Вместе с ним над газетой работали Ананий Поздеев, Евгений Татаржицкий, Игорь Сазанский, позже - Маргарита Забродина, Александр Кравцев, а вообще старались принять участие все. "Исаков просто замечательно, свободно рисовал, легко рифмовал, - рассказывает геолог Маргарита Васильевна Забродина. - Он мог в газете обыграть любую ситуацию, любой факт. Нам всем очень нравилась газета. Мы регулярно отправляли ее на конкурс в Петропавловск, в управление".

"Редколлегия была настолько зубастой и мощной, что люди, которые приезжали к нам из управления, вели себя очень осторожно, - вспоминает Шамиль Гимадеев. - Однажды начальник управления Никольский чего-то наговорил и сразу попал в газету. Ему донесли во всех подробностях. И он на техсовете как-то сказал, что в этой экспедиции надо очень аккуратно говорить. Газеты были очень злые".

Но не только умели развлекаться и интересно отдыхать геологи Пенжинской экспедиции. Умели и работать. Каждый был интересной личностью, приезжал в экспедицию с определенной геологической школой, поэтому всю зиму в камералке шли словесные баталии по поводу различных научных течений. У тех, кто занимался серой, были разные взгляды на генезис руд Малетойваямского месторождения. Их споры друг с другом доходили иногда до грубостей, до полного презрения друг друга как специалистов. Впрочем, это не мешало им дружить в быту, вне работы. Геоморфологи с поисковым уклоном в специализации делились на два течения - саратовцы и воронежцы. Саратовцев возглавлял Игорь Сазанский, окончивший в 1962 году Саратовский университет, а воронежцев - Леонид Шевырёв и Юрий Сергеев, которые прибыли в Первореченск после окончания Воронежского университета. Кроме того, как на дрожжах среди геологов росли различные школы металлогенистов. Спорили по поводу и без повода, доказывали свою правоту, фыркали на высказывания оппонентов.

Когда геологи съезжались в поселок после полевого сезона, все с нетерпением ждали начала защиты полевых материалов. Здесь-то и оттачивались теории различных геологических школ, здесь же и сводились счеты с оппонентами. "В кабинет, где проходила защита, набивались зрители и участники, - делится воспоминанием об этом Маргарита Забродина. - Такие были зажигательные диспуты! Молодые геологи удивлялись: как можно так яростно спорить из-за каких-нибудь мелочей, деталей, незначительных разночтений? Но оппоненты спорили, в спор вовлекались присутствующие, и пошло-поехало. После этих баталий начиналась собственно защита. Это было обильное русское застолье. Притаскивали из дому все, что только было можно, варили-парили, конечно - водочка. И заседали долго-долго, и все геологические вопросы решались именно за этим столом".

Самобытной была здесь и защита геологических отчетов. Каждый геолог знал, что его отчета с нетерпением ждут оппоненты. Когда отчет был готов, оппоненты напрашивались у начальства в рецензенты. Это означало, что будет много замечаний и, может быть, отчет вообще признают неграмотным и никчемным. "На защите отчетов редко кому ставили оценку 4, а уж пятерок вообще никогда не было, - рассказывает Шамиль Гимадеев. - Очень принципиально подходили. В рецензиях изгалялись как могли. Многие защиты отчетов заканчивались элементарными потасовками. Даже когда оценки за отчет стали влиять на премии, все равно в Пенжинской никого не щадили".

Вот сюда, в Пенжинскую экспедицию, в поселок Первореченск, и прибыл в начале лета 1966 года молодой, начинающий геолог Шамиль Гимадеев. Надо сказать, что тот, 1966 год был особым для пенжинцев. Тогда сюда прислали более тридцати молодых специалистов. Плюс к тому приехало несколько опытных геологов, например, Юрий Сергеевич Турчинович, который до этого много работал на геологической съемке в арктической части Якутии. Его сразу поставили руководить Игуновоямской партией, в которую определили геологом и Гимадеева. Из Петропавловска перевелся Альфред Евгеньевич Конов, которого тут же определили в начальники Усовской геолого-съёмочной партии. Приехал из Тувы опытный техник-геофизик Валентин Александрович Плюснин.

Немногом раньше Гимадеева в Первореченск прибыли супруги Сергеевы - Юрий и Лидия. В 1965 году Юрий Сергеев окончил Воронежский университет, женился и весной 1966 года прибыл с молодой женой на север. Их определили в Чалбугчанскую геолого-съёмочную партию, которая занималась составлением листа геологической карты к северу от Пенжинской губы.

Тогда же приехали на работу в Первореченск Леонид Шевырёв из Воронежского госуниверситета, Владимир Улевич после окончания Благовещенского политехникума, Евгений Буриков и Людмила Соколова из Московского университета, геолог Георгий Преображенский после окончания Ленинградского университета, Юрий Цвиркунов из Ленинградского горного института и еще многие другие. Первореченск зазвенел молодыми голосами, заиграл юношеским задором.

Весь свой первый полевой сезон Шамиль Гимадеев провел на поисках киновари. Работал самостоятельно, быстро вошел в курс дела. Побывал у него в отряде начальник партии Юрий Сергеевич Турчинович. Как-то разговорились о жизни, и Шамиль рассказал начальнику, что в

студенчестве играл на ударной установке в университетском джазовом ансамбле. Это было его хобби. Турчинович проговорился об этом по рации Исакову, а тот, будучи руководителем инструментального ансамбля "Лос-Пенжинос", намотал это себе на усы. В ансамбле как раз не было ударника, и ему не хватало ритма.

"После полевого сезона сижу в камералке, как вдруг заходит зубастый такой, очень колоритный на вид Исаков, - рассказывает о дальнейшем Шамиль Гимадеев. - Спрашивает: "Где этот студент, который играет на ударном"? Я поднимаюсь: "Наверное, я". Исаков меня осмотрел и приказным тоном: "Так, сегодня в 18 часов быть в клубе. И никаких гвоздей". Прихожу в клуб. Ударная установка очень примитивная. Но когда заиграли, ритма от моей игры действительно прибавилось. Ансамбль стал более оживленным, полным. Исаков был доволен. Так я стал играть в "Лос-Пенжиносе".

"В связи с активными работами по вулканогенной сере решили мы писать оперу "Зарницы над кальдерами", - рассказывает Шамиль Гимадеев. - Авторство общее: я, Кравцев, Ляшенко, Сазанский и, конечно, Исаков. Все там у нас было: арии, хор бичей, хор бичевок... Боря Михайлов играл и пел партию начальника экспедиции Юрия Павловича Рожкова. Так он здорово его изобразил, что тот потом не подписал Боре заявление на отпуск. Без нашего "Лос-Пенжиноса" в поселке не обходилось.

Весной 1967 года мы участвовали в смотре художественной самодеятельности Пенжинского района. Приехали в Каменское на гусеничном вездеходе ГАЗ-47. Это был год 50-летия советской власти, смотр был юбилейный, капитальный. Мы забили всех. До сих пор храню аккордеон, полученный за этот смотр".

Но это было не все. Видя, что Гимадеев очень подвижный и ловкий, ему предложили стать вратарем хоккейной команды "Радикулит". Отказываться было неудобно, хотя в хоккей Гимадеев играть не умел. Пришлось учиться.

"Принесли мне нагрудник, одежду, - рассказывает он. - Ключку выдали. Маски не было. На тренировке перед первой же игрой шайба соскользнула с моей рукавицы и зафинтилила мне под глаз. С тех пор без фингалов я не ходил. А первую игру благодаря мне наша команда продула.

Конов очень плохо стоял на коньках - у него небольшой размер ноги, а масса тела 110 килограммов. Из-за этого он плохо поворачивал. Юра Касабов этим пользовался: падал ему под ноги, а тот сразу заваливался. Так Юра защищал ворота.

А вообще, большая часть ребят здорово каталась. И броски были сильные, точные. Я отыграл где-то 12 сезонов, из них первые 4 - без маски. Ох и попадало. На мне и на Лева Анкудинове - вратаре из "Ревматика", были только танковые шлемы. Потом я себе из отпуска пластмассовую маску привез, но она годилась лишь для детских игр. Вышли из положения тем, что сварили нам из тонкого металлического прутка сетки, мы крепили их на свои шлемы, и так играть стало безопасней. Вратарю доставалось много. Особенно во время пурги. И так ничего не видно, а тут еще шайба летает. Смотришь, есть! Прилетела. Но это была настоящая жизнь!".

ДИКИЙ ИЗГИБ

В январе 1967 года уволился из экспедиции начальник Чалбугчанской партии Леонид Карпасов, и вскоре на его место назначили Юрия Сергеева. Туда же перевели геологом Шамиля Гимадеева. Партия стала молодежной, в ней работали теперь только молодые специалисты, включая начальника: Гимадеев, Георгий Преображенский (старший геолог), Николай Булдышкин, Александр Кравцев (приехал летом 1967 г.), Алексей Баженов, Лидия Сергеева.

Зимой сотрудники партии писали отчет за прошедшее лето, а с наступлением нового полевого сезона отправились на участки работ. Партия занималась геологической съемкой и поисками полезных ископаемых в масштабе 1: 200 000 в средней части листа карты Р-58-IV (верховья реки Пенжины). Основанием для постановки этих работ послужила прогнозная перспективность территории на золото (В. М. Завадовский, 1956 г.) и ее общая слабая геологическая изученность. Именно тем летом, в 1967 году Шамиль Гимадеев и его будущая жена, студентка-практикантка Люся Борисова, нашли в бассейне реки Кубавеем развалы золотосодержащей кварцевой жилы. В дальнейшем эта находка и привела к открытию Сергеевского золоторудного месторождения, но тогда это была всего лишь интересная, перспективная точка.

"Красивая территория, - с удовольствием вспоминает то время и те места Шамиль Гимадеев. - Это как раз Ичигемский хребет - Первомайский перевал, высота 1503. С этой высоты многие топографы начинали строить свои ходы и сетки. Тихон Васильевич Тарасенко рассказывал, что свою геологическую деятельность начинал с нее. Стоял он там с топографом - далеко видно! И они разбивали азимуты, намечали кроки своих будущих маршрутов. А леса, какие там красивейшие леса! Это же северные сосновые леса!

База партии стояла на реке Холоховчан. С базы отправлялись по разным участкам отряды. Поисковый отряд, которым я руководил, работал в небольшом составе: я, моя жена Люся и два промывальщика. Мы отправились на реку Кубавеем, это в 35 - 40 километрах от базы. Свою первую стоянку организовали на правом берегу ручья Ухват (в 1 км ниже будущего поселка Северо-Камчатск). Ходили в маршруты, стаскивали сюда образцы и пробы".

Уже осенью, в конце сезона, были найдены развалы кварца жильного типа. На первый взгляд кварц был совсем пустой, без каких-либо признаков рудных включений. Такие кварцевые развалы были найдены в четырех местах на реке Кубавеем и в нескольких - наверху, над рекой, на перевале Нипхин. Проб с таким кварцем набрали много, лошади с трудом перевезли их на базу. Здесь старший техник-геолог Николай Булдышкин размолот в ступе несколько штук этого кварца и под биноклем увидел тонкодисперсное золото.

"Когда прилетел вертолет, чтобы вывозить нас домой, на Первую Речку, я попросил командира сделать несколько посадок возле этих развалов, чтобы допробовать их, - рассказывает Шамиль Гимадеев. - Таким образом, каменного материала у нас было достаточно не только для изучения в лаборатории в Петропавловске, но и для изготовления проточек в Первореченске. Во всех наших проточках под биноклем обнаруживалось тонкое золото. Когда получили первые результаты анализов из города, то увидели, что в этом кварце не просто имеется золото, а еще и с высоким содержанием - до сотни и даже более граммов на тонну".

К находке четы Гимадеевых в партии, а затем и в экспедиции отнеслись с большим интересом, тем более что в том же году подобную кварцевую руду бессульфидного типа нашли соседи-магаданцы на Карамкене и в других местах. В промежуточном годовом отчете геолога Чалбугчанской партии писали: "Шлиховым опробованием в аллювии рек Кубавеем, Нибарчен, Безымянная установлено единично-знаковое содержание золота. В отдельных шлихах из аллювия реки Безымянной, ручьев Сухой и Ветвистый найдены единичные знаки киновари, монацита, минералов меди, молибдена и др. За два года работы на территории листа Р-58-IV по неполным данным (не обработаны результаты 1 года) обнаружено 24 проявления золота, 25 проявлений молибдена, 7 проявлений полиметаллов, 6 проявлений меди, 2 проявления ртути. Большая часть этих проявлений образует рудную зону северо-восточного простирания, приуроченную к осевой части Ичигемского хребта. В пределах этой рудной зоны авторы отчета предлагают поставить специализированные геолого-поисковые работы масштаба 1:50 000" (73).

Наиболее перспективный участок с развалами золотосодержащего кварца был назван Гимадеевым Диким изгибом. Он рассказывает:

"В этом месте река Кубавеем делает большой изгиб, потому я и назвал участок Диким изгибом. Но тот год был годом 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции, поэтому названия открытиям давали соответствующие - Революционный, Октябрьский и т. д. Альфред Евгеньевич Конов, который тогда стал главным геологом экспедиции, пришел и говорит: "Никаких Диких изгибов. Вы что, с ума сошли? Переименуйте". Но мы всей партией ему ответили: "Это наш участок, как хотим, так и назовем". Это была первая находка в Пенжинском секторе Охотско-Чукотского пояса, где появилась новая формация золотосеребряных месторождений эпитеpmального, близповерхностного типа. Кругом вулканиты, сверху лежит палеоген, под ним туфогенная толща мела среднего состава, а потому считалось, что искать там нечего. Но вдруг появились эти жилы. Мы этим страшно гордились. А потому оставили романтическое название - Дикий изгиб. Я готовился в следующем году поработать там как следует".

ТРАГЕДИЯ НА РЕКЕ ПЕНЖИНЕ

Весной 1968 года Шамиль Гимадеев и Юрий Сергеев улетели в отпуск. Гимадеев женился, а Сергеев отвез в Воронеж беременную жену и ждал ее родов. Дождаться, правда, не пришлось - закончился отпуск. Так случилось, что оба отпускника, вернувшись на Камчатку, встретились в Петропавловском аэропорту. Юрий Сергеев сиял: его догнала телеграмма о рождении сына. "Договорились назвать его Сергеем. Будет Сергей Юрьевич Сергеев". Если бы он знал, что не суждено ему увидеть своего Сережку, а тому не суждено увидеть отца...

"Поехали мы с ним в поселок Геолог, - вспоминает тот день Шамиль Гимадеев. - В поселке тогда кое-где еще стояли 20-местные палатки. Общежитие было там, где сейчас столовая. Набрали алкоголя, сосисок. Сварили сосиски в огромном чайнике, отметили рождение маленького Сергея Сергеева".

Полевой сезон 1968 года Чалбугчанская партия начала в первые дни июня. К этому времени состав партии пополнился новыми, и, опять же, молодыми сотрудниками: геологом Людмилой Прокофьевой и техником-геофизиком Ольгой Ревякиной. Прокофьева год назад окончила МГУ, а Ревякина только-только - Магаданский геологоразведочный техникум. Это была очень красивая двадцатилетняя девушка с точеной фигуркой, изумительно правильными чертами лица и длинными, роскошными, темными волосами. Экспедиционные холостяки сразу же взяли ее себе на заметку.

Надо сказать, что необычную, яркую красоту Ольги Ревякиной отмечают не только мужчины, но и женщины, которым довелось ее видеть. Маргарита Васильевна Забродина, которая приехала работать в Первореченск в том же, 1967 году, рассказывает, что добиралась из Петропавловска до экспедиции паромом, и вместе с ней плыла Оля Ревякина. "Очень симпатичная была девочка", - говорит Маргарита Васильевна.

На участок полевых работ Чалбугчанская партия вылетела на вертолете Ми-4, командиром которого был знаменитый в те годы опытный камчатский летчик Вячеслав Петрович Кудрявцев.

Сначала прилетели на место основной базы на реке Холоховчан. Здесь разгрузились, а затем вчетвером - Сергеев, Гимадеев, Преображенский и Прокофьева, взяв с собой карты и продукты, полетели в верховья реки, чтобы оттуда прийти на основную базу своим ходом для общего ознакомления с геологией района работ. Геологи делают это для того, чтобы, вместе осматривая район, договориться, как называть те или иные горные породы, и затем, когда каждый начнет ходить в маршруты обособленно, не толковать по-разному одни и те же геологические объекты. Это дает возможность увязывать маршруты разных геологов между собой.

Вертолет приземлился у реки, на небольшой поляне, рядом с зарослями кедрового стланика. Командир заглушил двигатель и спустился из кабины на землю, чтобы попрощаться с ребятами до осени - больше никто к ним не прилетит, разве что при чрезвычайной ситуации.

Геологи выгрузили свой скарб на поляну, распрощались с летчиками и, обхватив рюкзаки руками, присели на корточки, чтобы дожидаться взлета машины. Командир запустил двигатель, из сопла с ревом вырвалось пламя, и геологи увидели, как тут же под вертолетом вспыхнула сухая тундра, и огонь моментально охватил всю машину. Лопасты вертолета продолжали раскручиваться, и вскоре вокруг него образовался сплошной огненный вихрь. Машина силилась оторваться от земли, выскочить из стены пламени, но это ей никак не удавалось. Помочь летчикам было невозможно, оставалось только со стороны со страхом наблюдать за борьбой экипажа со стихией. Но вскоре огонь накинута и на геологов, и они, загораясь от него руками, пытались спастись сами и спасти свои вещи. Наконец машина устремила ввысь и, отлетев в сторону на сотню-другую метров, вновь приземлилась. Из нее выскочили испуганные летчики, стали бегать вокруг, осматривая корпус, который из зеленого превратился в черный.

Увидев, что вертолетчики невредимы, геологи принялись тушить неожиданный тундровый пожар, но сделать это было уже трудно. К ним присоединился экипаж, и они вместе начали сбивать огонь и заливать его речной водой. Это заняло несколько часов.

Когда пожар вроде бы ликвидировали, собрались возле закопченного вертолета, чтобы перевести дух. Вячеслав Петрович Кудрявцев выглядел расстроенным. Да и остальные члены экипажа были крайне раздосадованными случившимся происшествием.

- Надо же, Петрович, как по-фраерски мы здесь залетели, - чертыхнулся второй пилот Виталий и пнул в сердцах закопченный бок вертолета сапогом. В обгоревшем металле тут же появилась дырка. И без того взвинченный командир замахал на Виталия руками, заматерился. Затем завел его в вертолет и уж там отвел душу резкими и грубыми словами...

Но время не ждало, клонило к вечеру, экипажу нужно было возвращаться.

- Что вам привезти из продуктов? - мрачно спросил Кудрявцев у геологов, столпившихся возле машины.

Те отмахнулись.

- Ну что ты нам привезешь, Петрович? Лети уж. Мы тут как-нибудь сами...

Вертолет улетел в Первореченск, а геологи обнаружили, что пожар затушен не до конца. Еще два дня они боролись с огнем, который вспыхивал то тут, то там, пробираясь к новым местам сухой тундры низом, под слоем торфа. Так начался тот полевой сезон 1968 года...

Июнь прошел в напряженной работе, в ежедневных геологических маршрутах, которые давали все больше и больше интересного фактического материала, позволявшего надеяться, что район работ партии совершенно необычен и перспективен на золото. Где-то Александр Кравцев гнал к ним из Первореченска вьючных лошадей, но снег на перевалах не давал ему возможности сделать это в намеченные сроки. При отсутствии лошадей геологи перемещались по участку работ на плотах, вязать которые и управляться с ними они научились быстро.

В первые дни июля площадь вокруг базового поселка в 300 квадратных километров была исследована, и встала необходимость переезда в другое место.

Шамиль Гимадеев занимался в партии поисковыми работами, его отряду надо было отработать на участке Бивень еще дня два-три, чтобы тоже быть готовым к переезду. Но Юрий Сергеев ждать не стал. Дни стояли сухие, теплые, к тому же было время белых ночей, когда можно работать хоть круглые сутки. Он сказал Гимадееву, чтобы тот спокойно доделывал свою работу, а затем приходил на базу. "Если застанешь нас еще там - вместе будем переезжать, не застанешь - дождись Кравцева с лошадьми и перебирайтесь к нам на новую базу", - дал указание Сергеев. Он ушел с техниками-геофизиками Ольгой Ревякиной и Климом Румыновым. Преображенский и Прокофьева ушли раньше, чтобы вылететь в Первореченск. Преображенский впервые собрался в отпуск в летнее время, а Прокофьевой необходимо было изучать под микроскопом шлифы и аншлифы собранных горных пород и руд.

"Мне так хотелось, чтобы мы вместе поплыли, чтобы Сергеев дождался нас, - вспоминает Шамиль Гимадеев. - Но Сергеев ждать не мог. Не хотел он брать с собой и Ревякину, отправлял ее раньше с Преображенским и Прокофьевой, чтобы она к его приходу уже там была, но она чуть ли не расплакалась: хочу на плоту. Тогда Сергеев повесил на нее свою полевую сумку с картами, фотоаппарат, еще что-то и, смеясь, сказал: "Если придется спасать, то буду спасать один объект...". Так они и уплыли. А мы через два дня закончили работу на Бивне, тоже связали два плота и отправились следом за ними".

Прибыв на базу, Гимадеев и его отряд нашли ее пустой. Это означало, что ждать больше некого и можно отправляться на новую базу. Даже если Кравцев пригонит сюда лошадей, то сам с ними пойдет дальше.

Отряд поставил палатки, и все легли спать. А утром 5 июля прибежал испуганный Клим Румынов и сообщил, что Сергеев и Ревякина утонули...

"Я тут же связался с Первореченском и вызвал вертолет, - продолжает рассказ Шамиль Гимадеев. - Пока ждали вертолет, пришел Саша Кравцев с лошадьми. Вертолет прилетел быстро, и мы, человек пять, полетели на место происшествия. Это случилось чуть выше устья ручья Шумного, на Пенжине. Они втроем плыли на плоту и наткнулись на завал из деревьев, перегораживающий часть реки. Если посмотреть на этот завал и на речку, то не укладывается в голове, как можно там утонуть - обычное, не самое страшное место. Тем более что у нас был опыт вождения плотов. От завала можно было или просто оттолкнуться или встать на него ногами, как это сделал Клим. По моему, все дело было в Ольге. Она от толчка упала в воду, закричала, и Юра Сергеев бросился ее спасать. При этом он, видимо, ударился о бревно головой. Клим прыгнул на завал, а затем побежал за ними берегом, но оказалось, что находится на острове, замешкался с переправой. Он видел, что кто-то еще плыл через протоку, но потом потерял его из виду. Когда переправился, побежал вдоль берега, но никого уже не нашел. Бегал, звал, искал, но все было безуспешным. Тогда побежал к нам на базу... Ольгу мы нашли уже бездыханной в полутора-двух километрах, ее выбросило на песчаную косу. Ее смоляно-черные волосы стали наполовину седыми... А Юру так и не нашли, хотя тщательно искали все лето. Непонятным образом он пропал вообще. Мы его искали, спускаясь по реке до Аянки. Причем спускались дважды. Но так и не нашли".

Тогда была версия, что Юрий Сергеев просто испугался гибели Ольги Ревякиной и потери секретных карт, а потому спрятался, чтобы уйти от ответственности. Поэтому Гимадеев кричал и

звал его, стрелял из ружья. Увы, ответом был только шум реки и деревьев. Тело Юрия Сергеева до сих пор хранит где-то в своих намывах далекая северная река Пенжина. Было тогда Юрию Николаевичу 28 лет, он справил день рождения 23 июня, за 12 дней до гибели...

ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Так и не попал молодой начальник Чалбугчанской партии Юрий Сергеев на перспективную точку с названием Дикий изгиб, где чета Гимадеевых нашла куски золотой руды. Не ему суждено было искать там рудные тела, открывать месторождение. И вообще, гибель Юрия Сергеева и Ольги Ревякиной не дала возможности в том году качественно завершить геолого-съёмочные и поисковые работы - много времени заняли поиски тела Сергеева, затем долго продолжались разборки этого трагического случая.

Но общие результаты работ партии были обнадеживающими. Особое значение придавалось участку Дикий изгиб, который по инициативе его первооткрывателя Шамиля Гимадеева назвали участком "Имени Ю. Н. Сергеева", а затем просто стали звать Сергеевским. При защите сводного отчета Чалбугчанской партии, которая состоялась 27 июня 1969 года, член техсовета Пенжинской экспедиции Ананий Иванович Поздеев, выступая перед собравшимися геологами, говорил:

- Хочу обратить внимание на тот факт, что трехлетняя работа партии проходила с большими организационными трудностями в отношении руководящих кадров партии. Как известно, в первый год начальником партии был Л. М. Карпасов, ко второму году в партии не стало как Карпасова, так и других ответственных геологов, начальником стал Ю. Н. Сергеев. А к третьему году после трагической гибели Ю. Н. Сергеева почти в середине сезона был вызван Г. П. Преображенский. И тем более отрадно видеть теперь составленный сводный отчет по листу Р-58-IV - одному из первых листов этого района, подготовленному силами Пенжинской экспедиции. Авторами разработана обоснованная стратиграфическая схема, использующая все имеющиеся материалы последних лет по этой части Охотско-Чукотского пояса, выявлен ряд перспективных проявлений полезных ископаемых.

Председатель техсовета, начальник Пенжинской экспедиции М. Н. Руфанов поддержал Поздеева, сказав при этом, что рудопроявление имени Ю. Н. Сергеева представляет большой промышленный интерес (74).

Рецензировали сводный отчет Чалбугчанской партии кандидат геолого-минералогических наук С. Е. Априлков и геологи Ю. М. Слепов и Н. П. Митрофанов. В рецензии они, в частности, писали: "Жемчужиной партии является рудопроявление золота № 23 (жила № 1) на участке им. Ю. Н. Сергеева. Установленная адуляр-кварцевая жила протяженностью 1 000 м, средней мощностью 1,5 м, с содержанием золота до 136 г/т, может быть гордостью не только сотрудников партии, но и всего Камчатского управления... Благоприятная геологическая обстановка, большое количество подобных жил на окружающей территории, широкий ореол рассеяния золота вокруг рудопроявления - все это делает район участка им. Ю. Н. Сергеева весьма реальным объектом для открытия крупного месторождения золота эпитермального типа и предопределяет постановку здесь безотлагательных поисково-разведочных работ" (75).

Безотлагательные работы на Сергеевском участке в 1969 году проводить было поздно, так как не было проекта, а следовательно, финансирования.

"Но из положения вышли - провели работы за счет средств Маметчинской партии, которой руководил Виктор Николаевич Полуниин - надежный, молчаливый человек, - рассказывает Шамиль Гимадеев. - Всю первую половину лета 1969 года я на Кубавееме отработал, а затем был начальником отряда у Полунина, на его территории.

Когда прилетел на Кубавеем, сразу пошел на свою первую стоянку на ручье Ухват. Помнил, что возле палатки у меня лежала куча образцов, которые там так и остались. Вот тогда я увидел, что они буквально пропитаны видимым золотом. Просто глаз тогда не был набит, и мы не видели этого. А тут я стал его находить всюду. После этого мы начали видеть золото на всей территории Сергеевского участка. В жилах оно концентрировалось там, где располагались темные участки сульфосолей серебра. Там же были мономинеральные прожилки размерами до пяти миллиметров. Были и всякие необычные формы золота, например, в виде мха с отростками высотой до 2-3 сантиметров. Одна такая золотая елочка до сих пор лежит где-то там, где стояла палатка. Я ее уронил, она откололась и потерялась.

В том году мы прошли вручную 300 кубов канав, всё опробовали, подтвердили содержания золота. В экспедиции стали создавать партию для дальнейших работ на этом участке. Я предложил назвать ее Сергеевской, но начальство не соглашалось. Ведь Сергеева считали чуть ли не преступником, из-за которого погибла Ревякина, погиб он сам. Нам даже было предложено назвать партию Сергиевской, а не Сергеевской, раз уж мы так хотели. Но мы были молодыми, настойчивыми и настояли на своем".

В 1970 году, перед началом полевого сезона в Первореченск окончательно приехала жена Шамиля Гимадеева - Людмила. Она завершила учебу в Казанском университете, получила диплом геолога и прибыла на работу. В поле Гимадеевы вылетели вместе. Шамиль - в качестве начальника партии, Людмила - геолога. С ними были студент из Ростова-на-Дону, техник-геолог Николай Галактионов, четверо проходчиков канав и взрывник Трокай. Транспорта в партии не было, взрывчатку носили на себе, шпурсы бурили вручную.

"На документацию одной канавы у меня уходил целый день, - рассказывает Людмила Федоровна Гимадеева. - Но проходчики терпели и даже старались в чем-нибудь помочь. Мы тогда вскрыли все основные жилы месторождения".

"Я до сих пор живо помню каждую канаву и ее номер, - добавляет Шамиль Шарифович. - Если посмотреть с северо-запада на юго-восток, то это канавы №№ 1, 24, 3, 119, 109, 103... Горняки пахали как буйволы. Ну и мы с Людмилой не отставали, документация шла будь здоров".

В результате работ было выявлено более сорока золотоносных адуляр-кварцевых жил. Их объединили в несколько групп.

Центральная группа жил находилась в истоках реки Ухват. В эту группу были включены жилы №1, 31 и Ржавая. "Кварц в этой жиле очень обихренным был", - объяснил название жилы Шамиль Гимадеев.

Жилы этой группы залегали в туфах и андезитах. Жила №1 оказалась наиболее изученной и перспективной. Она была вскрыта 13-ю канавами через 20 - 80 метров. Ее длина составила 750 метров, а мощность от 1-2 до 4 - 6 метров. Простираение было не выдержанным. Золотая минерализация обнаруживалась визуально. Золото присутствовало в самородном состоянии в виде тонкораспыленной, иногда мелкой вкрапленности. В отдельных случаях отмечались густые скопления золота в виде пятен и гнезд размером до 2-3 сантиметров. По анализам, сделанным позже, содержание золота колебалось от первых граммов до 623,2 грамма на тонну (76).

Жила Ржавая располагалась к востоку от жилы №1. Она залегала среди андезитов и была вскрыта двумя канавами. Простираение ее субширотное, длина 200 метров, мощность 0,6-1 метр. Золото визуальное, образует мелкую вкрапленность. Содержание 71,9 г/т, серебра - 102,7 г/т (77).

Жила №31 была прослежена лишь в развалах и опробована в одной точке. Содержание золота в ней оказалось низким, не промышленным (78).

Левобережная группа жил была вскрыта на водоразделе ручья Бас. В коренном залегании были изучены и опробованы только жилы Алтынчеч (золотоволосая) и № 6. Еще несколько жил были прослежены по свалам. Мощность Алтынчеч - 0,9 метра, содержание золота в ней 25,7 г/т, серебра 149,8 г/т (79).

Участок Конек с жилой Аметистовой находился на левом водоразделе верхнего течения реки Ухват. Мощность жилы - 4 метра, длина 280 метров, содержания золота высокие (80).

Восточная группа жил вскрывалась на водоразделе ручья Шумного и реки Ухват. Золотоносность жил оказалась убогой (81).

Западная группа жил вскрылась в верхнем течении реки Ухват. Там было 5 жил.

Юго-западная группа жил была на водоразделе рек Ухват и Мурка. Это были четыре жилы - Хлоритовая, 2, 34, 36.

Северо-Восточная группа жил вскрыта в верхнем течении ручья Шумного. Там оказались жилы Шумная, 25 и 26. (82).

Несмотря на такой объем работ и полученную в их результате геологическую информацию, выводы геологи Гимадеевы сделали следующие: "Изученность жил остается слабой. Большинство из них вскрыты единичными канавами. В связи с этим целесообразность дальнейших поисковых и поисково-разведочных работ очевидна. Об этом свидетельствуют также значительные параметры рудных тел и высокие содержания металла, причем в семи жилах (общей протяженностью 3800 м) обнаружена видимая минерализация" (83).

"Самой красивой была жила Аметистовая, - рассказывает Шамиль Гимадеев. - Аметист в ней был очень яркий, сочный. Благодаря ему мы очень много тогда летали внутри участка. Каждый экипаж вертолета, прилетая к нам, не мог не соблазниться этой красотой и не попросить у нас образцы. Я говорил: "Везете нас туда-то, выбрасываете людей, а затем садимся на Аметистовой, и вы выберете себе несколько камней".

Ближе к концу лета на Сергеевку прибыл главный геолог Камчатского территориального геологического управления Тихон Васильевич Тарасенко. "Он дал нам указание, чтобы мы подготовили 10 - 12 комплектов типов руд, - вспоминает этот визит Людмила Федоровна Гимадеева. - Мы замучились их готовить. Ведь надо было подбирать разные типы, ровненько колоть образцы молотком. Потом эти коллекции были отправлены в Москву и Ленинград. А Тарасенко, видя наш энтузиазм, наше старание, любовь к месторождению, решил сделать нам приятное - послал меня после полевого сезона на курсы повышения квалификации в Москву. Только после университета, и сразу - на курсы. Это было в чистом виде поощрение".

Но закончился тот результативный, насыщенный работой полевой сезон чрезвычайной ситуацией. Зима упала ранняя, снежная, морозная, с пургами. Авиация не летала, продукты в партиях заканчивались, геологи голодали. В конце октября из базы поискового отряда Верхне-Уннэйваямской геолого-съёмочной партии вышли на базу этой партии начальник отряда Юрий Михайлович Резник, геолог Алимфа Кузьминична Зайцева и техник-геолог Гавриил Григорьевич Прокопьев. В пути их застала пурга, они заплутали и замерзли. Это было чрезвычайным происшествием для всей Олюторской геологоразведочной экспедиции (с 1970 по 1975 годы Пенжинская экспедиция в ранге группы партий входила в состав Олюторской экспедиции с базой в Корфе). После этого происшествия геологам был передан по радиации строгий приказ не покидать свои базы и стойко ждать летной погоды.

"А мы тогда 40 дней питались одним горохом. Причем не было жиров, готовили без них, - рассказывает Шамиль Гимадеев. - Сидели в палатках, занимались только заготовкой дров, а затем топили печи. Светового времени уже оставалось по 4 часа, поэтому только и успевали, что заготовить дрова. И вдруг - вертолет. Командир кричит: "Начальник, бросай все, вас надо срочно вывозить в Аянку. Окно выдалось, мы прилетели, поэтому надо быстро". А как же все бросишь? А спецчасть, рация, полевые материалы? В спешке начали собираться. Тогда я и потерял "золотую елочку". Снимал рацию, образец с ней упал, и веточка отломилась. В спешке не нашел. Так и лежит где-то там, где стояла палатка".

"Вывезли нас в Аянку, - продолжает рассказ мужа Людмила Федоровна Гимадеева. - Нашли мы председателя оленеводческого совхоза, он дал нам ключи от какого-то дома, и мы там жили, пока нас окончательно не вывезли в Первореченск. Так закончился тот полевой сезон".

Из-за гибели Ю. М. Резника и его товарищей, не получился у Сергеевской партии следующий полевой сезон. Гимадеева послали в Верхне-Уннэйваямскую партию доделывать работу Резника. Затем по этим работам писали отчет. Поэтому 1971 год был не рабочим для Сергеевки. А на следующий, 1972 год туда вылетела уже большая партия для постановки поисково-разведочной стадии работ.

Начальником Сергеевской партии назначили Георгия Поликарповича Шипицына. Он приехал на работу в Первореченск в январе 1971 года из Слюдянки Иркутской области, где отработывал свои 3 года, положенные молодому специалисту. В Первореченске его назначили сначала техником-геологом Тылхойской партии, а затем ее начальником. И вот в апреле 1972 года перевели на работу начальником Сергеевской ГРП. Шамиль Гимадеев был начальником поискового отряда, геологами партии - Людмила Федоровна Гимадеева, Николай Федорович Макаренко и Нелли Михайловна Шипицына, старшим техником-геологом - Виталий Пантелеймонович Березкин. Кроме того, с ними были радист Аркадий Никодимович Кузнецов и 25 человек рабочих, среди которых известный уже тогда на севере Камчатки проходчик канав и шурфов Николай Иванович Бобряшов.

Сначала к месту работ вылетели на самолете Ан-2 Николай Федорович Макаренко и несколько рабочих. Они привезли продукты и снаряжение, взрывчатые материалы, разбили лагерь на берегу Ухвата, начали строительство временного склада ВМ. После этого на Сергеевку прилетели остальные.

В задачи партии входило изучение основных рудоносных кварц-адуляровых жил, чтобы обосновать в будущем постановку здесь предварительной разведки. Для этого был запроектирован большой объем поверхностных горных выработок - 15 000 кубических метров.

В июле партию посетили главный геолог Камчатского геологического управления Т. В. Тарасенко и главный геолог Олюторской экспедиции Ю. П. Рожков. Они детально ознакомились с месторождением, обошли много канав и затем внесли коррективы в направление работ, что повышало их эффективность и должно было ускорить получение необходимых результатов.

После их отлета в партию прилетели научные сотрудники ЦНИГРИ во главе с Юрием Щепотьевым. Они тоже осмотрели месторождение и увезли с собой на минералогические исследования образцы руд из различных жил.

О Сергеевском месторождении заговорили. В августе в Якутске состоялось выездное совещание коллегии Мингео СССР во главе с министром, на котором докладывали и о Сергеевке. Выслушав докладчиков и посмотрев образцы руд, министр тут же дал указание выделить на этот объект дополнительные ассигнования на завершение посковой разведки и начало предварительной.

"Деньги поступили в экспедицию осенью, в конце сезона, - рассказывает Шамиль Гимадеев. - Начальство дает нам радиограмму, чтобы мы бросили все силы для освоения дополнительных объемов проходки канав. А какая проходка, если уже снег ложится? И тут мы решили продолжить проходку зимой. Такого опыта на Камчатке еще не было, горняки к предложению отнеслись скептически, стали отказываться. "Не получится, - говорили они, - рукавицы заледенеют, лопата и лом будут крутиться, скользить". Но я решил попробовать, стал их уговаривать. Согласились только несколько человек - Виктор Голиков, Бобряшов, Юра Арапов, Хаджимурат Машуков, Кудряшов... Первый месяц я с вместе с ними пропадал на канавах, подбадривал, подсказывал. При этом дал им возможность заработать. Они поняли, что зимой тоже можно работать и зарабатывать. К тому же ввели зимний коэффициент 1,25. И дело пошло. Они мне кричат: "Начальник, вот так! Курить некогда - холодно, а потому знай - работай!"

Дополнительно привезли нам из Первореченска 20 солдат, которых мы тоже бросили на канавы. Трудно было лишь документировать и опробовать, но и здесь мы приноровились. Сделали себе под размер рюкзаков ящики с ячейками, заранее писали номера проб, клали этикетки в ячейки, а на канаве только опускали пробы туда, чтобы не мучиться с мешочками. А документацию вели на магнитофон "Легенда" - у него встроенный микрофон был, как у современных диктофонов. В камералке, в тепле, это все обрабатывали".

В отчете по этим работам Г. П. Шипицын и Ш. Ш. Гимадеев писали: "Значительно расширены перспективы рудного поля. Список золотоносных адуляр-кварцевых жил достиг 84. Из них жилы № 1 и Ржавая изучены с поверхности с детальностью, достаточной для обоснования предварительной разведки жил на глубину. Прогнозные запасы золота и серебра по этим жилам составляет 209 тонн и 760 тонн соответственно. К числу высокоперспективных рудных тел, на которых необходима постановка поисково-разведочных работ, относятся жила № 5, Аметистовая, жилы участков Алтынчеч и Ревякинского..."

Глубина распространения оруденения на основании приведенных сведений и аналогии Сергеевского месторождения с Карамкенским и другими месторождениями Союза ССР ожидается в пределах 300 - 500 метров. Исходя из значительной протяженности рудных тел по простиранию (до 1 500 - 1 600 метров) и падению, и сравнительно высокого коэффициента рудоносности, рекомендуется вскрыть месторождение горными выработками через 100 метров на одном-двух эксплуатационных горизонтах и буровыми скважинами через 200 метров по простиранию и 100 метров по падению. Рельеф местности и условия залегания жилы № 1 позволяют вскрыть ее непосредственно по простиранию. Для вскрытия жилы Ржавой, на втором эксплуатационном горизонте (+800 м) необходима проходка подходной штольни длиной 150 метров" (84).

КОНЕЦ КАНАВНОГО ПЕРИОДА

В то время, когда сергеевцы бились на морозе, в снегах, проходя и документируя канавы, немногим южнее их, в Хаилино, шла разведка угольного месторождения. Уголь понадобился

срочно, чтобы обеспечить им оставшиеся на зиму без достаточного количества топлива окрестные поселки. Руководил работами геолог Виктор Павлович Романов.

На Камчатке он работал с 1966 года, когда, будучи еще студентом-дипломником Ленинградского горного института, проходил практику в Бельской партии Пенжинской экспедиции. Начальником партии был Герман Константинович Мазурин. С января 1967 года Виктор Романов уже работал геологом на Оганчинском золоторудном месторождении, где прошел большую школу поисковых и разведочных работ, в том числе подземных. В 1969 году он перевелся в Олюторскую партию, которая вела разведку ртути. Здесь он тоже хлебнул школы, документируя забои штольни и организуя разведку. Когда в Хаилино потребовалось сделать срочную и ответственную работу, то сразу вспомнили о Романове.

Он вообще отличался жесткостью и умением организовать дело. При этом авторитетов для него практически не существовало, он не останавливался ни перед чем. На Оганче, например, он вместе со своим товарищем - геологом Василием Морозовым, написал и отправил письмо начальнику управления Никольскому, в котором кратко, но понятно изложил свои взгляды на происходящее. "Херня это все, а не разведка Оганчинского месторождения, - писали молодые геологи. - С бардаком пора кончать...". А дальше кратко излагали свои предложения. На Оганчу прилетело начальство, стало смотреть, вникать, поправлять ход работ.

В Олюторской партии Виктор Романов тоже "отличился". Когда в бухту Сомнения, недалеко от которой партия вела работы, прибыл теплоход с грузом, Романова назначили ответственным за разгрузку. Помимо всего прочего теплоход привез взрывчатку, которую и взялись первым делом снимать на берег и вывозить на склад партии. В это время прилетел вертолет с двумя проверяющими технику безопасности из управления. Они тут же накинулись на Романова:

- Почему загружаете тракторные сани сверх нормы? Где предупреждающие знаки на тракторах, красные флажки? Где предохранительная обшивка на тракторах? Вы что себе позволяете? Романов сначала разводил руками. Было необычно слышать здесь, на краю тундры, вдали от жилья прописные истины, годящиеся для цивилизованных мест. Проверяющие как будто бы не понимали, где находятся. А разгрузку надо было делать быстро, иначе теплоход выставил бы счет за простой. Не начинать же обшивать трактора огнебезопасным покрытием, изготавливать флажки и так далее? Проверяющие мешали работе, начали людей раздражать. И тут Виктор Павлович заметил, что они оба курят, находясь в непосредственной близости от мешков с взрывчаткой. - Почему вы курите, дорогие товарищи? - грозно спросил он. А затем буквально рявкнул: - А ну, марш отсюда! Вон трактор, садитесь в кабину и поезжайте на базу партии. Не толкайтесь под ногами! Не мешайте разгрузке!

Проверяющих как ветром с берега сдуло. И даже разборок с Романовым они не затеяли.

И вот этот самый Виктор Павлович Романов руководил теперь угольной разведкой в Хаилино. Да еще так руководил, что партия была занесена на доску почета управления. А в это время в самом управлении решался вопрос с Сергеевским месторождением. С 1973 года на нем нужно было приступить к предварительной разведке, поэтому партия нуждалась в укреплении опытными разведчиками - как геологами и "технарями", так и руководителями.

Начальник партии Шипицын был поисковиком, хорошим геологом, знал геологию месторождения, поэтому его перевели в старшие геологи партии. Теперь думали, кого поставить вместо него начальником партии. Предлагалось несколько кандидатур, но ни с одной не согласился начальник управления Вадим Михайлович Никольский. И тут прозвучала фамилия Романова. Никольский сразу вспомнил и записку с Оганчи, и доску почета. И утвердительно хлопнул ладонью по столу:

- Романов!

Виктора Павловича вызвали в Петропавловск, где он прошел процедуру утверждения на должность в обкоме партии. После этого, уже в декабре 1972 года, вылетел в Первореченск, на базу Пенжинской группы партий.

В это время в Корфе уже второй месяц жил геолог Вениамин Зайцев, направленный в Олюторскую экспедицию для работы на Сергеевке. Он в 1970 году окончил тот же, что и Романов, Ленинградский горный институт, отслужил два года командиром взвода на зенитном комплексе и, демобилизовавшись, попросился на Камчатку. В управлении ему предложили Сергеевку. Правда, предупредили, что это очень далеко на север и очень холодно. Но именно эти слова все и решили: Вениамин тут же согласился.

И вот он жил в Корфе, изучал отчеты по Сергеевскому месторождению, готовился к вылету на объект. Сразу после новогодних праздников, 2 января 1973 года, на вертолете Ми-4 он полетел в Первореченск.

Через несколько дней Зайцев и Романов уже вылетали в Сергеевскую партию. "День был очень морозный, - рассказывает Вениамин Петрович Зайцев. - Летели, а я все смотрел в окно - настолько красивые там места. Особенно, когда перелетаешь через Ичигемский хребет и начинаются листовничники. Мороз был градусов за 45, все было в дымке. База партии была небольшой: несколько палаток и два маленьких домика. Все это утопало в глубоком снегу. Мы приземлились на расчищенной площадке. Этим же вертолетом улетал в Первореченск Шамиль Шарифович Гимадеев, который все последнее время руководил здесь работами и занимался геологией. Он летел писать проект на поисково-оценочные работы в окрестностях месторождения. Вертолет улетел, а мы остались. Так для меня началась Сергеевка, и вообще геологическая работа на Камчатке".

В тот же день прилетевшие новый начальник и геолог партии провели с рабочими небольшое собрание. Романов рассказал им о предстоящей разведке, о том, чем она отличается от предыдущих работ. Те, первые канавщики Сергеевки, потом еще долго работали на камчатском севере. Практически нет геолога бывших Северо-Камчатской и Пенжинской экспедиций, который не знал бы Виктора Голикова, Николая Ивановича Бобряшова, Николая Владимировича Кудряшова, Алексея Егоровича Анохина, Хаджимурата Батербековича Машукова, Тулкуна Рахимова, Михаила Ивановича Татаренко. Именно они составляли первую рабочую гвардию Сергеевки. Здесь же был известный на севере радист Аркадий Никодимович Кузнецов.

"Вскоре Романов вернулся на Первую речку заниматься организацией снабжения партии, подготовкой к проходке штольни, а я остался на Сергеевке, - продолжает Вениамин Зайцев. - Партия должна была резко разворачивать разведочные работы, хлопот было много, а на меня ложилась вся полевая часть геологии. Канавщики работали несколькими спарками, проходка шла быстро, я еле успевал справляться с документацией и опробованием готовых канав. В это время мы изучали с поверхности юго-восточное окончание самой продуктивной жилы № 1".

"Зарезка первой штольни должна была по плану начаться осенью, а мы решили делать ее весной. Январь, февраль и март я готовил эти работы, - вспоминает Виктор Павлович Романов. - Кроме того, сразу решил, что надо строить базу партии. Не прозябать как попало в палатках, а строить нормальные домики. Тем более что лес был. Для этого сразу же оформил лесобилет, мне выделили лесосеку. В окрестных совхозах нашел две пилорамы, забросил их на Сергеевку. Сами рабочие просили, чтобы быт был устроен. Манилы и Первореченск были у них как кость в горле - пьянки, неустроенность. Они оттуда возвращались в Сергеевку, как в дом родной. Отходили морально и физически и принимались за работу. Поэтому рады были вообще не вылетать, лишь бы были нормальное жилье, нормальный быт. К тому же в партии я сразу объявил сухой закон".

В конце марта и начале апреля 1973 года в партию прибыли молодые специалисты - выпускники Осинниковского горного техникума техники-геологи Виктор Ильич Харлов, Виктор Георгиевич Сухарев, Фаина Григорьевна Шадринна. Из Благовещенска после окончания техникума приехала техник-геолог Людмила Павловна Белова. Это была большая помощь Вениамину Зайцеву и Николаю Федоровичу Макаренко, которые вдвоем тащили всю геологическую работу. Тем более это было вовремя, что в партии шла подготовка к бурению и проходке штольни.

Для организации бурения из Корфа прислали горного инженера, бурового мастера Виктора Борисовича Уварова и опытного технического руководителя буровых и горных работ партии Евгения Герасимовича Сахно, который до этого несколько лет был начальником Олюторской ГРП и согласился по просьбе Романова заняться на Сергеевке организацией "тяжелых" геологоразведочных работ. Чуть позже в партию прилетел горный мастер Александр Антонович Сальмин. Одним словом, Сергеевка насыщалась специалистами. В ее истории заканчивался первопроходческий, канавный период.

СКОРОСТНАЯ ПРОХОДКА

В конце апреля, когда относительно потеплело, решили начать врезку первой штольни (правда, номер у нее был 2) по жиле № 1 на горизонте +796 м. Работы проводили вручную, руководили ими горный мастер А. А. Сальмин и техрук Е. Г. Сахно. Одновременно начали строить возле устья штольни здание электростанции и компрессорной. Сразу понадобилось очень много различных материалов и горнопроходческой техники, но все это было или в Первореченске, или в Корфе.

"В экспедиции не очень верили, что мы и к осени зарежем штольню, поэтому мы специально сделали это пораньше, поставили всех перед фактом, - рассказывает Виктор Павлович Романов. - Уже после этого я заказал вертолет Ми-6 для перевозки всех накопившихся для нас грузов. Главное - требовалось из Корфа притащить на подвеске бульдозер. Вертолет заказали в Хабаровске. Вскоре он пришел на Камчатку и начал работать у нас. Он очень много сделал. Жаль, что потом отрубил себе хвост, и мы не могли больше прибегать к его помощи. Был сильный ветер, у него ночью винты со стропов сорвало, они раскрутились и отрубили хвост. Потом его восстановили, стали перегонять в Хабаровск, но где-то в районе Шантарских островов на борту вспыхнул пожар, летчики посадили его, но больше к нему никто не подходил".

"У нас были две посадочные полосы для самолетов Ан-2 - зимняя и летняя, - в свою очередь рассказывает Вениамин Петрович Зайцев. - Кроме того, летали вертолеты Ми-8, а потом еще заказали огромный Ми-6. Грузы и люди шли в партию сплошным потоком. К лету количество людей увеличилось до 500 человек. Пока еще не сошел снег, палатки ставили прямо на него - некогда было особо разгребать. Обживались на ходу. Разворот работ начался сумасшедший".

В мае на Сергеевку прибыл проходчик Анатолий Алексеевич Дворяк. Это легендарная на Камчатке личность. Родился он в Москве в 1934 году. Работал в Якутии. Затем приехал на Камчатку, в Мильково. Именно он начинал горные работы на первом камчатском золоторудном месторождении - Оганчинском. Сначала работал на шурфах, затем стал осваивать подземную проходку. И на шурфах, и на штольнях показывал рекордные проходки вручную, так как физически был очень сильным человеком. На Оганче они и познакомились с Виктором Павловичем Романовым. После этого вместе работали в Олюторской партии, где Анатолий Дворяк опять же проходил штольни. На Сергеевку его позвал Романов и поручил проходку следующей штольни - № 5, которая была подходной к жиле Ржавой. В конце мая бригада Дворяка начала ее врезку.

Тем временем в партии шла подготовка и к буровым работам. "Буровую мачту сделали из листовницы, треногой, - рассказывает Вениамин Зайцев. - Всем занимался Уваров. Его энергичностью и опытом бурение было начато уже в конце лета".

"Мы слышали, что в одной из якутских экспедиций проводится опытное бурение с пневмоударниками, - об этом же вспоминает В. П. Романов. - Созвонились с ними. У нас был молодой, но хваткий, серьезный бурильщик Александр Васильевич Евдокимов. Послали его в командировку. Он повез письмо с просьбой, чтобы научили его работе с пневмоударником и реализовали нам один в порядке обмена опытом. Кроме того, мы наказали ему, чтобы сам попросил у буровиков пневмоударник - за бутылку взял или еще как-то. И он привез нам два пневмоударника. И мы начали ими бурить, избавились от промывочной жидкости. Это был сильнейший прорыв и по объемам, и по качеству бурения. Но это было позже, в 1974 году, а в начале лета 1973 года нас, в основном, волновала проходка штолен. Проходили вручную, медленно. Нас за это все корили. Нужно было переломить ситуацию, начать настоящую проходку. А потому вскоре Дворяк и Сахно отправили в командировку в Магадан, на месторождение Дукат, чтобы посмотрели на скоростную проходку подземных горных выработок. Там был знаменитый проходчик Миллер, и наш Дворяк поработал у него несколько смен. Вообще, Анатолий Дворяк - уникальный человек. В нем была какая-то исключительная хозяйственность. Кроме того, он был находчивым, умелым, все что-то выдумывал, рационализировал, покоя нам не давал. Когда они с Сахно вернулись с Дуката, стали и мы готовиться к организации скоростной проходки".

Чтобы реализовать задумку, нужно было собрать нужное количество материалов, иначе их отсутствие могло вновь вызвать привычный простой. Копили рельсы, взрывчатку, солянку, буровые наконечники, крепежный лес и все прочее.

"Нужно было еще и убедить проходчиков сделать это, - говорит Шамиль Шарифович Гимадеев. - Тогда зарплату как платили? Триста рублей прямо, и все, больше нельзя. Все, что они проходили бы свыше нормы выработки по оплате труда, стоило бы им копейки. А работы много. Поэтому мы их буквально уговаривали пойти на скоростную проходку. Для престижа партии, для будущего разворота работ, для финансирования и снабжения работ. Позарез нужен был рекорд, который надо было зафиксировать. И мы объявили о нем заранее, стали накапливать материалы. Накопили где-то на 20 дней. И решили начать, потому что остальное накопилось бы позже, в процессе, ведь завоз продолжался. Все геологи пообещали проходчикам, что, в случае чего, помогут катать вагонки, а их задача - двигать забой.

И рванули. Прошли за месяц 240 метров. Это был рекорд Камчатской области. Об этом писали газеты. К нам сразу поменялось отношение".

Через год бригадир проходчиков Анатолий Алексеевич Дворяк за проходку штолен на Сергеевском месторождении получил орден Трудового Красного Знамени. Такой же орден получил Шамиль Шарифович Гимадеев за открытие Сергеевского месторождения.

ПОСЕЛОК УХВАТ, ОН ЖЕ СЕВЕРО-КАМЧАТСК

Геолог Людмила Безрукова окончила Иркутский политехнический институт и в первых числах августа 1973 года прилетела по распределению в Петропавловск-Камчатский. Молодых специалистов тогда отправляли, в основном, на два главных объекта управления - в Сергеевскую и Агинскую партии. Людмилу направили в Сергеевскую.

"В Сергеевке меня встретил на вертолетной площадке старший геолог Георгий Поликарпович Шипицын, - делится воспоминаниями Людмила Александровна. - Он был, мне кажется, рад, что в партию приехал еще один специалист. Я оказалась в партии как раз в то время, когда она уже стала разведочной. Начальник партии Виктор Павлович Романов все время находился между штольнями и посадочной площадкой, потому что постоянно прибывали вертолеты, везли горючее. Он очень деятельно проводил время и, по-моему, даже не спал тогда, потому что за короткий срок началась проходка двух штолен - одной и второй. И постоянно не хватало ГСМ, чтобы проходка шла без перебоев. Все лето держались только на вертолетном подвозе, а уж зимой горючее по зимнику тракторами повезли.

Я в свой первый летне-осенний период помаршрутила, познакомилась с участком, месторождением. Георгий Поликарпович правильно сделал, посылая меня в маршруты. Он понимал, что без обзорности трудно будет. И, потом, он человек в житейском плане понятливый, а потому постарался запихнуть меня на документацию штольни. Я сопротивлялась, потому что еще не понимала, что если не в штольню, то - на канавы, а там холодно. А бурения тогда практически не было, шли муки творчества. И поставили меня на документацию штольни № 5, которая шла по жиле Ржавой.

В поселке тогда уже несколько домиков стояло. Их так и называли - домики. В одном жили канавщики. Другой построил кто-то семейный. И был еще домик, в котором жили комендант партии Йозис Гурскис и Георгий Поликарпович Шипицын. Остальные прозябали в палатках. Зимой в них было холодно, но мы основное время проводили в камералке. Это была десятиместная палатка с печкой. А в феврале 1974 года пришел балок, который поставили под камералку, и нам совсем хорошо стало, потому что можно было поставить микроскоп без боязни, что он ночью замерзнет и лопнут линзы".

Лето 1973 года Шамиль Гимадеев со своим поисковым отрядом работал за рамками Сергеевского месторождения - в междуречье Кубавеема и Пенжины. Работы велись по Чехминскому проекту с целью расширения площади месторождения. Основное внимание было уделено Ревякинскому участку, названному так в честь погибшей Ольги Ревякиной. Вместе с Гимадеевым в работах принимали участие многие геологи Сергеевской партии - Людмила Гимадеева, Т. Полоротова, Виктор Сухарев, С. Куникив, горный мастер Валентин Плюсин. Практически вместе с отрядом Гимадеева работали геологи Кубавеевской партии Ярослава Александровича Семенова, проводившей групповую геологическую съемку масштаба 1:50 000. Практически здесь же работали геофизики ГФЭ КТГУ под руководством Г. В. Лашинского, проводившие магнитометрию и электропрофилирование. Одним словом, на самой Сергеевке и вокруг нее начались активные работы, похожие на ажиотаж. Ведь даже с воздуха шли исследования территории - вертолеты с геофизическими приборами облетывали площадь, производя магниторазведку и гамма-спектрометрию.

В результате всех работ вокруг Сергеевки список жил увеличился до 120, участок Ревякинский перешел в разряд перспективных.

В сентябре в партию приехала новый геолог Нина Парфеновна Зайцева, окончившая Ленинградский горный институт. Приехал горный инженер Геннадий Петрович Белодед, которого поставили горным мастером на подземку. С ростом численности сотрудников рос и поселок. Работали лесосека и пилорама. Леса хватало и для крепежных стоек, и для строительства, и на дрова. Желающие начали строить себе домики.

С наступлением зимы поисковые работы гимадеевского отряда не прекратились. Сергеевцы уже имели опыт зимней проходки канав, поэтому снега их не остановили. На штольнях продолжались скоростные проходки. Работа кипела всюду. Начальник партии Виктор Павлович Романов умел четко организовать дело. Он рассказывает:

"У нас был сухой закон. А праздники проводили организованно. Но, учитывая пристрастие большинства контингента к выпивке, я в праздничные дни не выпивал, дежурил, следил. В этом у меня была строгость. Как и в технологии, графике работ. Нарушений я не спускал. Вообще, старался сбалансированно подходить к кадровому вопросу. С одной стороны, проявлял к людям, их быту внимание, а с другой стороны, спрашивал за дисциплину и работу. Для проходчиков построили баню, душевые, раздевалки теплые. Построили столовую, в которой работали классные повара. У Ольги Бауман получались замечательные пирожки, у Валентины Ивановны Ульяновой вообще все получалось. Причем всего было до отвала, сколько хочешь. Желающим давали лес для строительства своих домиков, помогали распиливать на плахи, доски, делать оконные и дверные блоки. Соколов, Дворяк, Белоусов - эти первыми себе дома поставили".

В одном из личных дел, хранящихся в отделе кадров Северо-Камчатской экспедиции, читаю: "Приказ по Сергеевской ГРП № 30-к от 16 марта 1974 года, пос. Ухват. В результате устроенной 4 марта с. г. пьянки Сальминым А. А., взрывником Долгих В., рабочим Гурскис И. М., трактористом Солодовниковым Н. на участке подземных работ смены мастеров Гришатова В. В. и Сальмина А. А. были оставлены без технического надзора, результатом чего явилось практически полная бездеятельность на зарезке штольни № 3 и проходке штольни № 2. Приказываю...".

Этот приказ, кстати, не только иллюстрирует нравы некоторых сергеевцев и строгость начальника, но и информирует, что база партии уже в то время носила собственное имя - поселок Ухват. На карте Камчатской области до последнего времени значился населенный пункт Северо-Камчатск. Это и был поселок, в котором жили разведчики Сергеевского месторождения. Как видим, сначала он назывался Ухватом, по ручью, на котором стоял. Затем, когда поселок разросся, в нем появилась даже школа, встал вопрос об официальном наименовании.

"Я стал думать, как его назвать, - вспоминает Романов. - Позвал на помощь местных женщин - у нас работали несколько, спросил: как по-корякски можно назвать геолога, человека, работающего с землей, с недрами. Они назвали слово "малгитанин". Я его обрезал, и получилось название Малгитан. Так и отправил в Палану. Некоторое время спустя мне звонят: "Ваше название задробили, потому что дошло до Москвы, а там это слово расшифровали, как "колонизатор". Мы предлагаем назвать Пенжинском". Я ответил, что подумаю. Подумал и решил назвать Северо-Камчатском. Дал об этом телеграмму. В Москву ушли два варианта: Пенжинск и Северо-Камчатск. Утвердили Северо-Камчатск. Правда, статус поселка наша база получила уже без меня, в конце 1985 года".

ЗДЕСЬ БРОДИЛА МОЛОДОСТЬ...

В июле 1974 года в Сергеевской ГРП ввели новую должность - главный геолог партии. Первым главным геологом назначили Арчила Григорьевича Малтизова, только что приехавшего с Сахалина. Это был уже опытный геолог, окончивший в 1955 году Северо-Кавказский горно-металлургический институт, успевший поработать на разведке нескольких месторождений, имевший ученую степень кандидата геолого-минералогических наук. Правда, он больше был россыпником, нежели рудником, но общий опыт говорил за себя. Георгий Поликарпович Шипицын оставался старшим геологом партии.

Буквально в эти же июльские дни прилетел в партию студент-практикант Московского геологоразведочного института Виктор Хворостов. Он рассказывает: "На Камчатку мы прилетели вместе с женой Любой. Она поехала на Агинское месторождение с группой из ЦНИГРИ, а я, чтобы не дублировать дипломный проект, выбрал Сергеевку. Когда прилетел в Корф, мне предложили поработать в съемочной партии, но я настаивал на Сергеевке. Дело в том, что у нас в институте и специализация разведочная была, и на предыдущих практиках я именно металлами занимался, поэтому хотел на разведку. Тогда же состоялась моя первая встреча с Юрием Павловичем Рожковым, он был главным геологом экспедиции. До института я окончил техникум, успел поработать старшим техником-геологом, но он, когда я пришел представляться и проситься на Сергеевку, ответил мне: "Пойдешь геолрабочим". Я начал возражать, но он как-то так холодно к этому отнесся... Так я и числился геолрабочим, хотя фактически вел документацию на буровых, на штольне, занимался геологией даек, то есть исполнял чисто геологическую работу".

В июле начали свою работу на севере Камчатки Валерий Тимербулатович Вильданов и Виталий Анатольевич Кошелев, которые потом пройдут здесь большой трудовой путь: первый - до начальника Северо-Камчатской экспедиции, второй - до заместителя генерального директора ЗАО "Корякгеолдобыча". А тогда они устроились горнорабочими на Сергеевке, хотя оба имели за плечами Октябрьский нефтяной техникум и службу в армии, были по профессии техниками-геофизиками.

1 августа в Сергеевскую партию прибыл переводом из Ростова-на-Дону буровой мастер Сергей Павлович Рожков - родной, младший брат Юрия Павловича Рожкова. 29 августа прилетела выпускница Казахского политехнического института маркшейдер Татьяна Смахина (теперь она Ворогушина). 4 сентября прибыла после окончания Ленинградского горного института геолог Любовь Кравченко. Через несколько дней прилетел выпускник Ростовского государственного университета геолог Сергей Зайцев. Еще через несколько дней прибыл выпускник Томского политехнического института горный инженер Валерий Виноградов. 24 сентября прибыл молодой лейтенант, отслуживший срочную, а до этого окончивший Пермский госуниверситет, геолог Владимир Мелкомуков - будущий первооткрыватель камчатской платины. В октябре поступил на работу в Сергеевскую партию Александр Дьяченко - будущий знаменитый промывальщик и радиооператор Севера Камчатки. В ноябре прилетела выпускница Ростовского университета геолог Ирина Зайцева - жена Сергея Зайцева. Таким образом, Сергеевка буквально зазвенела молодыми голосами. Жизнь здесь забурлила ключом. Если добавить, что до вновь прибывших здесь уже было много молодежи, то смело можно утверждать: Сергеевская партия в те годы стала кузницей специалистов камчатской геологии и Камчатки вообще. Теперь эти вышеперечисленные люди в большинстве своем стали известными на Камчатке и за ее пределами, добились значительных успехов в своей геологической деятельности, и не только в ней.

А тогда они были еще робкими, начинающими, местная жизнь была им в диковинку.

"Когда я прилетела из Петропавловска в Корф, в экспедицию, он произвел на меня ужасное впечатление, - рассказывает Любовь Ивановна Кравченко. - Казалось, что дома стоят хаотично, ведь улиц как таковых тогда не было, я все время путалась. Ветер, деревьев нет, непривычно. А вода... О, это было самое ужасное. Поселили меня в знаменитый "Рейхстаг", а там комнатки, как клетки, маленькие. В коридорах темнота, и прямо в коридоре колодец, из которого надо доставать эту противную, соленую воду...".

Рассказ подхватывает Татьяна Ивановна Ворогушина: "У меня тоже удручающие воспоминания от первой встречи с Корфом. Когда пришла в экспедицию, мне в приемной секретарь говорит: "Нам маркшейдер не нужен". Я обрадовалась: "Тогда дайте мне открепление". Она: "Надо по этому вопросу с начальником встретиться". Но когда я зашла к Рожкову, представилась, он так обрадовался, что я именно маркшейдер".

Л. И. Кравченко: "Когда я пришла в здание экспедиции, первым, кто встретился, был Виктор Петрович Хворостов. Он еще был практикантом, вылетел с Сергеевки. "О, - говорит он, - молодая специалистка! Сейчас в Сергеевку отправят, а там сразу замуж возьмут". Я отвечаю: "Нет, замуж не выйду, тебя подожду". Он отвечает: "К сожалению, я уже женат". Следующая встреча - с начальником отдела кадров Григорием Петровичем Шкарупой. Тот сразу набросился на меня: "Нам геологи уже не нужны. О чем там, в Петропавловске, думают? Возвращайтесь назад! Я дам Вам открепительный талон, и возвращайтесь". Я уперлась: "Не поеду". Он пошел к главному геологу Леониду Леонидовичу Ляшенко. Тот меня вызвал, говорит: "Есть место в Сергеевку старшим техником-геологом...".

Т. И. Ворогушина: "В Сергеевской уже проходили штольни, поэтому мое назначение как маркшейдера было predetermined. Люди говорят: "В Сергеевке ничего нет, все покупайте здесь - от ниток и иголок".

Л. И. Кравченко: "И мне также говорили. Я пошла в магазины. После Ленинграда они мне буквально пустыми показались. Собственно, так и было. Потом посадили в вертолет. Полетела я в Сергеевку. Под вертолетом красотища!"

Т. И. Ворогушина: "Я летела на "Аннушке" с геофизиками. В полете меня укачало. Когда прилетели, смотрю: никакого поселка нет. А он был дальше, от полосы не видно. Под ногами грязь. А я в сапожках...".

Л. И. Кравченко: "Я прилетела 4 сентября. Виктор Павлович Романов таким строгим, суровым мужчиной показался. Поселил меня в палатке, где жила Люда Безрукова. Палатка была неутепленной, холодно".

Т. И. Ворогушина: "Меня тоже в палатке поселили. Но она была теплой. Там жили муж с женой, улетели в отпуск, вот меня и поселили. Я с геологией не сталкивалась, готовилась на рудниках, шахтах работать, поэтому к полевым условиям пришлось долго привыкать. Особенно мучила печка, точнее - дрова. Виктор Павлович говорит: "Дрова там-то будете брать, топить". "А как топить? Я не умею". Он: "Значит, истопника ищите. Или замуж выходите". Вот так.

До меня маркшейдера в партии не было, занимался этим горный мастер Сальмин. Он мне сразу: "Приходи на штольню, я тебе все покажу, сдам все дела". Я пошла, в чем была. Ведь думала, здесь, как на шахтах: раздевалка, дадут спецодежду. А он дал мне только каску и фонарь. Заходим в штольню, а там холод, как зимой на улице. Пока мы с ним гнали контрольный теодолитный ход, я вся измерзлась, зуб на зуб не попадал. Он, видя такое дело, говорит: "Ладно, закончим пока. А в следующий раз ты тепло одевайся". В другой раз я уже была одета как надо. Но зато у него было дурное настроение. Он быстренько мне все отдал и - разбирайся, как знаешь. Что делать, стала разбираться. И сразу стала требовать от проходчиков уклон полотна, прочие параметры штольни, как учили в институте. Они не привычные к этому были, ругались. Среди ночи меня поднимали: иди, замеряй. Я шла, замеряла, принимала. Они поняли: раз встаю, иду ночью, значит, требую правильно, надо выполнять. Тогда уже нашли общий язык. В штольне многое надо было исправлять, но Сальмин мне доказывал: выработка геологоразведочная, временная, ее после проходки все равно бросят, поэтому ничего исправлять не надо. Но я вела дела добросовестно".

Л. И. Кравченко: "Спальники выдавали только бывшие в употреблении, поэтому я не стала брать, еще в Корфе купила одеяло, накрывалась им. Оно атласное, без пододеяльника, сползает. От холода я просыпалась в 5 утра и начинала топить печь. Людмила в спальнике, ей не так холодно, вот она и удивлялась: "Как у тебя мужества хватает в такую рань и в такой холод вставать"?

Меня поставили на документацию буровых скважин. Помню, как мы с Татьяной Ивановной первую скважину на местности выставляли. Снег был уже глубокий, а лезть нам нужно было на сопку. Вот и полезли. Одеты тепло, плотно, снег - по пояс... Я говорю: "Таня, мы не дойдем...". Встанем, постоим, отдышимся и дальше лезем. А я тогда девушка в теле была, да еще без тренировки. В общем, все пришлось проходить с нуля.

Керн документировать пришлось на улице, на морозе. Пятеро штанов надену, а все равно холодно, и руки мерзнут. Иногда ребята-буровики жалели меня, заносили ящики в буровое здание. Но и оно холодное, печка на соляре тепла не давала. Правда, ветра не было. Буровики норовили приписать проходку, выход керна, растянуть керн. Приходилось бороться, ругаться. Как раз на бурение с пневмоударником перешли, по рудным зонам нужно было укороченными рейсами бурить, поэтому надо было смотреть, контролировать. Были ссоры, не нравилось буровикам, что я требую. Мастером был Саша Евдокимов, он погиб потом. Пошли они с главным инженером Сахно на охоту, и у того ружье нечаянно выстрелило. Пока Сахно донес его, он умер. А очень хороший был человек. Мой муж работал у него в бригаде помощником бурильщика - Саша Базелеев, там мы с ним и познакомились. Бурильщиками были Юра Дубовой и Валера Половников. Юра исключительно хороший буровик, до последних дней экспедиции работал, сейчас в Петропавловске живет".

Кстати, Татьяна Ивановна тоже в Сергеевке с мужем познакомилась - Валерием Виноградовым. Семьи в партии росли как на дрожжах. "Много было красивых девчонок, - говорит Виктор Хворостов. - Почему-то их всех отправляли в Сергеевку. Они почти сразу выходили там замуж. Есть фотография, на которой сергеевские дети, так их было человек 25. Даже садик пришлось строить".

Но садик был позже, а в ту глубокую осень 1974 года заканчивали строительство общежития. Пора было переселять людей из палаток.

"Общежитие построили отличное, - рассказывает Виктор Павлович Романов. - На 100 мест. Это было рубленое, теплое здание, внутри обшито фанерой и оклеенное обоями. Доводку бесплатно делали жены семейных: клеили, красили. Но когда настала пора заселяться, многие отказались: настолько привыкли и обжились в палатках. День проходит, второй - не заселяются. Тогда я выделил коменданту Йозису Гурскису трактор с санями и говорю: "Если не захотят сами, вытаскивай вещи, грузы и перевозки". Вечером прихожу с объектов, зашел в общежитие, смотрю: не

заселились. Спрашиваю коменданта: "В чем дело?" Он: "Грозятся побить". Тогда пришлось мне подключаться. Кое-как, с руганью переселили всех. Вскоре один проходчик мне говорит: "Виктор Павлович, теперь у Вас другая проблема может быть - как нас выселить. Ведь там же отопление". Действительно, мы в общежитии сделали отопление: грели воду и гоняли насосом. Отпали проблемы с дровами.

По проекту весь лес у нас должен был быть привозным, в том числе рудстойка, но мы делали всё на месте. Из-за этого у нас чуть было скандал не разразился. Стройбанк, который финансировал наши работы, направил к нам своего инспектора по фамилии Горбушин. Он из геологов, поэтому, видимо, и направил. В экспедиции, как принято, организовали все для его приятного времяпрепровождения. Прикрепили к нему начальника планового отдела Петра Николаевича Дрынова и отправили их куда-то отдыхать. Позже мы послали за ними вездеход, чтобы привезти Горбушина на базу, к вертолету, но при этом сделали тактическую промашку - провезли его мимо нашей лесосеки. Там все было на высоком уровне организации труда - пилы, трелевочник, штабелевка. Но он понял, что мы отклоняемся от проекта. В поселке еще раз пристально осмотрел наши новенькие дома и окончательно обо всем догадался. На этом основании он сделал нам перерасчет стоимости работ - снял стоимость завозки леса и рассчитал его как заготовленный на месте, по факту. В результате мы теряли приличную сумму - около 25 тысяч рублей. Поднялся шум. Для того чтобы разобраться в вопросе, из управления прилетела комиссия из двух женщин - начальника партии экономических исследований Ирины Петровны Казаковой и еще одной, фамилии не помню, Светланы Сергеевны. Они прилетели и добросовестно все обмерили. Лазили по снегу, тщательно, добросовестно. А домики частных я не включал в оплату, поэтому вышло так, что у меня на 200 тысяч рублей построено больше, чем я заактировал. Получалось, что с нас не снимать надо 25 тысяч, а доплачивать 200 тысяч. Я Ирине Петровне говорю: "Может быть, не стоит на рожон лезть, доактировать? Опять комиссии пойдут, разбирательства". Она резко возразила: "Пусть комиссии приезжают, у нас точные замеры".

Позже я случайно услышал их разговор между собой. Ирина Петровна говорит Светлане Сергеевне: "Я загорелась Сергеевкой. Малетойваем, Оганча - это же палатки и балки. А здесь дома строятся, все красиво, основательно. В общежитии тепло, отопление закольцовано...". Так что выглядели мы тогда солидно. Опять же и результаты были отменными, и выполнение планов шло неплохо".

Когда Вениамин Петрович Зайцев рассказывал мне о жизни и работе в Сергеевской партии, то признался: "Это был прекрасный период. Все мы дружили друг с другом, общались. В своих палатках, а затем домиках только ночевали, а так находились в камералке. С утра собирались, и работа наша продолжалась до глубокой ночи. Рабочий день не имел никаких границ. Спорили, обсуждали, убегали на документацию штолен, скважин или канав, опять собирались, опять обсуждали, глубоко занимались петрографией. Жизнь проходила на людях, проходила очень интересно, и я вспоминаю те годы, как одни из лучших в своей жизни. Многие лучшими годами считают студенческие, а я - годы работы в Сергеевской партии. Все были молодыми, романтиками...".

Признание Зайцева дополняет Владимир Мелкомуков: "Быт был неустроен, но было весело, ведь у нас был исключительно молодежный коллектив. Дни и вечера мы проводили в камералке. Это было основное место, где мы, в общем, жили. Кто документацию подгонял, кто в карты играл. Очень интересной, запоминающейся была жизнь, наша молодость...".

ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП

Пока на Сергеевском месторождении люди были всецело заняты работой и романтической борьбой со всевозможными трудностями, в более высоких инстанциях камчатской геологии шли свои процессы. В апреле 1975 года Олюторская комплексная геологоразведочная экспедиция была разделена на две: собственно Олюторскую, прежнюю, с базой в Корфе, и Северо-Камчатскую, с базой в Первореченске. Поначалу базу этой экспедиции планировали сделать в Сергеевской партии, даже имя экспедиции дали по имени поселка на Сергеевке, но позже переиграли.

Первореченск, начавший было хиреть в годы, когда был лишь перевалкой для сергеевцев и других партий и отрядов, опять начал подниматься, ремонтироваться. С повышением статуса туда переместились интриги. Многие сотрудники встали перед дилеммой: уезжать в Корф или оставаться в новой структуре. Это было не просто, потому что держала работа. Других, наоборот, работа разлучила с привычным Первореченском, они вынуждены были уехать в Корф, так как попали при разделении в ту, корфскую часть бывшей единой экспедиции. Так, например,

случилось с Гимадеевыми. А добровольно перебрался в Корф, например, Шипицын, которого пригласили на интересную работу. Вместо него старшим геологом Сергеевской партии в мае 1975 года стал Вениамин Петрович Зайцев.

Начальником Северо-Камчатской экспедиции был назначен Константин Александрович Харькевич, бывший до этого начальником геолотдела КТГУ. Главным геологом - Борис Геннадьевич Воронов, окончивший в 1967 году Московский университет, успевший три месяца поработать старшим геологом Сергеевской партии. Эти назначения, по сути, решили дальнейшую судьбу Виктора Павловича Романова на посту начальника Сергеевской партии. Партия была головной для новой экспедиции, а потому возглавить экспедицию логично было бы ему. Но его обошли. Видимо, потому, что отличался стремлением к независимости, прямотой, с ним было непросто. Так, или иначе, а в мае 1975 года он с должности ушел и уехал в Петропавловск, где стал работать начальником Банной поисково-разведочной партии ГСЭ.

Вместо Романова начальником Сергеевской партии стал Евгений Герасимович Сахно, бывший до этого главным инженером. Жизнь и работа продолжались.

В июне того же года в управлении Мингео СССР по поисковым и разведочным работам на алмазы, золото и другие благородные металлы состоялось совещание о ходе выполнения предварительной разведки Сергеевского месторождения. На нем отметили отставание темпов работ, а потому было решено продлить их еще на два года.

В результате был увеличен объем колонкового бурения и зарезаны штольни № 4 в левом борту ручья Ухват под жилу Аметистовую и штольня № 15 в правом борту ручья Шумного на горизонте +685 м для пересечения перспективной жилы № 5. Если говорить о бурении, то его объемы выросли по сравнению с 1974 годом в 3 и более раз. Если в 1974 году в партии пробурено 2115 погонных метров скважин, то в 1975 году - 6294, в 1976 г. - 7520 пог. м. Скорость бурения возросла до 710 метров в месяц. Буровики широко применяли пневмударники РП-130 и РП-111.

В штольнях проходилась очень большой объем штреков и рассечек. Особенно это касалось штольни № 5, идущей по жиле Ржавой. Из нее было пройдено 11 штреков, 1 квершлаг и 41 рассечка (85).

В конце лета 1975 года на работу в партию прилетел молодой геолог Рашид Газизов, только что окончивший Казанский университет. В Первореченск он плыл на пароходе, который вез в экспедицию груз из Петропавловска. В партию летел вертолетом.

"Главными в работе партии были штольни, - рассказывает Рашид Баянович. - Знаменитые сергеевские скоростные проходки, которые потом боком выходили геологам. Кроме вреда, они ничего не принесли - план ради плана. Когда сегодня переосмысливаешь этот повсеместный перекокс нашей отечественной геологии, становится не по себе. Это же была дикость. Из-за плана геологические результаты оставались в тени. Командовали геологией совсем не геологи".

Но наращивание объемов работ продолжалось. Как бы там ни было, объемы раскрывали геологию, до конца 1976 года все были уверены, что перспективы месторождения подтверждаются.

"В геологическом отношении это очень интересный, яркий объект, - говорит Виктор Хворостов, который в 1976 году молодым специалистом прибыл на Сергеевку, уже знакомую ему по практике. - Это интрузивно-купольная структура с большим количеством даек, со сложным взаимоотношением оруденения и магматизма, с послерудными дайками, которые рвали руду, уничтожали. Разбираться во всем этом было исключительно интересно, просто завораживало".

К приезду Хворостова главным геологом экспедиции стал ее бывший начальник К. А. Харькевич, который сменил В. С. Нурханова. У Харькевича были довольно сложные, несколько предвзятые отношения к геологам Сергеевки. Они были сплошь молодыми и, как казалось Харькевичу, излишне увлеклись Сергеевкой, цена которой была гораздо ниже. Харькевич, как мог, остужал пыл сергеевцев, спускал их на землю. Но со временем они уже и сами стали убеждаться, что в месторождении нет тех 200 тонн золота, которые все эти годы звучали как данность.

"По канавам были очень высокие содержания, а когда стала завершаться стадия предварительной разведки, то первоначально высокий прогноз стали опровергать, - говорит Р. Б. Газизов. - Стали вырисовываться четкие рудные столбы - выклинки, не идущие на глубину".

Об этом же, только более образно, говорит В. П. Зайцев: "На первых порах разведка шла довольно успешно и обнадеживающе. Штольни и каналы подтверждали прогноз в 200 тонн золота. Были неплохие содержания, золото было видимое. Поэтому первые годы все шло благополучно. Но когда серьезно приступили к бурению, то выяснилось, что вниз рудые столбы не идут, они как морковка выклиниваются".

"Начиная с 1976-1977 годов стало ясно, что перспективы месторождения ниже ожидаемых, поэтому Камчатским ТГУ ассигнования на разведку Сергеевского месторождения ежегодно уменьшались, что привело в конце 1977 года к невыполнению значительной части геологического задания (разведка жилы № 5). В связи с этим экспедиция выступила с предложением о пересмотре геолзадания. Новым геолзаданием предусматривалось снятие задачи по разведке жилы № 5, отказ от проходки восстающего и замена его глубоким шурфом, завершение работ со сдачей отчета в 1978 году. Написанное по этому геолзаданию дополнение к проекту было утверждено заместителем министра геологии СССР Б. М. Зубаревым 5 января 1978 года.

Таким образом, Сергеевская ГРП проводила полевые геологоразведочные работы на Сергеевском месторождении с 1 января 1973 года по 1 сентября 1978 года" (86).

В сентябре 1978 года разведчики стали покидать свое Сергеевское месторождение, с которым многие успели сродниться за долгие годы работы. Вскоре уехали все, оставив лишь бригаду буровиков, добуривающих последнюю глубокую скважину. В это время Первореченск опять перестал быть базой экспедиции. Северо-Камчатской ГРЭ отныне стала называться бывшая Олюторская экспедиция в Корфе. Поэтому уже здесь сергеевские геологи засели за отчет по предварительной разведке своего месторождения. Авторами отчета были Виктор Петрович Хворостов, Леонид Леонидович Ляшенко, Сергей Васильевич Зайцев, Рашид Баянович Газизов, Людмила Александровна Безрукова, которая, кстати, вылетела с Сергеевки последней, потому что документировала оставшуюся для добурки скважину. Именно поэтому ее участие в отчете было чисто номинальным (две главы). Помогали работать над отчетом Л. Ф. Гимадеева, Т. И. Виноградова (топографо-геодезические работы), И. В. Зайцева, Н. М. Эркенова, техник-картограф З. В. Чернышева.

За время работ на площади Сергеевского месторождения с 1969 по 1978 годы на Сергеевке были выполнены следующие объемы работ: поисковые маршруты - 538 километров; проходка канав - 322 256 кубических метров; проходка подземных горных выработок - 5 649 погонных метров; колонковое бурение - 22 905 погонных метров; проходка шурфов - 236 погонных метров. Затрачено было около 18 миллионов рублей.

Во время предварительной разведки сменилось несколько начальников Сергеевской партии:

В. П. Романов - 1 января 1973 - 2 июня 1975 года;
Е. Г. Сахно - 3 июня 1975 - 26 мая 1976 года;
В. С. Нурханов - 26 мая 1976 - 6 октября 1976 года;
В. И. Седов - 7 октября 1976 - 18 апреля 1977 года;
Л. Х. Эркенов - 18 апреля 1977 - 1 июня 1978 года;
В. П. Хворостов - 1 июня 1978 - 1 августа 1978 года;
В. Д. Виноградов - 1 августа 1978 - 20 декабря 1978 года.

"За шесть лет производства геологоразведочных работ на месторождении сменилось 6 начальников партии, 5 главных геологов, 4 старших геолога. Такая текучесть руководящих кадров не способствовала быстрейшему и эффективному завершению работ, наличию единого методического подхода к решению геологических задач и привела к появлению различных взглядов на геологическое строение месторождения и соответственно направлений в работе партии. В результате проявилась запущенность и разноплановость сводных геологических материалов, что привело к определенным трудностям при их обработке и написании окончательного отчета".

Надо сказать, что отчет был написан за четыре месяца. 29 декабря 1978 года Виктор Петрович Хворостов и Леонид Леонидович Ляшенко уже защищали его в Петропавловске на научно-техническом совете управления.

Рецензию на отчет писали геологи Ш. Гимадеев и Г. Шипицын. Они заметили: "Составление отчета проходило в сжатые сроки, что не могло не отразиться на качестве обработки огромного фактического материала... В заключении отчета считаем необходимым отметить, что почти за пятилетний период разведки Сергеевского месторождения вырос квалифицированный коллектив молодых геологоразведчиков, способный решать вопросы геологии, поисков и разведки месторождений полезных ископаемых на высоком научном уровне".

"Для меня это был первый опыт защиты отчета по такому крупному объекту, - рассказывает В. П. Хворостов. - Выступавшие на НТС маститые геологи шумели: "Загубили месторождение. Давали оценку 200 - 250 тонн, а теперь вы даете только 25...". Наскоки были сильными. Но я не согласился, приводил им объективные доводы. Прогнозная оценка строилась из того, что суммарная длина жил составляет 25 километров. Но при подсчете прогнозных запасов была нарушена методика, в жилах не везде золото, а только в рудных интервалах. Это золотосеребряное месторождение близповерхностного типа. Там золото крупное, но бонансовое. На ранних стадиях этого еще не знали, просто видели, что всюду кварц продуктивный. Ведь коэффициент продуктивности давали 0,5, а на самом деле он оказался низким - 0,15 - 0,19. Мы выявили еще много жил, но когда стали сгущать сеть разведки, то увидели, что в них только интервалы рудные, а не вся длина. Поэтому наша оценка была достоверной. Это, кстати, увидел начальник управления Рем Александрович Ремизов. Он внимательно изучил отчет, а потом сказал главному геологу Юрию Ивановичу Харченко: "Этих ребят не давать в обиду! Отчет очень хороший, несмотря на то, что месторождение небольшим получилось". Я и сейчас могу сказать, что отчет был хороший и он дал нам хорошую практику. И оценку месторождению мы дали верную. Там может быть среднее месторождение, но не более того".

"Сергеевское месторождение - это среднее, - говорит и В. П. Зайцев. - Но оно с крупным металлом, который может легко добываться и обогащаться одной лишь гравитацией, без применения цианидов и флотации. Единственная его беда - отдаленность".

ОСТАВШИЕСЯ ЗАГАДКИ СЕРГЕЕВКИ

И все-таки почему Сергеевское месторождение недоразвели, остановили изучение на стадии предварительной разведки, усилия и деньги выбросили на ветер? Одни объясняют, что Камчатское геологическое управление не могло тогда тянуть одновременно два крупных объекта - Сергеевку и Агу, поэтому сделало выбор в пользу Аги и вообще Быстринского рудного района. Другие утверждают, что виной всему склоки в экспедиции (имеется в виду Северо-Камчатская, находившаяся в Первореченске). Из-за них на Сергеевку махнули рукой еще в 1977 году, а дальше работы на ней шли по инерции, пока не остановились. Третьи говорят, что подобных средних месторождений было к тому времени предостаточно выявлено в Магаданской области, а потому стоявшая на отшибе Сергеевка роли уже не играла. Но при этом все соглашаются с тем, что Сергеевку не просто прекратили изучать, а бросили. Просто бросили, как надоевшего котенка.

А ведь месторождение еще таит в себе много загадок.

Недаром авторы рецензии на окончательный отчет по разведке месторождения обратили внимание на то, что в отчете совсем не учитывались при оценке Сергеевки геофизические работы. А ведь их проводилось много. И разных. При этом остались нерасшифрованными, к примеру, две загадочные магнитные аномалии.

Но главное, пожалуй, заключается в последней скважине, добуренной на месторождении уже в декабре 1978 года, когда отчет был почти написан. О ней в тексте говорится уже как бы только вдогонку: "На месторождении пробурена одна структурная скважина глубиной 501,1 метра, вскрывшая промышленные руды на горизонте 370 метров. Надо отметить, что для полного выяснения структуры месторождения и изучения поведения оруденения в осадочных породах фундамента, необходимо бурение скважины глубиной 1 000 метров" (89).

Вот так: "необходимо бурение". Но скважин бурить больше не пришлось, а потому единичное подсечение руды на глубине осталось загадкой. О ней знают и помнят все, кто работал на Сергеевке. Что это - длинная морковка? Или слепое тело? Или раздвиг жилы после выклинивания? Это не дает покоя многим до сих пор.

"Промышленная оценка месторождения на глубину дана лишь по отдельным жилам, - пишут, кроме всего прочего, рецензенты отчета. - Большая часть жил осталась не изученной на глубину. На глубоких горизонтах, в отдельных скважинах вскрыты богатые рудные тела. Все это свидетельствует о том, что потенциальные возможности наращивания запасов металла

Сергеевского месторождения далеко не исчерпаны. Запасы золота могут быть увеличены более чем вдвое после проведения поисков и разведки глубоких горизонтов кварцевых жил" (90).

Геологи с Сергеевского месторождения ушли в сентябре 1878 года. А в декабре оно показало им вслед язык - то самое подсечение последней скважиной богатой руды на глубине. Котенок еще жив и ждет хозяев...

АГИНСКОЕ МЕСТОРОЖДЕНИЕ НАХОДКА ГЕОЛОГА БАБУШКИНА

Долина реки Камчатки лежит между двумя хребтами - Срединным и Восточным. Оба хребта под стать друг другу: протяженные, островерхие, величавые. Правда, на Восточном больше вулканов, его венчают гиганты Бакенинг, Кизимен, Толбачик, Ключевская сопка. Но и Срединный хребет почти не отстает, высоко выставив на показ своих красавцев Алнея, Анауна, Ичу. Тяжело приходится людям, посягнувшим на исследование этих хребтов. Реки здесь горные, быстрые, склоны крутые, скалистые, вершины порой малодоступные. Лето проходит незаметно - было, и нет его, и уже пурги начинают хозяйничать на перевалах. В одной такой пурге в 1897 году едва не погибла экспедиция Карла Богдановича, рискнувшая поздней осенью пересечь Срединный хребет.

Именно по этим причинам западные и юго-западные районы Срединного Камчатского хребта, примыкающие к Ичинской сопке, долго оставались малоизученными. Лишь в 1954 году геологи добрались до этих мест, и Ю. В. Макаров провел здесь геологическую съемку миллионного масштаба. В 1956 году район исследовал гидрогеолог М. Б. Голубовский, а в 1957 - 1961 годах здесь изучал местный вулканизм научный сотрудник ВСЕГЕИ В. К. Ротман. Все исследователи сходились в одном: район не только интересен с геологической точки зрения, но и перспективен для выявления месторождений полезных ископаемых, главным образом - золота и ртути.

В 1958 году геолого-съемочная партия В. Н. Бондаренко обнаружила в бортах ручья Вьюн несколько кварц-карбонатных рудных жил, в которых содержалось золото. В шлихах, намывных из отложений ручья, присутствовала киноварь - ртутный минерал. Бондаренко рекомендовал провести в районе геологические поиски.

И вот в 1964 году на западный склон Центральной части Срединного Камчатского хребта была послана Ичинская партия Геолого-съемочной экспедиции КТГУ. Целью ее работы было комплексное геологическое изучение территории, находящейся к югу от вулкана Ичи и поиски золота, ртути и других полезных ископаемых.

В составе партии находились ее начальник Забих Абдулхакович Абдрахимов, старший геолог Дмитрий Анатольевич Бабушкин, геологи А. К. Боровцов и Виктор Александрович Кучуганов, старший техник-геолог Н. Н. Аврамова, техник-геофизик А. Ф. Рожин и 9 рабочих. 22 июня 1964 года партия в полном составе прибыла в Мильково, откуда своим ходом отправилась на место работы.

18 июля добрались до низовьев реки Кетачан, где разбили полевой лагерь. Через два дня приступили к работе. Отряд А. Ф. Рожина занялся шлиховым опробованием рек и ручьев района, а отряды Аврамовой, Кучуганова и Бабушкина начали маршрутные исследования.

С высоты прошедших лет видно, какие сильные геологи были тогда в Ичинской партии. У Дмитрия Анатольевича Бабушкина помимо высоких личных качеств специалиста и человека была хорошая академическая школа Московского государственного университета, который он закончил за четыре года до этого. О Забихе Абдулхаковиче Абдрахимове и говорить нечего - он уже тогда был одним из непреложных авторитетов в среде камчатских геологов. За его плечами были девять лет работы в Пенжинской экспедиции, в которой он возглавлял геолого-съемочные партии и зарекомендовал себя инициативным и грамотным геологом. К тому же это был умный и крайне педантичный человек, мимо взгляда которого не проходило ничего, что могло представлять хоть какой-то интерес для его работы. Недаром геологам партии удалось тогда достаточно подробно расчленивать местные толщи горных пород по возрасту и составу, а также обнаружить множество интересных проявлений полезных ископаемых.

Что касается золота, то ими были обнаружены шлиховые ореолы в реках Кетачан, Кетачан Второй, Аге и Копылье, а также найдено более двадцати рудных проявлений.

В одном из маршрутов Дмитрий Анатольевич Бабушкин поднялся по реке Аге до ее самого верхнего правого притока, который был тогда безымянным. В левом борту этого ручья, на пологом

склоне, поросшем кустарником, им были найдены развалы жильного кварца, содержащего рудные минералы. Разглядывая образцы породы через лупу, Бабушкин заметил в них мелкую вкрапленность золота. Развалы были похожи на останки кварцевой жилы, некогда выходявшей здесь на поверхность, а потому Бабушкин с помощью маршрутного рабочего очистил развалившуюся скалку от дерна и обломков и точно удостоверился, что это действительно кварцевая жила мощностью около полутора метров с пологим падением. В полевой книжке эта точка наблюдения была у него зафиксирована под номером 91, расчистке Дмитрий Анатольевич присвоил номер 34, а жила у него значилась под номером 1.

В течение полевого сезона геологи партии зафиксировали на исследуемой территории еще два десятка жил и зон измененных пород (91). Среди них жила №1 особо ничем не выделялась, а потому к ней в то лето больше не возвращались. Тогда еще никто не мог предположить, что жила даст начало Агинскому золоторудному месторождению.

ВЕРА И НАСТОЙЧИВОСТЬ ГЕОЛОГА АБДРАХИМОВА

Зимой из лаборатории пришли результаты анализов отобранных партией проб. Спектральный анализ пробы из точки наблюдения № 91 показал содержание золота 20 г/т, серебра 100-300 г/т, свинца 0,1 г/т. (92). Начальника партии Забиха Абдулхаковича Абдрахимова этот результат заинтересовал, но партия закончила полевые работы в этом районе, писала отчет и уже не могла более детально исследовать жилу № 1. Так и осталась она на несколько лет всего лишь интересной, обнадеживающей находкой. Правда, Абдрахимов о ней не забывал.

В 1967 году он попросил начальника Кетачанской партии Юрия Ивановича Харченко послать на Агу геологов, чтобы детальной изучить жилу. Харченко выполнил эту просьбу, но в тот год в горах очень рано выпал снег, и геологи Кетачанской партии не смогли расчистить жилу. Они лишь взяли из ее разрушенной части одну штучную и четыре металлометрические пробы, чтобы еще раз проанализировать химический состав руды. На этот раз анализы показали гораздо меньшее содержание в жиле золота - от 0,5 до 5 г/т. Перспективность жилы стала сомнительной.

Но именно тогда и сыграли положительную роль щепетильность и дотошность Абдрахимова. Когда он брал в руки образец, отобранный из жилы еще Бабушкиным, разглядывал его, то никак не мог поверить, что это не руда. Интуиция, опыт геолога подсказывали: необходима более тщательная проверка.

К этому времени Забих Абдулхакович был уже старшим геологом Геолого-съемочной экспедиции по поискам и обладал определенной свободой инициативы и действий. В августе 1968 года он специально отправился в верховья реки Аги, чтобы лично исследовать заинтересовавшую его жилу. Прибыв на место, он собрал некоторое количество разрушенной части жилы и промыл эту пробу в ручье. Золота оказалось достаточно много, перспективы жилы уже не вызвали у Абдрахимова ни малейших сомнений. Он тщательно опробовал ее и отправился в Сухариковскую партию, которая работала неподалеку.

Сухариковской партией руководил тогда Юрий Федорович Фролов. Он вспоминал: "Вообще, Абдрахимов прибыл к нам с проверкой, но, похоже, главной его целью было попутное посещение жилы на Аге. Он пришел оттуда к нам, мы стояли за перевалом, и показал мне образцы. Это был кварц с видимым золотом. Абдрахимов попросил меня выделить людей, которые сходили бы туда и детально изучили жилу. Я дал ему слово, что сделаю это.

Для работы на Аге я специально оставил четыре мешка взрывчатки. Переговорил с геологом Виктором Александровичем Кучугановым, который, работая еще с Харченко, как раз был на жиле годом раньше. Он согласился пойти на Агу и поработать там".

Отряд Кучуганова отправился к жиле в сентябре. Жилу нашли без труда, потому что Кучуганов знал ее. Шестью расчистками жилу проследили более чем на сотню метров. Кучугановым "фактически были выявлены основные параметры жилы, ее морфология, вещественный состав и структура участка. Пробирные анализы бороздовых проб и микроскопические исследования руд дали положительные результаты; были установлены содержания золота в раздуве жилы в несколько метров до 300 г/т. Жила была названа Агинской".

Следующим летом, в 1969 году, та же Сухариковская партия Ю. Ф. Фролова выделила из своего состава специальный горный отряд для дальнейшего изучения жилы. Начальником отряда был геолог Николай Николаевич Кочкин. Он рассказывает:

"Помимо меня в отряде были техник-геолог Борис Черепов, геофизик Ардашев и рабочие. Ардашев был с прибором "ИЖ" - Искатель жил. Он, в принципе, здорово нам помог. Отряд забрасывался без меня, потому что я улетел в Ичу, чтобы получать взрывчатку. Там, километрах в трех-четыре от поселка, находился склад взрывчатых материалов Западно-Камчатской экспедиции. Получилось так, что просидел я в Иче долго и прилетел на Агу только в конце июля. Ребята без меня обустроили лагерь и сделали временный склад для взрывчатки. Высоты там большие, палатки стояли у самой кромки кустарников, километрах в двух ниже истока безымянного ручья, в борту которого нашли жилу. Я называл этот ручей Агинским, по аналогии с рекой Агой, в которую он впадает.

Первым делом пошел посмотреть жилу. Поднялся наверх. Кроме кустарничков, там ничего не росло, но место вокруг жилы было задерновано. Жила была в виде развала, высыпок кварцевых обломков на площади примерно 5 x 5 метров. Со мной был промывальщик. Мы набрали два пробных мешка этого кварца и спустились к воде, где можно было отмыть шлих. Я впервые такое увидел, чтобы сразу же на лотке ярко заблестела целая полоска мелкого золота. Конечно, я знал, что золото есть, но чтобы в таком количестве... Килограмма четыре мы промыли, и я набрал целую пробирку мелкого золота - прямо слил его туда. Потом, помню, при защите полевых материалов, отдал пробирку в геологический отдел.

После этого начали мы пробивать каналы. Чувствовалось, что жила идет вдоль ручья, а потому я задал первую канаву поперек ручья. И действительно, вскрыли развалы жилы. До коренного залегания докопаться не удалось, но было очевидным, что это жила, мощность ее стала вырисовываться. Тогда я следующую канаву задал, затем еще одну".

Надо сказать, что каналы Николая Николаевича Кочкина как раз попали на самый обогащенный золотом участок жилы - бонанц. Он был вскрыт канавами № 5001 и 5002. Позже анализы показали, что среднее содержание золота по этим выработкам составило 400,3 грамма на тонну, а максимальное - 1239,3. Жила была прослежена на расстояние 420 метров.

"Мощность наносов была очень большая, - продолжает свой рассказ Николай Николаевич Кочкин. - Добывать каналы без крепления не представлялось возможным. А крепить было нечем - кругом росли только кусты. Кроме того, я видел, что сверху идет еще один снос кварца, а выше по ручью опять обломки кварца попадаться стали. Я там еще одну канаву попытался пройти, но добыть ее вообще не удалось".

В начале августа в отряд Кочкина прибыл научный сотрудник ЦНИГРИ Юрий Михайлович Щепотьев, чуть позже пришли научный сотрудник ДВГИ В. Д. Беда и З. А. Абдрахимов. Всех интересовала уникальная по содержанию золота жила.

Абдрахимов находился в отряде 15 дней - до начала сентября. Все это время он ходил в маршруты, изучал геологию участка. Иногда они ходили вместе с Кочкиным. Николай Николаевич рассказывает:

"Забих Абдулхакович был человеком организованным, дотошным, делал все медленно, с чувством, с толком. Вечером мы определяли с ним маршрут, договаривались выходить пораньше. Я утром проснусь, чай согрею, приготовлю завтрак, а он все копается, собирается. Ему надо, чтобы везде был порядок: карандаши заточит, книжечку полевую пространичит, подготовит, сумку, компас... Я тороплю: "Забих Абдулхакович, уже десять, давай пойдём". Он дальше копается. "Давай пойдём". Наконец, выходим, время - 12 часов. И, конечно, возвращаемся тоже в 12 часов, только ночью. Потемну идем назад. Назавтра все повторяется".

В верховьях ручья Агинского, на перевале, в 1,7 километра от Агинской жилы, Абдрахимов и Кочкин с помощью геофизика Ардашева нашли еще один развал жилы. Ее состав оказался кварц-карбонатным. Чтобы ее проследить, прошли две каналы. Вскрылась жила, которую назвали Перевальной. В ней были получены содержания золота до 60 - 70 г/т.

Кочкин прошел в 1969 году достаточно большой объем поверхностных горных выработок - 2060 кубических метров. В результате были установлены "общая структурная позиция, в первом приближении - размеры, морфология, минералогия отдельных рудных тел и в целом рудного узла".

З. А. Абдрахимов и В. А. Кучуганов писали: "Главное рудное тело - жила Агинская, как и другие, приурочена к зоне дробления мощностью до 25 метров пропицитизированных андезитов, туфов

Березовской свиты. Жила имеет северо-восточное простирание, круто падает на юго-восток. По составу жила существенно кварцевая; кварц встречается трех генераций. Из других жильных минералов под микроскопом определены кальцит, адуляр, альбит, хлорит, гидрослюда, цеолит, апатит. Главным рудным минералом является самородное золото. Размеры его обычно сотые, десятые доли миллиметра, редко достигают одного миллиметра. Золоту уступают пирит, халькопирит, редко встречаются борнит, блеклая руда, сфалерит, галенит, пироморфит, аргентит и киноварь. Рудопоявление по условиям залегания, минералогическому составу и структурным, текстурным особенностям относится к близповерхностному, эпипермальному генетическому типу.

В аналогичной участку собственно Агинского рудопоявления геологической обстановке расположены золоторудные проявления: участка верховья ручья Вьюн - в 1,5 - 2 км к юго-востоку и участка верховья ручья Кетачан-2 - в 6 км к север северо-востоку. На участке верховья ручья Вьюн (Бондаренко В. Н., Ястремский Ю. М., 1958; Абдрахимов З. А., Бабушкин Д. А., Кучуганов В. А. и др., 1964; Харченко Ю. И., Кучуганов В. А. и др., 1967) были вскрыты и прослежены горными выработками 11 жил кварцевого, карбонатного и смешанного составов. Минералогическим анализом шлихов протолок рудных проб по всем этим жилам устанавливается золото до 10 и более знаков; пробирные анализы тех же проб показали одно, реже двузначные содержания золота. Предполагается повышение содержаний с глубиной. На участке верховья ручья Кетачан-2 (Абдрахимов З. А., Бабушкин Д. А., Кучуганов В. А., 1964; Харченко Ю. И., Кучуганов В. А., 1967) в настоящее время известно шесть сближенных жил со значительными мощностями (до 6 - 8 м) и ряд зон дробления прожилкового окварцевания мощностью 20 м и более. Эти жилы, зоны изучены лишь в ходе съемочных работ, отобраны единичные пробы в одном пересечении каждой жилы, зоны по их коренным выходам. Содержания золота как по жилам, так и по зонам достигают близких к двузначным. Металлометрическим опробованием широко развитых зон окварцевания, пиритизации в эндоэзоконтактной полосе интрузии диоритов в юго-западной части Агинского рудопоявления выявлены двузначные содержания золота.

Все охарактеризованные рудопоявления образуют довольно крупный золоторудный узел, которому присвоено название Агинский. Площадь рудного узла очень плохо обнажена и опоискована еще недостаточно. В то же время здесь намечается широкое развитие зон дробления, пропилитизации, прожилкового, метасоматического окварцевания. Все это позволяет ожидать обнаружения новых рудных тел.

Долина реки Ага почти на всем протяжении (с перерывами) благоприятна в геоморфологическом отношении для накопления россыпей. Целесообразно проведение здесь заверочных шурфовочных с механическим водоотливом и буровых работ. В среднем и нижнем течении реки по шлиховым пробам зафиксированы золотины размерами до 1 мм. и более, хотя в коренных источниках золото имеет дисперсную, тонко распыленную природу.

Дальнейшее детальное изучение Агинского рудного узла с его уникальной для Камчатки Агинской жилой является первостепенной задачей. Разработка поисковых критериев на примере рассматриваемого рудного узла поможет открытию еще не известных, возможно еще более значительных по масштабам месторождений эпипермального золота в пределах Центрально-Камчатского неогенового вулканического пояса и сопредельных площадей".

РЕКОМЕНДАЦИИ ВАХТАНГА НОДИЯ

Для работы на территории Агинского рудного узла в 1970 году в Камчатской геолого-съемочной экспедиции был организован Балхачский поисковый отряд под руководством геолога Вахтанга Нодия. В задачу отряда входили детальные поисковые работы в верховьях реки Аги и ручьев Вьюн и Загадка (левый приток реки Кетачан-2) на площади 18 квадратных километров. В составе отряда были геолог Б. Н. Черепов, техник-геолог Г. И. Доронина, прораб горных работ В. Я. Синицкий и 11 рабочих. Из Петропавловска в Мильково отряд добирался на автомашинах. Из Мильково на участок работ забрасывались вертолетом. Трех лошадей, взятых на базе ГСЭ в Мильково, рабочие погнали своим ходом.

Как сказано в отчете отряда, он "был полностью снаряжен необходимым имуществом, кроме оборудования для проходки шурфа. Отсутствовали трос, вентилятор, качественные забурники, насос. Отряд полностью был обеспечен механическими дробилками и запасными частями к ним, в результате чего почти все пробы были обработаны в поле, и имелась возможность оперативно проводить целенаправленные поиски.

Отряд работал на значительном удалении от населенных пунктов, и связь с Мильково осуществлялась по рации, большей частью через Чемпуринскую ГРП. В поле отряд посетил

начальник ГСЭ Ю. В. Жегалов. Поисковые и горные работы проводились непосредственно с базы отряда. Почти весь объем горных работ был сосредоточен на участках Агинский и Перевальный".

За короткое время полевого сезона отряд сделал 150 километров поисковых геологических маршрутов, прошел 3570 кубических метров канав, один шурф глубиной 8 метров, отмыл 253 шлиха. Особенно тяжело далась проходка канав. Все они проходились в зоне вечной мерзлоты, которая при проходке оттаивала, превращаясь в грязную жижу и не позволяя нормально работать. Приходилось ждать по 15 - 20 дней, чтобы грязь высыхала, и только тогда копать глубже. А на участке "Перевальном", где местность вообще была болотистой, канавы пришлось проходить осенью, во время крепких заморозков.

Единственный шурф проходили прямо по жиле Агинской, на месте ее первой находки, в одной из канав Н. Н. Кочкина (№ 5002).

Рядом с геологами работали геофизики ГФЭ КТГУ под руководством В. С. Ардашева. В составе отряда были старший геолог Б. Д. Калинин, старший техник-оператор Г. С. Потребов, прораб горных работ С. А. Максимович, старшие техники-топографы В. Е. Пулин и Г. С. Шмелев, а также трое студентов, в т. ч. Т. А. Полоротова, которая потом работала на Сергеевском месторождении при его разведке. Отряд проводил электроразведку и магнитную съемку. Геологами использовалась топооснова масштаба 1:10 000, выполненная топографической партией КТГУ под руководством М. И. Арышева.

В результате работ было выяснено, что рудное тело Агинского участка "представляет собой достаточно мощную зону дробления и окварцевания, вытянутую в северо-восточном направлении по азимуту 10 градусов с четко оконтуривающимися кварцевыми жилами, расположенными в теле зоны дробления. Ширина рудной зоны (под этим определением мы принимаем совокупность кварцевых жил, прожилков и золотоносных вмещающих пород, т. е., всю зону дробления и окварцевания) от минимальной на флангах (1,8 м) до максимальной в центральной части (14,9 м)".

Характеризуя участок "Перевальный", Нодия отмечает большую насыщенность его рудными телами. В отчете он пишет: "В пределах участка, на площади около 1 кв. км. выявлено 13 кварцевых и кварц-карбонатных жил, а также ряд окварцованных зон дробления, несущих золоторудную минерализацию. Наибольшая плотность рудных тел отмечается в двух точках. В одной из них, в левом борту ручья Загадка три рудных тела расположены в 20 - 25 м друг от друга, а в другой, в районе высоты 1478, 0 м пять рудных тел располагаются на расстоянии от 10 до 50 м друг от друга".

Переходя в отчете к рекомендациям для дальнейших исследований, В. Нодия пишет: "На наш взгляд, поверхностными горными работами на участке Агинской рудной зоны, учитывая работы за все годы, сделано все или почти все. Следующей стадией изучения этого рудного тела должны стать подземные горные выработки. В частности, шурфами с рассечками можно проследить слепой участок рудного тела, но основные задачи, безусловно, должны решать более тяжелые работы - штольни".

ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА ИГОРЯ ПЕТРЕНКО (1971-1972)

В марте 1971 года начальник Камчатского территориального геологического управления Вадим Михайлович Никольский был в Москве. Кроме всего прочего, он просил у нового министра геологии РСФСР Льва Ивановича Ровнина открыть для финансирования Камчатки строку "Рудное золото" для того, чтобы целенаправленно начать работу на Аге. Ровнин советовался со своими заместителями и специалистами. Против такой строки были начальник Главвостокгеологии И. С. Бредихин и заместитель Ровнина - И. А. Кобеляцкий, курирующий Камчатку. Но Никольский настаивал, просил дать хотя бы 200 тысяч рублей. Через день Ровнин сдался и выделил для КТГУ 100 тысяч.

Сразу же по приезде Никольского в Петропавловск в Южно-Камчатской ГРЭ была организована Агинская партия под руководством В. И. Лямцева. До начала полевого сезона был написан проект поисково-разведочных работ на 1971-1972 годы. Все лето 1971 года партия проходила канавы на Агинском участке. Это был еще рядовой по результатам сезон, а разворот работ начался в 1972 году, после того как на базе Южно-Камчатской экспедиции в селе Мильково была организована Центрально-Камчатская партия, а на Аге - участок этой партии. ЦКГРП возглавил Михаил Михайлович Задорнов, главным геологом остался, как был еще в ЮКГРЭ, Юрий Иванович Харченко. Агинским участком продолжал руководить Виктор Иванович Лямцев. Геологическую службу Агинского участка возглавил старший геолог Игорь Диомидович Петренко. "Я работал

только на россыпях, рудной геологии не знал, поэтому был, практически, молодым специалистом, - признается он. - Геологи, которые работали со мной, только что окончили институты. Это были Геннадий Кувакин, Константин и Людмила Афанасьевы".

Работал вместе с Петренко и геолог Вахтанг Нодия. Все лето с ним была дочь Валерия. Он занимался Перевальным участком и, когда открыл там новую жильную зону, назвал ее в честь дочери - Валери. Две другие зоны, найденные там же, получили имена Туманная и Ясная. "В одной перспективы были не очень понятны, ее назвали Туманной. Другая была явно рудной, поэтому стала Ясной", - объясняет И. Д. Петренко.

Взявшись руководить геологическими исследованиями участка, Игорь Диомидович Петренко поставил перед собой и своими геологами задачу провести геологическую съемку рудного поля в масштабе 1:10 000. "Как меня за это ни ругали, но мы за год ее сделали, - говорит он. - Не было бы этой съемки, не было бы дальнейших успехов на Аге".

Съемка далась не просто. Определенное влияние на ее результаты оказывали молодость и неопытность исполнителей. Да и геология была непростой: рудное поле находилось в вулканитах, среди расчлененного, высокогорного рельефа. "Но при съемке были выделены практически все известные на сегодняшний день рудовмещающие структуры, - продолжает И. Д. Петренко. - Дальше надо было заниматься изучением этих структур".

Результатом работ 1971-1972 годов стала не только геологическая карта рудного поля, но были прослежены по простиранию и несколько зон с промышленными содержаниями золота. Наиболее перспективные - жила Агинская, зоны Валери, Туманная и Ясная - были рекомендованы для продолжения работ (101). Написанием проекта на производство предварительной разведки на период с 1973 по 1976 годы занялись И. Д. Петренко, А. Д. Охрицкий и Г. В. Кувакин.

ЗВЕНЯЩИЕ ГОРЫ

Предварительную разведку начинали в 1973 году начальник участка Виктор Иванович Лямцев, которого в следующем, 1974 году сменил Яков Петрович Гурцик, а также старший геолог Игорь Диомидович Петренко. Геологом на месторождении работала одна только Л. Б. Маковлева, но уже в 1974 году на участок прибыли В. А. Плюснин, Т. А. Полоротова, Б. В. Гузман, К. А. Афанасьев и Л. Б. Афанасьева, С. А. Кальсин, П. Я. Николаенко, О. Ю. Рождественский, Ю. А. Гаращенко, Н. В. Огарков. Техниками-геологами в эти годы работали С. Н. Круглова, А. Я. Петренко, К. П. Кузнецов, Г. А. Бартошина, Л. М. Корсун, В. Н. Марков, А. Л. Сергиенко.

База участка сложилась еще в прежние годы на берегу реки Ага. Теперь ее называли поселком Агинским. Здесь стояли палатки и несколько жилых балков. С районным центром Мильково, где располагалась и база Центрально-Камчатской партии, поселок соединяла грунтовая дорога, пригодная для проезда в осенне-зимний период. Все остальное время геологи пользовались вертолетами.

Климат в районе работ был почти континентальным с суровой зимой и теплым, но коротким летом. Снег выпадал в сентябре, сходил с северных склонов в конце июня, но в распадах лежал постоянно. Мощность снежного покрова достигала 6 - 10 метров в долинах и 2-3 на склонах гор. В февралю со склонов начинали сходить лавины.

Летом 1973 года шла подготовка к подземным горным работам. Ею занимались начальник участка В. И. Лямцев, технический руководитель В. П. Задорожный, позже - старший горный мастер Н. В. Бардин. Штольня № 1 была начата осенью. Её ствол пошел по горизонту 1210 метров по Агинской жильной зоне.

В ноябре 1973 года в поселке Агинском побывала корреспондент газеты "Камчатская правда" Наталья Казначеевская. Она не только описала в красках, с эмоциями убогий быт геологов и отсутствие в поселке возможностей для досуга, но и сделала вот такую романтическую зарисовку: "Отлично работает бригада проходчиков первой штольни. Молодой горняк рассказывает: "У нас звенящий поселок. Поднимитесь на Перевальный. Это второй участок, тысяча метров над рекой. Оттуда горы как на ладони. Они звенят. Вернее, звенели, пока мы не пришли. Теперь там мы звеним. Наши голоса и машины" (102).

По свидетельству журналистки, в поселке геологов тогда проживало 120 человек, большинство из них были канавщиками и горняками. Из геологов Наталья Казначеевская застала в поселке Евгения Игнатьева.

Параллельно с разведкой на южном фланге месторождения проводились геолого-съёмочные и поисковые работы масштаба 1:10 000. В результате там был выделен перспективный участок Южно-Агинский с зоной протяженностью 2,5 километра. Геофизики Копыльинской партии под руководством неизменного на Аге В. В. Ардашова тоже проводили свои работы на флангах.

В 1974 году тематическая группа под руководством Юрия Федоровича Фролова начала разрабатывать тему "Структурные условия локализации и оценка перспектив золотоносности Козыревского рудного района". Фроловым были обобщены результаты работ всех партий и отрядов, когда-либо работавших в районе, проведено геолого-структурное районирование его площади, скорректированы стратиграфические схемы различных исследователей.

Осенью 1974 года в поселок Агинский прилетел молодой специалист геолог Юрий Гаращенко, только что окончивший Ростовский университет. Первым, кого он встретил, был геолог Борис Гузман. Новичка определили на документацию штольни, но вскоре отправили за перевал - в другой жилой поселок участка - Вьюн. Он располагался на реке Копылье, в устье ручьев Вьюн и Заросший. Здесь тогда находились канавщики, проживавшие в балках и палатках.

"Выдали мне матрац, спальный мешок, сказали, чтобы брал с собой больше продуктов, - вспоминает Юрий Алексеевич. - Поехали на АТС-ке. Когда приехали, все люди разошлись, а я не знаю, куда идти. Наконец, временно меня куда-то поселили. Говорят: "Приедет геолог Витя Марков - его в военкомат вызвали - тогда будем думать, что с тобой дальше делать". Так началась моя новая жизнь. Все было не устроено - и поселок, и организация работ. Производство шло вяло, как бы само собой, без усилий. Зимой, бывало, вообще не работали - то соляры не было, то еще какие-то причины не давали".

В 1975 году Агинское месторождение было включено в перечень важнейших объектов Министерства геологии СССР. На совместном заседании Совмина СССР и ЦК КПСС было принято постановление о завершении разведки 1-й очереди Агинского месторождения в 1977 году с защитой запасов в ГКЗ СССР. В 1980 году планировалось строительство ГОКа с производительностью 500 тысяч тонн руды в год. Но вскоре, из-за недостаточности ассигнований, срок завершения 1-й очереди разведки перенесли на 1979 год (103).

И все-таки определенная реорганизация управления производством в 1975 году произошла. Центрально-Камчатская партия была преобразована в экспедицию, Агинский участок - в партию. Первым начальником партии стал Яков Петрович Гурцик, который до этого назывался начальником участка.

Если перечислять всех руководителей и старших геологов, участвовавших в предварительной разведке Агинского месторождения в период с 1975 по 1977 годы, то список будет таким:

Начальники партии - Я. П. Гурцик (1975-76), А. М. Пантелеев (1976), А. И. Гасюта (1976-77);
Главные геологи: И. Д. Петренко (1975 - 77), Б. В. Гузман (1977);
Главный инженер: В. Г. Середкин (1975 - 77);
Старшие геологи: С. Д. Сергиенко (1975 - 77), Б. В. Гузман (1975 - 77), В. А. Прозоровский (1976-77), П. А. Озорнин (1977), О. Ю. Рождественский (1977).
Начальник поисково-съёмочного отряда - Ю. А. Касабов (1975-76);
Старший гидрогеолог А. А. Демченко (1975 - 77).
Геологи и техники-геологи: В. А. Плюснин, К. А. Афанасьев, П. Я. Николаенко, Ю. А. Гаращенко, В. А. Прозоровский, С. А. Дашкевич, П. П. Усатюк, З. Д. Саватеева, Н. В. Огарков, С. Н. Круглова, А. Я. Петренко, К. П. Кузнецов, Г. А. Бартошина, Л. И. Корсун, В. Н. Марков, Т. И. Прозоровская, А. Б. Лакейчук, Э. В. Лакейчук, Л. И. Верба, Н. И. Курносова, гидрогеолог Фулга.

За годы предварительной разведки были пройдены следующие подземные горные выработки:

Участок Агинский. Штольня № 1 по Агинской зоне (337,5 м). Из этой штольни пройдены 5 штреков и несколько квершлагов.

Участок Первальный. Штольня № 2 по зоне Валери (горизонт 1365, длина - 390 м) и зоне Апофиза (60 м). Из штольни также пройдено несколько штреков и квершлагов.

Штольня № 3 по зоне Туманной (горизонт 1365, длина - 260 м).

Поисковая штольня № 6 с множеством штреков, которые вскрыли несколько зон (горизонт 1210 м).

Всего было пройдено 7 324 метра подземных выработок. В 1976 и 1977 годах научными сотрудниками ЦНИГРИ была проведена работа по теме "Совершенствование технологии проведения и крепления подземных горных выработок с учетом использования новых технических средств". В результате была значительно повышена эффективность подземных работ, внедрены технологические схемы скоростной проходки (104).

Следует сказать, что одним из главных результатов проходки подземных выработок, кроме целей подсчета запасов, было выявление слепых рудных зон, не выходящих на поверхность, Ноябрьской и Сюрприза.

Общие положительные результаты, полученные при предварительной разведке позволили еще в 1976 году, за год до ее окончания, приступить к детальной разведке рудных зон Агинской, Ноябрьской и Сюрприз. А в 1977 году завершилась предварительная разведка зон Ясная, Валери, Туманная и № 6.

АГИНСКОЕ СТАЛО СУДЬБОЙ

Для многих, кто работал на Агинском месторождении, оно стало судьбой. Причем и жизненной, и производственной. Такой судьбой оно стало и для Василия Викторовича Кноля.

В 1977 году он окончил с отличием Томский политехнический институт и с дипломом горного инженера прибыл по распределению на Камчатку. Просился на Вергеевское месторождение, где уже работал знакомый ему выпускник того же института Валерий Виноградов, но пришлось отправиться на Агинское месторождение, где вовсю шла предварительная разведка и готовились к детальной.

Когда прибыл в Мильково, на базу Центрально-Камчатской экспедиции, ему вместо Аги предложили работать инженером в производственно-техническом отделе. Подумав, Василий отказался. Решил начать свою профессиональную деятельность с самого низа, пройти ступень за ступенью все геологоразведочное производство.

В это время на Агинском шло строительство нового базового поселка - Вьюна. Завозились стройматериалы, балки, строили центральные ремонтно-механические мастерские, новую дизельную, жилые дома. Функционировали контора, клуб, сельсовет. То есть активно шла подготовка к детальной разведке Центральной части месторождения и предварительной разведке на участке Перевальном. Начальником партии в это время был Анатолий Иванович Гасюта, главным инженером - Владимир Григорьевич Середкин, главным геологом - Борис Викторович Гузман.

В один из августовских дней, в пятницу, Василий Кноль прилетел вертолетом на Вьюн. Сумеречное ущелье, малюсенький поселок, незнакомые лица не способствовали подъему духа. Но надо было начинать, назад пути не было. Первым ему встретился старший геолог Павел Озорнин. Он отвел новичка в контору, где отмахнулись: пятница, приходи в понедельник.

На жительство комендант определил в 20-местную палатку. Ряды кроватей, железная печка... Дали матрац, одеяло, подушку. Оставили до понедельника. Два дня болтался по поселку, где и смотреть-то было нечего: школа, контора, несколько домов.

В понедельник застал в конторе главного инженера Середкина. Тот с одобрением раскрыл красный диплом молодого специалиста.

- Хороший диплом, молодец. Нам такие люди нужны. Пойдешь горным мастером на канавы. Василия это несказанно огорчило. Ожидал чего угодно, но только не канав. Поэтому отказался.

- Пойдешь, - нажимал Середкин.

- Нет, не пойду, - стоял на своем Василий.

- Ну что же, тогда пойдешь помощником бурильщика, - рассердился главный инженер, возвращая Василию непонадобившийся красный диплом.

Василий тоже был рассержен таким оборотом дела, поэтому не стал качать права молодого специалиста.

- Ладно, пойду помбуром.

На том и расстались.

Выдали Василию Кнолю рабочую робу - сапоги, верхонки, брезентовую куртку и такие же негнущиеся штаны. Прошел он инструктаж и вскоре получил команду отправляться на смену в одну из буровых бригад. Ехали на вездеходе, но на полпути он сломался. Все пешком вернулись на базу. Василий нашел техрука, доложил о том, что на смену попасть не смог.

- Что дальше делать?

- Сиди, жди, скажут...

На следующее утро опять смена собралась ехать на буровую. Василий тоже пришел к починенному вездеходу. Но тут ему передали команду прийти в контору.

- Значит так, помбуром не пойдешь, а пойдешь буровым мастером на Агинский участок, - сказал на этот раз Середкин.

- Хорошо, - ответил Василий. - Пойду буровым мастером на Агинский участок. А где это?

- Завтра вахта будет ехать, добrosят тебя до 6-й штольни, а там через перевал пройдешь пешком. Забирай свои вещи, будешь постоянно жить на Агинском.

Агинский участок - это старая база партии - поселок Агинский, на реке Аге, за перевалом от Вьюна. Начальником участка был Владимир Маркович Цвиркун. Он встретил молодого мастера суровым приказом:

- Сейчас я тебя поселю, и сразу собирайся принимать буровую. На все тебе один час.

- У кого принимать?

- Если бы было у кого, мы бы тебя не пригласили...

Позже выяснилось, что мастер запил вместе с бригадой, и его решили заменить подвернувшимся молодым специалистом.

С вахтой Василий доехал до штольни № 8, а дальше пошел пешком. Буровая стояла на самом верху, бурили скважину № 82. По пути к буровой Василий видел, что сзади поднимаются по той же дороге двое. Они оказались сменой. Познакомились. Бурильщика звали Виктором Худяковым. Он засуетился:

- Надо брагу ставить, нового начальника обмывать.

Василий огляделся. На буровой последний раз работали неделю назад, все прошедшие дни пили. Стоял станок ЗИФ-650, была укороченная мачта МРУГУ-3. Проектная глубина скважины 400 метров. Оставалось пробурить метров 10 - 15, но случилось осложнение. Какая тут брага, когда работы непечатый край?

- Нет, ребята, давайте вначале дело делать. А обмыть...

Буровики включили станок, спустили в скважину снаряд, почистили забой. К этому времени пришла геолог - молодая девушка Наташа Привалова. Узнав, что скважина чистая, она приняла решение закрыть ее и вызвать каротажников.

Эта скважина оказалась для Василия Кноля первой и последней на поверхности. После демонтажа бригаду перевели на бурение из подземных выработок.

"Недели три я проработал, - рассказывает Василий Викторович Кноль. - Потом как-то прихожу на штольню, захожу в бытовку, а там меня дожидается мужчина средних лет. С хорошим украинским акцентом говорит мне: "Начальник, ты когда вообще придешь к нам? Сколько можно тебя ждать"? Я опешил: "А при чем здесь я? Кто Вы такой"? Он отвечает, что зовут его Петр Васильевич Зубко, наш орденносец из бригады № 3. А у меня бригада № 1. "Ничего подобного, ты мастер у нас, в бригаде № 3, я под твоим началом". Так выяснилось, что у меня еще одна бригада есть. Познакомился я с ними, разобрался с составом, с задачами, с геологами. И пошла работа".

Мастером в двух бригадах одновременно Василий Кноль отработал больше года. По результатам работ 1978 года бригада № 1 была признана лучшей в Камчатском геологическом управлении. Василия наградили большими настольными часами с боем. А в январе 1979 года вызвали в Мильково, в экспедицию. В это время начальник Агинской партии Гасюта перешел на другую работу, а его место занял главный инженер Середкин. Кноля "сватали" в главные инженеры. "Я растерялся, - говорит он. - Ни опыта, ни навыка, до конца не представляю все аспекты геологоразведочных работ. Об экономике вообще не говорю. И я отказался, сказав, что еще к такой должности не готов. Меня опять вернули на Агинский участок, но уже техруком. Специфика Агинского участка состояла в том, что он был отдельным. Начальство партии было на Вьюне, все службы на Вьюне, а здесь руководил начальник участка, который был и царь и бог. Отвечал за производство, детский сад, столовую, пилораму, баню и так далее. И вскоре наш начальник Владимир Маркович Цвиркун перевелся в Мильково. И началась чехарда с начальниками, присылали все каких-то временных. Перед 7 ноября меня опять пригласили в экспедицию и, не разговаривая особо, сказали, что есть мнение начальником участка назначить меня. И добавили: "Либо старшим инженером ПТО здесь, в экспедиции". Я согласился пойти начальником участка".

От судьбы, как говорится, не уйдешь. Василий Викторович Кноль и сам признает, что, согласись он тогда переехать в Мильково, а значит, с ним вместе переехала бы и семья, жена его Татьяна могла бы избежать смерти. В 1982 году она, будучи геологом, погибла в забое штольни под обвалом. Но судьбу не дано предвидеть...

На Агинском участке были тогда сосредоточены основные объемы подземных горных работ. Бурение по объемам распределялось примерно пополам с Вьюном, а канавы были на Вьюне. Если брать подземку, то на Агинском участке две бригады проходили восстающие выработки и три - горизонтальные. Одним словом, хозяйство было большим, хлопотным и ответственным. А Василию Кнолю не исполнилось тогда и 25...

Но в марте 1981 года хозяйство Василия Кноля резко выросло - его назначили главным инженером Агинской партии. В это время партия представляла из себя крупнейший на Камчатке производственный объект со сложной инфраструктурой.

"Акценты в работе были смещены уже в сторону Вьюна, - вспоминает Василий Викторович. - Начальником партии был Юрий Викторович Григорьев. Он с 1937 года рождения, приехал к нам из Якутии, где был главным инженером одной из крупнейших экспедиций страны - Нежданинской. Он был лучшим начальником партии за все время моей работы там. Он держал в своих руках все хозяйство, умело двигал кадры. Я удивлялся выдержке и мудрости этого человека. Ведь столько было проблем... К этому времени предварительная разведка закончилась, защитили запасы 1-й очереди, и никто не знал, что будет дальше. Оборудование партии за годы непрерывной эксплуатации изнашивалось, техника ломалась, электроэнергия и сжатого воздуха для забоев не хватало. Одним словом, было горячо.

В это время у нас появился грамотный главный энергетик, который взялся наводить идеальный порядок в своем хозяйстве. И вскоре навел. А компрессорная станция благодаря его усилиям заработала почти в автоматическом режиме. Постепенно, постепенно мы из проблем выпутывались...

Забегая вперед, скажу, что вскоре лучшими подземными выработками в системе Министерства геологии СССР были признаны наши, агинские. За разработку технологических карт на проходку горизонтальных выработок в сложных горногеологических условиях мы были награждены бронзовыми медалями ВДНХ. У нас было много штолен. Они соединялись между собой восстающими, и мы впервые применили у себя рудничную вентиляцию с регулированием струи воздуха. Когда главный инженер экспедиции рассказал об этом на Всесоюзном совещании в Чите, все были удивлены. Затем многие просили у нас эти документы".

Главным инженером партии Василий Викторович Кноль проработал до конца 1983 года, а затем был назначен ее начальником. Получилось, что за 6 лет он прошел в Агинской партии все ступени - от мастера до начальника. Потерял там жену. Вышел оттуда на большие управленческие просторы - в 1992 году стал генеральным директором ПГО "Камчатгеология". Разве не стало его судьбой Агинское золоторудное месторождение?

ПОСЛЕДНЯЯ КРАТКАЯ ХРОНИКА

28 сентября 1979 года решением НТС Камчатского территориального геологического управления (протокол № 127) в целях увековечения памяти умершего первооткрывателя Агинского месторождения, ветерана камчатской геологии Забиха Абдулхаковича Абдрахимова решено переименовать Агинское рудное поле в Абдрахимовское рудное поле. Участок Агинский стал именоваться Абдрахимовским. Правда, в 1980 году были получены новые данные о структуре рудного поля и условиях локализации оруденения, поэтому деление месторождения на участки стало условным. Абдрахимовский, Перевальный и Вьюнский участки были объединены в единый Центральный. Здесь сосредоточились практически все запасы золота месторождения (105).

В мае 1980 года в Министерстве геологии РСФСР состоялось совещание у заместителя министра В. Е. Рябенко по выбору направления поисковых и разведочных работ на золото на территории Камчатской области на 1980 год и 11 пятилетку. На нем было решено начать детальную разведку 2-й очереди Агинского месторождения.

Через год, согласно направлению работ на золото на 11 пятилетку, была начата предварительная разведка месторождений Бараньевского и Сухариковские гребни для подготовки запасов с целью совместной отработки их с Агинским единым Центрально-Камчатским ГОКом. В 1983 году институтом ВНИИПИгорцветмет было составлено Техничко-экономическое обоснование временных

кондиций по Агинскому рудному узлу. Рассмотрено два варианта: переработка руд на Карамкенской золотоизвлекательной фабрике (ЗИФ) и на местной районной фабрике.

В 1984 году вышло постановление Совмина СССР и ЦК КПСС "О дальнейшем развитии золотодобывающей промышленности и увеличении добычи золота в стране". В нем было принято решение о начале проектирования и строительстве Центрально-Камчатского ГОКа с введением его в действие в 1989 году (106).

В 1985 году детальная разведка Агинского месторождения была завершена, написан отчет, защищены в ГКЗ запасы 2-й очереди.

А вот Центрально-Камчатский ГОК в силу многих причин так и не был построен...

АМЕТИСТОВСКАЯ ЭПОПЕЯ НАЧАЛО

В 1962 году Верхне-Уннэйваямская партия Пенжинской экспедиции проводила геологическую съемку масштаба 1:200 000 на территории листа карты Р-58-XXVIII на юго-западе Корякского нагорья. Руководил партией геолог Ананий Иванович Поздеев. Вместе с ним работали геологи Л. М. Карпасов, И. Г. Кирков, техник-геолог В. П. Воробьев. Основой их работы служили геологические данные, полученные в этих местах геологами П. Г. Тугановым (1949 г.), С. И. Федотовым (1955 г.) и Б. В. Лопатиным (1957 г.). Но предшественники Поздеева описали геологию лишь в общих чертах, а геологам Верхне-Уннэйваямской партии предстояло ее детализировать. И они это сделали. Геологическая карта этой территории вскоре запестрела различными цветами и условными значками, обозначающими и верхнемеловые, и палеогеновые, и неогеновые отложения, а также интрузии, жилы и проявления полезных ископаемых. Шлиховым опробованием в районе были выделены три ореола рассеяния золота, которое сопровождалось касситеритом, киноварью и шеелитом.

В 1967 году на соседнем, северном листе карты проводил геологическую съемку геолог той же экспедиции Семен Петрович Скуратовский (Ичигинская ГСП). Он подтвердил стратиграфическую схему, принятую Поздеевым, а в левобережье среднего течения реки Ичигинная вывел два рудопроявления золота, связанные с кварцевыми жилами - Аметистовое и Интересное. Находки и положили начало работ на рудное золото в этом районе.

В следующем, 1968 году на участок Аметистовый отправился поисковый отряд Пенжинской ГРЭ с задачей опосковать территорию и дать ей оценку на рудное золото. Руководил отрядом Б. А. Михайлов.

Поиски проводились в маршрутах и с помощью небольшого объема ручных горных работ - проходки копушей и коротких канав. В результате было выявлено более 70 кварцевых жил с золотосеребряной минерализацией с максимальным содержанием 45 граммов на тонну. Геологи отметили приуроченность кварцевых жил к полям развития пропилитизированных пород и вторичных кварцитов. К сожалению, отряд плохо провел опробование руд и горных пород, а потому на следующий год пришлось это сделать дополнительно. Зато результаты анализов превзошли все ожидания: были выявлены настоящие геохимические аномалии золотоносности, линейно вытянутые вдоль открытых отрядом жил и зон (108). Территория получила название Тклаваямское рудное поле.

Следующими геологами, проводившими исследования этого рудного поля, были В. Н. Полунин и А. Б. Исаков. В 1973 - 74 годах они проводили там геологическую съемку масштаба 1:50 000. Им удалось не только значительно детализировать геологию района, но и выявить некоторую закономерность размещения полезных ископаемых. Геологи пришли к заключению, что "в пределах Ичигин-Уннэйваямского вулканогенно-рудного центра рудопроявления золота располагаются ближе к центральным частям вулканотектонических структур второго порядка для района. Кроме того, рудопроявления размещены в полях развития гидротермальноизмененных пород пропилит-кварцитового ряда".

Полуниным и Исаковым площадь работ была разделена на несколько рудных и перспективных участков: в пределах Тклаваямского рудного поля - Аметистовый, Мазуринский, Рудный, за его пределами - Омега (Оммэго), Акрополь, Спрут, Гилян, Куюл.

На участке Аметистовом выделено 5 групп кварцевых жил - №№ 1, 2, 3, 4, 5. Жилы прослежены канавами и по делювиальным свалам на 500 - 700 метров. На Мазуринском участке - 4 жилы: №№

6, 7, 8, 9. Три жилы (№№ 10, 11, 12) выявлены на участке Рудном. Максимальное содержание золота достигало 250 г/т, серебра - 2420 г/т.

1 января 1975 года в Олюторской комплексной геологоразведочной экспедиции была создана Аметистовая поисково-разведочная партия, которую возглавил В. Л. Смирнов. Старшим геологом партии назначили Г. П. Шипицына, прошедшего разведочную школу на Сергеевском золоторудном месторождении, выявленном на севере Корякии немногим ранее. В задачи партии входили:

- Уточнение границ Тклаваямского рудного поля, изучение геолого-структурной позиции и масштаба распространения золотосеребряного оруденения с составлением геологической карты масштаба 1:10 000;
- Оценка перспектив выделенных рудных тел с поверхности и на глубину с подготовкой наиболее перспективных к предварительной разведке;
- Детальное изучение интрузивных, субинтрузивных и субвулканических горных образований с выяснением их металлогении;
- Изучение морфологии, структурных и текстурных особенностей рудных тел, характера распределения оруденения по простиранию;
- Проведение магниторазведки и электроразведки геофизиками ГФЭ КТГУ.

Партия была сразу создана как круглогодичная и должна была выезжать на зимние горные работы. В составе партии кроме упомянутых выше первых руководителей работали геолог А. Б. Исаков, техник-геолог Е. В. Баркова, горный мастер В. А. Кошелев, техник-геофизик И. В. Разживин. В зимние месяцы начали проходить канавы. Правда, из-за снежного покрова и плохого знания местности вначале были ошибки в привязке канав, но затем все стабилизировалось. В первую очередь началась проходка длинных магистральных канав на водоразделе ручьев Дождливый и Рудный. Эти канавы, соединившись, образовали одну горную выработку протяженностью 2,4 километра, вскрывшую все жильные группы Аметистового участка. В результате количество рудных интервалов увеличилось здесь до 18 (111).

В мае 1975 года началась организация колонкового бурения станком СБА-500. Специально для этого в партию был направлен опытный инженер-разведчик Виктор Борисович Уваров, который до этого работал старшим буровым мастером в Малетойвямской партии, в аппарате экспедиции, затем - старшим инженером по бурению на Сергеевке. Вместе с Уваровым в партию пришел работать техник-геолог В. Н. Васин, занявшийся изучением керна скважин. Правда, в сентябре Васин ушел, его сменил геолог Сергей Рычагов.

Места заложения скважин были предусмотрены проектом так, чтобы изучить на глубину 150 - 200 метров все выявленные жильные группы в одном-двух пересечениях. По ходу работ некоторые точки заложения скважин были переориентированы, что диктовалось целесообразностью изучить на глубину в первую очередь наиболее перспективные жильные группы (112).

Летом на участок прибыл геофизический отряд Геофизической экспедиции КТГУ. Руководил отрядом В. Волков. Геофизики провели наземную магнитную съемку масштаба 1:10 000 на площади в 37 квадратных километров и электропрофилирование методом срединного градиента по сети 50 x 10 метров на участке Мазуринском.

В это же время на Аметистовый участок прилетел доктор геолого-минералогических наук М. М. Василевский, который в Институте вулканологии взялся за разработку темы "Геология Таловской тектоно-магматической структуры и рудопроявления Аметистового, вещественный состав руд и закономерности их размещения в пространстве". Надо сказать, что над этой темой он работал и в следующем, 1976 году.

В апреле 1976 года сменился начальник партии. Им стал Александр Антонович Сальмин, пришедший из Сергеевской партии, где последнее время работал старшим горным мастером на подземных работах. Почти одновременно с ним в партию прибыли старшие техники-геологи Юрий Гаращенко и Людмила Афанасьева, а также техник-топограф Н. Беяева.

Юрий Гаращенко, проработавший в Аметистовой партии с марта 1976 по декабрь 1977 года, вспоминает: "Зимой там была не жизнь, а борьба за существование. Утром встаешь, топишь печь - и сразу одна мысль: где взять на день дрова. Заготовка дров занимала практически все время. Народу в партии было около 60 человек, дров надо было много, поэтому ежедневно брали большие сани, цепляли к трактору и ехали в тундру "копытить" стланик. Суровые были условия. Да и взаимоотношения были непростыми. Ничего мы там открыть не могли, потому что плохо

представляли, где находимся, плохо знали геологию территории, не было опыта. Открытию мог способствовать только случай. На единственной буровой работы шли неплохо, боролись за выход керна, применяли пневмоударники. Правда, с рудных зон керн почти не поднимали, потому что зоны были сильно посеченными, глинистыми. И все-таки умудрились пересечь рудную зону на глубине, получить неплохие содержания золота, кажется, до 50 г/т".

В декабре 1976 года старшим геологом Аметистовой партии была назначена Тамара Ильинична Василенко. А чуть позже, в декабре, начальника партии Александра Сальмина сменил Евгений Стефанович Татаржицкий. Ушел из партии геолог А. Б. Исаков, пришел Владимир Лахтин. В июле пришла работать старший техник-геолог З. С. Соколова. Частая смена ответственных исполнителей работ, особенно геологов и старших геологов, приводила к тому, что новые люди заново изучали участок и его геологию. Опыт не копился, не передавался. Это сказывалось на результатах поисков. Например, Рудный участок практически не изучался, как и фланги участка Аметистового. Почти не изученным остался и участок Мазуринский. А в 1978 году, когда наступила пора писать отчет о проделанных четырехлетних работах, оказалось, что первичная документация находится в неудовлетворительном состоянии, а их авторы уже давно уволились или перешли на работу в другие партии. Авторами отчета стали геологи, проработавшие на участке менее половины проектного срока, - Т. И. Василенко, Л. Б. Афанасьева, Р. В. Пак, Р. М. Фахреева, В. В. Горелов. Раздел "Массовые поиски" был написан техником-геофизиком В. П. Быковских.

И все-таки работы позволили установить огромное количество рудоносных жил. На Аметистовом участке их насчитывалось около 200. Их объединили в четыре группы - 1, 2, 3 и Центральную. Много жил было установлено на участках Рудном и Мазуринском. Наиболее продуктивным участком выглядел Аметистовый, где жилы концентрировались на левобережье ручья Дождливого и водоразделе ручьев Дождливый и Рудный. Вертикальная глубина оруденения, установленная бурением, составила 220 метров. На заседании научно-технического совета КТГУ, состоявшемся 29 декабря 1978 года, было отмечено, что "район работ является перспективным для дальнейших, более детальных геологоразведочных работ. Необходимо подготавливать наиболее изученную часть месторождения для предварительной разведки, не ослабляя поисковых работ на флангах рудопроявления".

В 1977 году в экспедиции были подготовлены два проекта работ, которые должны были детализировать поиски золота на флангах Аметистового участка и на участках Интересном, Мазуринском, Рудном, а также опосковать участки Акрополь, Омега и Спрут. Флангами Аметистового участка занялась Аметистовая партия, для исследования остальной площади была организована Рудная партия. Правда, обе эти партии имели общую базу и общее руководство. База сложилась еще с прежних лет, когда партия только начала здесь работать. Состояла она из двух десятков балков и рубленых домиков, склада, пекарни, бани. Все эти постройки стояли на заболоченной террасе левого берега реки Ичигинная. Болото подпирало поселок со всех сторон, ему некуда было расти, а потому остро стоял вопрос о переносе базы на другой берег реки. Но сделать это было непросто, ведь Ичигинная - не ручей, а река, ширина которой достигала 30 метров.

Основными видами работ партий являлись геологические маршруты, проходка канав и магистральных траншей, а также колонковое бурение. Канавы проходились с взрывчаткой, а траншеи - бульдозерами. На флангах Аметистового участка вскрывались все новые и новые рудные жилы. К 1978 году наиболее перспективной вырисовывалась жила № 37 из 3-й, западной группы жил. Эта жила изучалась детально, и вскоре встал вопрос о поисково-оценочной стадии работ на ней с проходкой штольни.

Увы, для зарезки штольни партия не имела соответствующего проекта, хотя специалисты по проходке подземных выработок уже были. К тому времени закончились геологоразведочные работы на Сергеевском золоторудном месторождении, и Северо-Камчатская экспедиция, работавшая там и базировавшаяся в Первореченске, закрывалась. А потому многих ее специалистов переводили на работу в Корф, в Олюторскую экспедицию. Одним из первых перешел на новое место бывший начальник Сергеевской партии Локман Хусейнович Эркенов. У него был опыт организации проходки подземных горных выработок и колонкового бурения, до Сергеевки он работал в Якутии и на Колыме, а потому его поставили начальником производственно-технического отдела экспедиции и поручили заняться штольней на Аметистовом.

Татьяна Ивановна Ворогушина, работавшая тогда маркшейдером на подземных выработках Сергеевки, вспоминает: "Я впервые попала на Аметистовый участок в августе 1978 года, когда еще числилась в Сергеевской партии. Эркенов, уже переехавший на работу в Корф, попросил

прилететь, чтобы вынести в натуру будущую штольню на Аметистовом. Я полетела. Топографическую съемку там уже сделал топоотряд партии под руководством Сосновского. Меня встретил начальник партии Евгений Стефанович Татаржицкий, поселил в балке. Вскоре мы с местным топографом Надей Жереховой начали выносить точку будущей штольни...".

А по другому проекту - Рудной партии, основные работы проводились на участке Интересном, который располагался на левобережье реки Ичигинная. Здесь были выявлены три группы жил и несколько отдельных жильных образований. Но золота в них практически не было. "Участок Интересный оказался не столь интересным, - говорит геолог Вениамин Петрович Зайцев, который лето 1978 года отработал начальником отряда на этом участке. - Ничего существенного выявить не удалось. Там отмечается повышенное содержание серебра, а золото очень слабенькое. Правда, есть небольшие россыпи".

В феврале 1979 года Вениамина Зайцева назначили начальником Аметистовой партии. Именно ему, а также инженеру по горным работам ПТО экспедиции Александру Александровичу Богатыреву и выпала честь зарезать первую штольню на этом месторождении. Горным мастером был Александр Сальмин. Разрешение на зарезку штольни дал под свою ответственность начальник Олюторской экспедиции (которая в это время уже именовалась Северо-Камчатской, так как включила в свой состав оставшиеся партии бывшей Северо-Камчатской ГРЭ) Юрий Павлович Рожков. Об этом говорит в своих устных воспоминаниях Л. Х. Эркенов:

"Зимой 1979 года Юрий Павлович послал меня в Сергеевку. Я привез оттуда тракторной колонной все необходимое оборудование для проходки штольни. Весной провели врезку. В плане она у нас не стояла. Это была личная воля Рожкова".

К этому времени защитили отчет по своему месторождению геологи бывшей Сергеевской партии. Это была сильная, спаянная команда специалистов - Сергей Зайцев, Виктор Хворостов, Рашид Газизов, Людмила Безрукова. Все они были молоды, но уже с опытом геологоразведочных работ на Сергеевке, а также с большим желанием продолжать работать именно на золоте. Им, как ранее Вениамину Зайцеву, предложили перейти на Аметистовый участок.

"Мне заранее удалось изучить геологические материалы по Аметистовому, - рассказывает Виктор Петрович Хворостов. - У меня появилась интуитивная уверенность в том, что это перспективный объект. Сергея Зайцева взяли на работу в Мильково, в Центрально-Камчатскую экспедицию, и я ему говорил: "Зря ты уезжаешь. Вот объект - Аметистовая. И мы его сделаем". Хотя, если честно, работы там шли ни шатко ни валко. Сколько лет уже были известны рудопроявления, а дело дальше поисков не шло. Там не было системы. Не было команды. Поэтому мы решили, что, несмотря на холодное отношение, с которым нас в Корфе принимали, мы перейдем туда и будем работать".

"С Сергеевской партии на Аметистовый брали тогда не только геологов, но и основной костяк проходчиков и буровиков, - вспоминает в свою очередь Рашид Баянович Газизов. - Нужно было переезжать жить из Первореченска в Корф, а я этот поселок сильно не любил. Когда еще был молодым специалистом, то довелось лететь из Первореченска в Петропавловск через Корф, и мне он такую тоску навеял... Иду я по центральной улице, выходит дама с помойным ведром и прямо у подъезда его выплескивает. У меня эта картина осталась в памяти на всю жизнь. Я тогда еще подумал: уж в этом поселке я ни за что жить не соглашусь. Но судьба - с 1979 по 1993 год прожил именно в Корфе. До сих пор не понимаю, зачем выбрали эту пустынную, дикую, песчаную косу для строительства поселка с населением в несколько тысяч человек? Ведь ни одного деревца, нет воды, туалеты и колодцы рядом, переливаются, ветры... А на берегу, через гавань, - поселок Тилички, где совсем другой климат, есть вода, земля, наконец. И вот, пришлось в этом самом Корфе жить.

После написания отчета по Сергеевскому месторождению, я уехал в полугодовой отпуск, за четыре года. Вернулся на Камчатку в августе 1979 года. 20 августа вылетел на вертолете в Аметистовую партию. Прилетаем, садимся на бревенчатую площадку прямо в болоте. Неподдалеку несколько перекошенных, ободранных балков. Я в костюме, с чемоданом, в ботинках. Первое желание: заскочить в вертолет и улететь обратно. Но здесь работал мой друг, однокурсник Виталий Федотов. Смотрю: бежит он к вертолету с сапогами. Я переобулся, и пошли мы с ним в его балок, где и мне предстояло поселиться. Балок назывался офицерским, в нем жили молодые ребята-геологи. Грязи в нем - несколько слоев, сроду не мыли. Но что делать... К тому же было очевидным, что Аметистовый - очень перспективный объект. И масштаб достаточно крупный, и гидротермальная проработка пород, и большое количество кварцевых жил, - все это говорило о

настоящем объекте. Поэтому нужно было смириться и привыкать к новой, неустроенной жизни. Она действительно была там неустроенной. Работы велись распыленно, по нескольким проектам, менялись начальники и геологи, средства были разобщены по отдельным участкам, сроки затянуты. Много было вопросов..."

"После Сергеевской партии выбирать было не из чего, одна лишь партия работала на рудное золото - Аметистовая, - дополняет рассказ Людмила Александровна Безрукова. - Я не знала, хороший это объект или нет. В первое время, когда туда попала, мне не очень нравилось. Но не сам объект, а место. Это низкосопочник, болота, комары. Не очень хорошее место. А позже, когда перешли на разведку, появился профессиональный интерес".

"После защиты отчета по Сергеевскому я уехал в длительный отпуск. Вернулся в августе 1979 года, - о том же периоде рассказывает Виктор Хворостов. - Рашид Газизов и Люда Безрукова были уже на Аметистовом. А меня назначили туда старшим геологом вместо Тамары Ильиничны Деревянко. Я прилетел на Аметистовый в начале сентября. День был солнечный, теплый. Первое впечатление от увиденного было достаточно гнетущим. Поселочек - землянки, балки, посредине поселка, возле камералки, трактор тонул в грязи. И в географическом плане Аметистовый после Сергеевки сильно проигрывал. Там - яркая природа, лиственницы, строевой лес, много соболя, лося, в реках - рыбы. А здесь продувное место, мелкосопочник, болота вокруг.

Естественно, мне, как геологу, хотелось увидеть месторождение собственными глазами. Я изучил отчеты по нему, знал графику, живо представлял себе все месторождение. Но для меня важно увидеть объект в объеме, тогда я уже представляю его себе окончательно. Поэтому и решил пройтись по территории месторождения, сделать для себя ознакомительный маршрут. Поспрашивал, где здесь геолог Володя Лахтин, мне ответили, что он где-то на участке. Несколько дней не мог я его увидеть. Тогда решил пойти в маршрут один. Взял молоток, карту и ушел. Дни были сухие, ясные, красота кругом неопишная. Ночевал на участке Мазуринском, а затем пошел в сторону Таловского озера. Шел по канавам. Кое-где лежали мешки с пробами, которые не были как следует оформлены. И вообще, у меня создалось впечатление, что работы ведутся совершенно не там, где нужно, поиски идут мимо.

После этого мы собрались все вместе - я, Рашид Газизов, Людмила Безрукова - разговорились о делах и планах. Нас удивляло, что партия работает на флангах, на второстепенных участках, а на самом Аметистовом работ, кроме еле живой проходки штольни, не ведется. Почему? На флангах кварц низкопродуктивный, даже визуально отличается от кварца из центральной части, где насыщенная тектоника, породы гидротермально проработаны, но работы в центре почти нет. Удивительно! Конечно, хромала дисциплина, геологи выполняли указания производственников, требующих план. Это сильно мешало".

"Мы понимали, что дальнейшая работа будет зависеть от того, какую политику начнем вести мы, геологи, - говорит Рашид Газизов. - А потому сразу взяли строгую политику, стали приучать производственников выполнять геологические программы, взяли это на свой контроль".

"Согласно имеющимся проектам, мы не могли приступить к изучению перспективного 37-го рудного тела, поэтому нужен был новый проект, а в нем - обоснование задним числом проходки имеющейся штольни и других, которые еще предстояло проходить, - продолжает Виктор Хворостов. - И мы взялись за составление такого проекта. Это были поисково-оценочные работы на южном фланге 3-й группы жил Аметистового месторождения. Срок проведения работ - с 1979 по 1981 годы".

ЯГОДКА, ЧЕМПИОН И ПРОЧИЕ...

Бывшие сергеевские геологи, прибывшие работать на Аметистовый участок, привыкли к дружному, творческому труду. Они не могли жить порознь, занимаясь каждый своим отдельным делом, своим отдельным участком, порученным именно ему. Им необходим был штаб, в котором бы кипела, варилась общая идея, заражавшая каждого, двигавшая всех без исключения сотрудников партии на интересную совместную работу. Такого штаба не было. Тогда они решили построить его.

"Надо было где-то собираться, чтобы обсуждать планы - рабочие и бытовые, - рассказывает Рашид Баянович Газизов. - И мы взялись устанавливать двадцатиместную палатку. Поставили ее на террасе реки Ичигинная. Освещалась палатка от генератора Ч-1, отапливалась печкой. И вот, перед самым Новым, 1980 годом, впервые партия собралась вместе. Как раз прилетел начальник экспедиции Юрий Павлович Рожков, и вечером, после рабочего дня мы собрались.

На улице стоял сильнейший мороз, а в палатке тепло, относительно уютно. Люди расселись, пригрелись, кое-кого от тепла сразу сморило. Уж на что Юрий Павлович умеет говорить, зажигать, но и он, напротив, лишь усыпил уставших рабочих. Говорил он о планах, перспективах. А когда закончил, вокруг - тишина. Юрий Павлович озирается, не поймет, в чем дело. И вдруг голос Лехи Анохина, канавщика: "Юрий Палыч, пашено будет, значит, и план дадим!". Народ сразу проснулся, загудел. Питание было самой большой темой. Как раз в стране начался период, когда стали урезать нормы питания. Раньше геологам вволю давали тушенки, сгущенки, а тут урезали настолько, что лишь проходчикам канав давали на месяц по 8 банок тушенки, остальным - почти ничего. Приходилось самим выезжать в Манилы за продуктами. Вот с этого и начался наш диалог с начальством, штаб заработал.

Конечно, большую роль в становлении объекта, да и поселка партии играли геологи. Мы являлись стержнем всей жизни там, движущей силой, вокруг нас формировался остальной коллектив. А всех нас вместе формировали обнадеживающие геологические результаты".

Да, результаты были обнадеживающими. К концу 1979 года окончательно "заиграла" жила № 37, которую называли Чемпион.

Виктор Хворостов рассказывает: "В ноябре 1979 года я вылетел в Петропавловск, в управление, просить дополнительных денег на объект, который мы уже уверенно называли месторождением. Я специально для этого разговора с начальником управления Ремизовым подсчитал запасы по жиле Чемпион, у меня получилось 22 тонны золота. Правда, чтобы не делать эти данные совершенно секретными, я написал только 16 тонн. Показал Ремизову. Он согласился с тем, что нам необходимо финансирование увеличить.

После этого мы с Локманом Эркеновым специально летали на Агинское месторождение, чтобы познакомиться, как там ведут разведку, перенять опыт. Мне все это было очень интересно. У них я увидел буровую с П-образной мачтой, которая позволяла бурить скважины с наклоном от 70 до 45 градусов. Мы же менее 75 бурить не могли. Привезли чертежи, и Локман Эркенов в Корфе с рабочими и специалистами мехцеха сделал такую буровую. Привезли ее в Аметистовую, начали бурить в штольне. Отбурили скважины №№ 200, 201, 202, 203. Отбурили 209-ю скважину, она нам мощную жилу вскрыла, которая не увязывалась с Чемпионом, поэтому мы задали 210-ю, но она прошла мимо. Перетасили на новую точку, и тут буровая наша сгорела... Просто, горе...".

Жильная зона Чемпион представляла собой мощную стволую жилу, локализованную в основном тектоническом нарушении участка с тем же названием. Жилу дополняла система субпараллельных и оперяющих жил и прожилков общей мощностью до 18 метров. Азимут падения жильной зоны варьировал в пределах 110-140 градусов. Рудными телами были наиболее обогащенные золото-серебряной минерализацией части этой жильной зоны, имеющие четкие геологические границы лежачего бока.

Штольня № 1, которая проходила вдоль рудовмещающего разлома Чемпион по горизонту 220 метров, имела сечение 6,4 квадратных метра. Ввиду того что рудные тела имели очень сложную, изменчивую морфологию, из основной штольни через каждые 40 метров проходились рассечки средней длиной 13,8 метра, которые помогали отслеживать и опробовать жильную зону, когда она уходила в сторону от штольни.

Кроме того, прямо из штольни бурились горизонтальные скважины, которыми геологи подсекали изучаемые и новые жилы и зоны. На поверхности также шло бурение станком ЗИФ-650, смонтированным вместе с металлической мачтой на тракторных санях. По многолетней мерзлоте бурили с пневмоударником, далее переходили на обычное бурение с промывкой водой. Но больше всего в партии проходило канав. Именно ими подсекались все новые и новые жилы.

Названия жилам и зонам давались оригинальные: Мария, Гюзель, Ягодка, Фантазия, Минская, Московская, Петровская, Изюминка.

"У нас в партии много было Петровичей, - рассказывает Виктор Петрович Хворостов, - а потому одну из жил мы назвали именем наших отцов - Петровской. Жилу Мария назвали в честь родившейся у Люды Безруковой дочери Маши. Гюзель - красивая - назвал Рашид Газизов. Жила Ягодка - это мое название. Очень красивое, ягодное место было, где я нашел впервые ее развалы. Минская - в честь того, что минское "Динамо" стало чемпионом. Изюминкой Коля Кизюлин жилу назвал. И так далее...".

Надо сказать, что в 1980 году геологи Аметистовой во главе с Виктором Хворостовым уже вполне изучили месторождение и закономерности залеганий и морфологии жил и рудных тел. Это позволило им составить математический макет месторождения, при помощи которого они сначала теоретически находили новые тела, а затем подтверждали умозрительные, просчитанные находки на месте.

"Мы видели все месторождение в объеме, - говорит по этому поводу Виктор Хворостов. - Вот Чемпион, далее допрогнозировали Ичигинскую, которая на берег реки Ичигинная выходит. Потом она оказалась разбитой кулисами. Там были разные тела, но мы соединили их в одно и не ошиблись. Мы видели, что послерудная тектоника их сместила, но мы уже могли просчитать, куда сместила и насколько. Уже в 1980 году мы точно знали, где необходимо нарезать штольню № 3 по Ичигинской жиле на горизонте 110 метров, и штольню № 2 по жиле Фантазия. Кстати, эту жилу мы вывели, что называется, на кончике пера. И назвали ее так, потому что сначала нафантазировали, а затем точно в этом месте нашли. Я сам давал телеграмму геологу Володе Лахтину продлить канаву № 25 на юг, так как там должна быть трехметровая жила. Володя продлил, и точно - вскрыл трехметровую жилу. Модель сработала".

Но модель - моделью, да не все просчитывалось, как на школьной доске. Геологической, черновой работы было больше. Ею занимались геологи Рашид Газизов, Людмила Безрукова, Раиса Фахреева, Владимир Лахтин. Вот что писал об этой работе Владимир Лахтин:

Где ты, жила? Кроха - жила.
Дух ли ты? Ответ - могила.
Бьем канавы вдоль и рядом,
А она виляет задом.

Надо сказать, что Владимир Лахтин написал очень интересные стихи, ярко и необычно иллюстрирующие жизнь коллектива Аметистовой партии того периода. Я не могу удержаться, чтобы не привести здесь одно из них под названием "Аметистовино", предваренное следующим посвящением: "Зимующие геологи геологам перелетным посвящают".

- Ты помнишь, дядя, лета время?
В тепле, цветах, как сад Эдема,
Грибные спели здесь места...

- М-да... Планы строили большие,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помним - мама мия! -
О днях строительства моста.

Кишел геолог тут по сопкам.
И даже в отпуск - боком, боком -
Он незаметно уходил.
Хватало нас. Тем паче, старший
Был запевалой в летнем марше.
Как славно! Вот бы так и дальше...
Но с холодами тух и пыл.

Увы, на зимние квартиры
Убрались геокомандиры,
А вслед кто мельче - прыг да скок...
Прикинул я: да, будет туго,
Опять она - верна ж, подруга -
Как бы во мне взрыдала вьюга,
Мертвя в помойках жизни сок.

Да, были люди в пору ягод.
Тогда не знал геолог тягот.
Э-эх, кто зимовщика поймет?
Плохая нам досталась доля:
Немногие остались в поле...
Не будь рубля и долга воля,
Мы наплевали б на отчет.

Канавщик - он вскормлен на воле.
И вот нашли большое поле,
Чтоб разгуляться мог он тут.
На воле мерзнет Соловейчик -
Раба "тельца" и жрица печек.
О-о, во Вселенной человек,
Вруби! Коварен этот "Спрут".

Другим - не жизнь полусиделки
Ввиду технической безделки:
Полуработа, полусон...
И вот, о батюшки, свершилось,
Мехрота белкой закрутилась.
Бежали. Ватники не в милость -
Когда рысишь - поверх кальсон.

Мы с кашлем цугом пёрли лямку:
Шевченко - влево жилу-хамку,
Я - вправо, в каске набекрень.
Потом остался друг морозко
И зависть на дрова у Ёськи...
И вот сошедшего с авоськой
На снег Рашида пала тень.

И молвил он, уткнувшись яро
В фундамент корфских циркуляров:
- Ребята, в бой! Горит этап!
Так двинем фронт! Он здесь обширен!
Да будет штагой окостылен,
Продуктом мозговых извилин,
С осадой флангов и на храп!

Во все концы он заструился,
Как дымом пахнувшая гильза,
Вбивая тут же вновь патрон:
На буровую, на канавы,
На штольню... Выбран без канклава
Миссией духа. Bravo, bravo!
Сползал начищенный погон.

Нинон была с рожденья хватом:
Слуга ветрам и мать кудлатым.
И вот - она на буровой.
От мерзлой тверди руки зябнут,
И Бог, и черт не раз помянут.
Спешит. Пурга кидает в аут.
"До штольни! До передовой!"

Вам не желал б такой юдоли:
Взбесилось мартовское поле,
И загнул ползучий снег.
На дровнях мы путем корявым,
Прикрыты парусом дырявым
(А холод тело жмет удавом)
Катили к штольне час, как век.

А в овдовевшей камералке
Емели нет - и дров ни палки
Нельзя урвать в игре дилемм.
Ведь вот опять же заковыка,
Хоть шапку мни, как забулдыга,

Черт же один - зараз два фига.
То - начдвора и глух и нем.

В балке ж - развертки карт бодало.
То - брызжет жеваное сало
От любопытного жильца.
Скучали гости как попало,
Гремифасоль Ля Си визжало,
Глаза слипалися устало,
Работе не было конца.

Да, шлялось лето в хмеле ягод.
Тогда не знал геолог тягот.
Э-эх, кто зимовщика поймет?
Плохая нам досталась доля:
Немногие остались в поле,
Не будь рубля и долга воля,
Мы наплевали б на отчет.

Конечно, стихотворение написано с юмором, в виде зарисовки с натуры, но зримо отражает будни и работу ametистовцев в зимнее время. Кто смог - вылетел в Корф, а то и подальше, а те, кто остался на участке, вынуждены работать за всех, "гнать этап", ловить в канавах и скважинах жилы и руды. И при этом не тужить, относиться к жизни с юмором.

Что касается строительства моста, о котором сказано в самом начале стихотворения, то оно было отдельной, многолетней эпопеей Аметистовой партии. Дважды строился мост через реку Ичигинная, и оба раза по весне его сносило. Наконец, за дело взялся Локман Хусейнович Эркенов. Будучи в Петропавловске, он попросил главного инженера объединения "Камчатгеология" Валерия Петровича Маргулиса найти ему литературу по мостостроению. Вскоре тот нашел хорошую книжицу с чертежами и расчетами и послал ее в Корф. Эркенов выбрал подходящий вариант, сделал расчет. После этого сам руководил строительством. Мост получился на славу, Эркенов переходил по нему реку и через двенадцать лет после строительства.

Подводя итог главе, надо сказать, что геологическая служба на Аметистовом месторождении была отлажена благодаря энтузиазму и любви к своему делу геологов партии. После этого началось движение к улучшению организации труда и технологий на бурении скважин и проходке подземных горных выработок.

ЛЮДИ РЕШАЮТ ВСЕ

Олег Тараско в 1978 году окончил Томский политехнический институт и получил направление на работу в Дальневосточное геологическое управление. Там его определили в знаменитую Многовершинную партию, которая занималась разведкой одноименного месторождения. Горные инженеры тех лет помнят, что почти все передовое в технологии геологоразведочных работ опробовалось и доводилось до кондиции именно там - на Многовершинке, в Комсомольской экспедиции. По стране расходились брошюры с подробным описанием передового опыта бригад экспедиции и партии по проходке подземных выработок и бурению скважин. В этом оазисе высоких отечественных технологий Олег работал два года, а потом призвался в армию и попал на Камчатку.

Служил Олег на флоте, перед демобилизацией получил звание старшего лейтенанта. Камчатка ему понравилась, и он решил на ней остаться. Обратился в Камчатское геологическое управление с просьбой принять на работу. Ему предложили северную экспедицию - СКГРЭ, где шла разведка Аметистового месторождения.

Это была осень 1982 года. На Аметистовом шли подземные работы, и бурила одна вышка со станком СБА-500. Начальником партии был Солтон Хусейнович Эркенов, главным инженером - Валерий Дмитриевич Виноградов. Организацией бурения занимался именно он, но основное время отнимали у него штольни.

Надо сказать, что на севере очень долго не приживалось серьезное бурение. Геологи отдавали предпочтение горным работам. Наверное поэтому о совершенствовании технологии буровых работ не помышляли. Бурили себе буровики - и ладно, лишь бы керны хватало для описания горных пород и их опробования.

Именно с таким отношением к бурению столкнулся Олег Тараско, прибыв в Аметистовую партию буровым мастером. "После Многовершинки я увидел здесь каменный век в бурении, - признается он. - Прилетел я в ноябре, когда тундра уже была покрыта застругами плотного снега, стояли морозы. Дни были короткими. Главный инженер партии Виноградов повез меня на буровую. Вижу: стоит сарай на металлических полозьях, обшитый в одну доску и обитый внутри жестью. Над сараем - самодельная П-образная мачта, внутри - станок СБА-500. У сарая напрочь разбиты передние ворота, внутри свободно гуляет ветер. Буровиков нет, но станок работает, бурение идет на малых оборотах. Бурили пневмоударником, поэтому все внутри покрыто несколькими слоями перемешанной со снегом пыли. Буровиков обнаружили в малюсеньком отгороженном закутке с железной печкой. У них ведро соляры, они то и дело подкидывают ее банкой в печь, там ревет пламя и дает какое-то тепло. Все вокруг грязное, черное, прокопченное.

Бурильщиком был Виктор Гужеля. Он приехал с Украины на заработки, и вот попал в эти условия. Показал нам компрессор ДК-9, электростанцию ДЭС-60. Компрессор стоял прямо на улице - открытый, полуразбитый, весь в масле. Электростанция находилась в маленьком сарайчике на санях, тоже обитом рваной жестью.

Впечатление было гнетущее. Я сталкивался только со стандартными буровыми, где все состояло из блоков, везде было чисто, тепло, можно было работать без ватника. Вся страна уже бурила КССК, с растворами, а здесь до сих пор - пневмоударники. Самое страшное от такого бурения - всепроникающая пыль. Особенно, если буришь по кварцевым рудным зонам, когда пыль - то же стекло. И все это - в легкие.

Позже я понял, что такая организация работ была в психологии северян. Они не могли себе представить, что можно на холоде, посреди тундры бурить с промывочными жидкостями, и тем более с растворами. Ведь все перемерзнет... Как отапливать, чем отапливать? Были попытки бурить глубокие скважины, но они, как правило, заканчивались авариями. Там вечная мерзлота до глубины примерно 100 метров, а дальше были обычные горные породы. По мерзлоте бурили пневмоударниками большого диаметра, скважину не обсаживали, а когда входили в немерзлые породы и начинали применять промывку, то верхние части ствола скважины начинали постепенно оттаивать и обрушиваться. Одним словом, технологии не были разработаны, все было пущено на инициативу и умение самих буровиков, а им нужны были только метры. Я понял, что попал в края с непочатым фронтом работ по разработке и внедрению эффективных технологий. И сразу жизнь показалась прекрасной, все бытовые неурядицы стали пустяжными. Ведь всегда приятно быть пионером какого-то дела, причем дела интересного".

Конечно, взяться за реорганизацию бурения Олегу Тараско не удалось. Во-первых, и уровень низковат - всего лишь мастер, а во-вторых, затягивала текучка. К тому же вечно не хватало то труб, то коронок, то ломался станок, то нужно было ликвидировать аварии. Но идея реорганизации его не покидала, тем более что эта же идея всегда мучила и главного инженера Валерия Виноградова. Когда-то он вместе с Виктором Уваровым и Виктором Романовым внедрял пневмоударное бурение в Сергеевской партии. Тогда оно было технологически передовым, но с тех пор технологии изменились, а на севере продолжали работать, как прежде. Это и мучило, но руки не доходили, текучка держала за горло. Хотя, если честно, не нашлось такого человека, который бы все остановил, переделал, а потом наверстал более эффективной работой.

Таким человеком стал Юрий Викторович Неверов, но это случилось только в 1984 году. Тогда уже заканчивалась разведка на Агинском месторождении, а потому Аметистовое месторождение становилось одним из главных объектов объединения "Камчатгеология". Новый генеральный директор объединения Виктор Иванович Лаштабег почти на всех руководящих постах сменил людей. Убирал местных начальников и ставил своих, приглашенных из Магаданской области, откуда прибыл сам. Северо-Камчатскую экспедицию Лаштабег доверил энергичному, предприимчивому Владимиру Ивановичу Кисилю. На должность главного инженера экспедиции вызвал с Колымы Юрия Неверова.

Юрий Викторович Неверов по его личному признанию, всю свою жизнь мечтал работать на Камчатке. Но не получилось - затянули Колыма, Чукотка. А тут - такое предложение от Лаштабега. Не раздумывая, он согласился. А когда прилетел в Петропавловск и встретился с Лаштабегом, тот сказал: "Главным инженером экспедиции ты еще поработаешь, а сейчас надо Аметистовую партию поднимать. Давай туда начальником".

Так же, как два года назад Олег Тараско поражался каменному веку в технологии работ и в техническом оснащении Аметистовой партии, поражался тому же самому и Неверов - почти ничего за это время здесь не изменилось. "Бурили пневмоударниками, - почти с восхищением таким стойким консерватизмом говорит Юрий Викторович. - Там же все разбивает, на золоте так нельзя работать. Я еще в Северо-Эвенской партии применял на бурении гироскопические инклинометры, позволяющие точно подсекать рудные тела, отклонение в 5 метров считалось браком. А здесь браком ничего не считалось, потому что был настоящий каменный век. Я Северо-Эвенское начинал почти одновременно с Аметистовым, но там уже давно закончили и забыли, а здесь все еще раскачивались...".

Неверов-то и взялся всерьез за технологию и оснащение. Начал с дизель-электростанции. В партии уже год как был сделан фундамент под новую дизельную, привезены два огромных дизеля ДГА-300, стоявшие в заколоченных ящиках. Нужно было строить здание дизельной и монтировать агрегаты. Но не было проекта и знающих людей. Пришлось самому взяться за расчеты и чертежи.

В это время начальник экспедиции В. И. Кисиль нашел хорошую строительную бригаду из армян, привез их на Аметистовую. И началась стройка. Монтировали дизеля под руководством энергетика Зинченко. "Характер у него был неуживчивый, - рассказывает Юрий Викторович, и я забрал его с Аги. Он на раскладушке спал в дизельной, не выходил из нее, пока все не сделал".

С 7 июля по 7 августа 1984 года прошло испытание новой дизельной электростанции, после чего ее начали эксплуатировать.

Следующее, что сделал Неверов, - построил новую компрессорную станцию для подземных работ. После этого всерьез занялся бурением. "Хворостов и его геологи все время меня доставали этим вопросом, жаловались, что плохой линейный и объемный выход керна, медленно идет геологическая информация. А ведь было, по-моему, уже 5 буровых бригад вместе с подземкой. Но бурили действительно плохо, в месяц давали от силы 300 метров. Это же бурёшка, а не бурение. Большую роль сыграл Виктор Борисович Уваров - заключил договор с Ленинградским институтом ВИТР. Я еще по Колыме многих ребят оттуда знал, поэтому сразу же мы стали с ними плодотворно работать. Две проблемы нужно было решить: производительность и качество. Первый раз они приехали - привезли с собой снаряд ССК-59 и ССК-76. И начали...".

"В 1984 году я начал монтаж новой буровой установки со станком ЗИФ-650 и мачтой МРУГУ-3, - рассказывает Олег Тараско. - Настоял на том, чтобы буровое здание было построено из бруса, а мачту полностью укрыли вентиляционным рукавом. Получилась очень хорошая, теплая буровая. Летом 1985 года мы начали ею бурить сразу комплексом ССК. Это была буровая бригада № 1. Начали применять и глинистые растворы. Правда, готовили их сами буровики на буровой. Бетономешалка стояла на санях, воду привозили на водовозке, порошковая глина хранилась в мешках. Надо буровикам изготовить раствор - они берутся и делают. К тому времени почти все освоили бурение алмазными коронками".

Весной 1985 года Юрий Неверов был назначен главным инженером Северо-Камчатской экспедиции. Поработать временно начальником Аметистовой партии попросили заместителя начальника экспедиции Локмана Хусейновича Эркенова. Главным инженером партии стал опытный, грамотный технолог Владимир Шунин.

Летом 1985 года Эркенов уехал в отпуск, вместо него начальником партии назначили Валерия Тимербулатовича Вильданова. В это же время на Камчатку вернулся живший несколько лет в Молдавии Виктор Павлович Романов - бывший начальник Сергеевской партии. Романова приняли на работу в СКГРЭ и назначили заместителем к Вильданову.

Романов не был бы Романовым, если бы не начал строить. Кроме этого, он взялся наводить порядок в поселке и положил начало центральному отоплению. Дело в том, что из системы охлаждения дизелей выходила горячая вода, которая охлаждалась и опять поступала в дизеля. Ее решили использовать для отопления поселка. Сначала провели трубы в школу и столовую, затем стали подключать балки.

"Бурение шло уже более или менее нормально, - вспоминает Виктор Павлович Романов, - но на каждой планерке шел раздрай с тракторами, подвозкой дизтоплива, воды на буровые. И решил я окончательно закончить реорганизацию управления процессом бурения. В дизельной три мощных ДГА, которые обеспечивали штольню и поселок, а буровые получали электроэнергию от своих дизельных электростанций. Это опять же солярка, простой из-за ее отсутствия. Тогда я и решил

подать на буровые электроэнергию от центральной дизельной в поселке. Мне возражают: "Людей нет, строевого леса для опор нет...". Многие рабочие Аметистовой были со мной еще в Сергеевке. Они мои подходы знают: я остановил проходку канав и дал канавщикам задание вязать из рудстойки столбы и копать под них ямы. Часть людей растаскивала столбы, энергетики развозили катушки с проводом. За 5 дней мы прокинули ЛЭП до всех буровых, установили трансформаторные подстанции. Все дизеля с буровых были убраны, пошла экономия, улучшилась работа".

10 сентября 1985 года Виктора Павловича Романова назначили начальником Аметистовой партии. К этому времени он еще более улучшил организацию буровых работ. Была сделана централизованная глинистая станция, где находился дежурный. Со всеми буровыми была установлена связь. По первому вызову бурильщиков на буровую выезжали технологи или другие специалисты, везли промывочные растворы, трубы, керновые ящики, шли на документацию геологи. Демонтаж и перевозку буровых вышек со скважины на скважину осуществляли быстро, при помощи специальных бригад. В 1986 году бурение скважин в партии было поднято на должную технологическую и управленческую высоту. Вскоре бригады Аметистовой стали греметь в ПГО "Камчатгеология", а затем и в отрасли по всей стране.

По итогам Всесоюзного соревнования 1988 года буровая бригада № 8 Аметистовой партии СКГРЭ была награждена почетным вымпелом ЦК ВЛКСМ "Наследники стахановских традиций" и денежной премией. Почетными грамотами ЦК ВЛКСМ были также награждены буровой мастер бригады С. А. Рублев и бурильщик И. В. Емельянов. Кроме того, бригаде было присвоено звание "Лучший комсомольско-молодежный коллектив Министерства геологии СССР", а мастеру Сергею Алексеичу Рублеву - "Лучший буровой мастер Министерства геологии СССР".

Эта бригада приехала на Аметистовую полным составом осенью 1986 года. Руководил ею бригадир Квитко. Позже в нее вливались молодые ребята Кузьменко, Валерий Григорьев, Емельянов, Семенов, заменяя первоначально прибывших. Буровым мастером в бригаде был Сергей Николаевич Костенко. Он и задал темп на хорошую работу. Через год Костенко стал технологом, а вместо него мастером назначили Сергея Алексеича Рублева. Пришел в бригаду и опытный бурильщик, который до этого был мастером, Сергей Кузьмин. Бригада еще более окрепла, освоила работу с ССК.

Рублев, в принципе, вырос в этой бригаде - начинал в ней помощником бурильщика после окончания Иркутского геологоразведочного техникума. В 1984 году он уезжал с Севера, но через год вернулся и опять работал в этом же коллективе. Человек он был настойчивый, волевой, упорный. Мог аргументированно поставить задачу, солидно поговорить с начальством. Он начал пользоваться в бригаде почти непререкаемым авторитетом еще тогда, когда был помбуром. И при этом это был еще молодой человек, холостяк, в 1988 году ему было 28 лет. По вечерам играл на гитаре, пел, был очень общительным. На работе горел, из буровой мог не выходить сутками. Старший инженер ПТО Северо-Камчатской экспедиции О. А. Гирич рассказывал: "Он не боится идти на конфликт с начальством, если знает, что прав. Гнет свою линию. Бригада его во всем поддерживает. Среди буровых мастеров ему равных нет. Его главное качество - упреждение, он видит на шаг вперед, на перспективу.

Преимущество бригады - в быстрой забурке. На ней они времени не теряют. Применяют растворы, эмульсии, хорошо знают геологические разрезы. И, самое главное, разбираются в тонкостях технологии бурения. Обсадку ставят строго в коренные породы. Аварийности у них мало. У них нет такого, чтобы где-то валялись трубы, не были уложены как надо. Средний возраст бригады 28 лет. У всех за плечами техникум, Семенов заочно учится в институте.

У Рублева всегда заранее продумана перевозка на новую точку. Глубины скважин 300 метров, они в месяц бурят 2, а то и 3 скважины".

Ну как тут не вспомнить после рассказа Олега Гирича рассказ Олега Тараско, приведенный выше. Та же самая партия, то же самое месторождение, в той же тундре, но бурение отличается, как небо и земля.

Была в Аметистовой партии и другая знаменитая буровая бригада - № 4 бурового мастера Леонида Годлевского. Когда-то это была отстающая бригада, в которой буровики менялись один за другим. В 1985 году в ней начал работать бурильщиком Александр Макаров. Одновременно заочно учился в техникуме. С его приходом к бригаде стали относиться серьезнее, увидев, что и она может работать. В 1986 году в бригаду направили бурильщиками молодых специалистов

после Киевского техникума Леонида Годлевского и Валерия Шадуро. С тех пор эти трое составили костяк коллектива, который начал работать очень стабильно - в месяц ребята бурили по 500 - 520 метров. Позже к ним присоединились "афганец" Александр Николаев, награжденный на войне орденом Красной Звезды, а также бурильщики Нигматулин и Вячеслав Шевченко. В бригаде стали применять комплекс ССК и пену ГЖС. Эффективность бурения резко выросла, бригада вышла в передовые, стала наступать на пятки бригаде Рублева.

Если сравнить показатели этих бригад по годам, то они будут следующими:

1985 год. Бригада № 4 - набурено 423 метра; бригады № 8 еще нет.

1986 год. Бригада № 4 - 2582 метра, бригада № 8 - 1 023 метра.

1987 год. Бригада № 4 - 3771 метр, бригада № 8 - 5168 метров.

1988 год. Бригада № 4 - 5883 метра, бригада № 8 - 7115 метров.

Юрий Викторович Неверов говорит: "Что решило? Сталин сказал: все решают кадры. Вот и в Аметистовой партии все решили кадры, буровики. При условии, конечно, что мы обеспечили их техникой, снабжали материалами и инструментом. Организация и работа - это уже в партии делалось. Молодые специалисты буквально толпились тогда в отделе кадров экспедиции, принимали на работу только техников и инженеров. Я имею в виду - на рабочие места. На некоторых буровых даже помбуры были с высшим образованием. Бурили ребята нормально, зарабатывали тоже нормально. Может быть, это было расточительством, что инженеры встали за рычаги станков, но к концу детальной разведки бурение на станок в месяц по 1 000 и даже более метров стало чуть ли не нормой. Но тут - кризис... Отрасль стала разваливаться. Где теперь эти люди? Это же золотой фонд страны. Не собрать, уже не собрать...".

ИТОГИ

В 1984 году началась предварительная разведка центральной части Аметистового месторождения (1-я очередь). При помощи штолен, бурения и проходки поверхностных горных выработок была сделана промышленная оценка рудных тел Ичигинское, Изюминка, Фантазия-1, Фантазия-2, а также флангов рудоносных структур 1 и 3 групп жил.

В 1986 году была начата предварительная оценка 2-й очереди месторождения: флангов и глубоких горизонтов наиболее крупных рудных структур

В 1987 году дополнительно были проведены поисково-оценочные работы на участках Мазуринском, Светлом, Рудном и Северном, которые являются флангом месторождения.

В 1991 - 1994 годах на месторождении проведена детальная разведка. Таким образом, Аметистовое золоторудное месторождение было изучено. На это ушло 17 лет (116).

Начинала работы на месторождении Пенжинская экспедиция, проводила - Северо-Камчатская, а заканчивало детальную разведку акционерное общество "Горнорудная компания Корякии", созданное в 1992 году в Палане. В июне 1993 году эта компания получила лицензию на разведку и добычу золота на Аметистовом месторождении. Срок начала добычи был определен концом 1997 года (117). Но экономические кризисы, обрушивавшиеся на Россию одни за другим, так и не позволили этого сделать. К моменту написания этой книги Аметистовое месторождение пустует, АО "Горнорудная компания Корякии" не смогло начать там добычные работы. Базовый поселок разбирается и вывозится окрестными предприятиями. Годы жизни, годы работы тысяч людей пока не оправдались.

Если говорить о самых тяжелых работах - проходке подземных выработок и бурении скважин, то их проведено столько, что можно было бы ими, если соединить в одну линию, достать с Аметистового до поселка Корф. Подземных выработок пройдено за все годы 13, 2 километра, из них горизонтальных - 12, 2, остальное - восстающие, скважин пробурено 167, 3 километра, из них из подземных выработок - 2,3 км. (118).

В ГОРАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ КАМЧАТКИ ПО СЛЕДАМ КВАРЦЕВЫХ ЖИЛ

Если зимой вылететь на вертолете из Петропавловска-Камчатского на юг, в сторону Мутновского вулкана, то очень скоро, уже за Паратункой, вертолет попадает в белое безмолвие заснеженных гор. Вокруг, насколько видит глаз, дыбятся горы, с островерхих вершин которых вечные ветры сдувают снежную пыль. Вулканы Вилюча, Горелый, Мутновский, Асача царственно и неприступно возвышаются над этим стылым безмолвием. Невольно думаешь, что здесь люди жить не должны,

потому что это совсем другая планета, еще не освоенная... И действительно, люди здесь не живут - до самой оконечности Камчатки уже не встретишь сел и поселков. Но, тем не менее, люди здесь работают. И даже зимой. А было время - в начале 1970-х, в 1980-е годы - эти места активно обживали геологи. Некоторым их открытиям, и в первую очередь Асачинского, Мутновского и Родникового золоторудных месторождений, посвящен этот очерк.

1.

Летом 1973 года Опалинская партия Камчатской геолого-съёмочной экспедиции проводила последний полевой сезон на геологической съёмке масштаба 1:200 000 листа 57-XXXII. Работа шла тяжело. И не только потому, что это был последний сезон, проходивший на остатках финансирования, при малой численности исполнителей, но и потому, что буквально в первые дни работы начальника партия Валерия Соломоновича Шеймовича сразил жуткий радикулит и его вывезли спецрейсом вертолета в Петропавловск. В больнице Шеймовича продержали три месяца, то есть почти весь сезон. Все это время обязанности начальника исполнял геолог Михаил Григорьевич Патока.

"Состав партии был очень молодой, - вспоминает то лето Михаил Патока. - Из более или менее опытных геологов были начальник поискового отряда Владимир Соловьев и геолог Галина Успенская. К тому же выяснилось, что Галина Ивановна беременна. Она долго это скрывала, под геологической робой не заметно, но я стал замечать, что ходит она как-то уж очень тяжело: маршруты делает все короче и короче, а приходит всеравно ночью. Так что, по сути, на съёмке я остался один. Очень мне помогали два студента - Харькевич и Володя Ушаков. Оба отлично понимали ситуацию и выкладывались полностью".

Уже в конце августа, достаточно измотанный работой, усталый, голодный, Михаил Патока возвращался из трехдневного маршрута и вышел в устье безымянного ручья, впадающего справа в реку Асачу. Теперь этот ручей называется Семейным, он - самый первый, верхний приток еще слабой, только набирающей здесь силы речки Асачи.

Вечерело, хотелось скорее попасть в лагерь, поужинать и лечь отдыхать. И вдруг внимание геолога привлек обломок желтоватого, охристого кварца, лежащий в русле Асачи напротив устья ручья Семейного.

"Я уже был достаточно опытным геологом и понимал, что обнаружение кварца такого типа - это на девяносто процентов рудопоявление, - рассказывает Михаил Григорьевич. - Я принес этот обломок в лагерь и сказал своим сотрудникам, чтобы держали ухо востро - где-то здесь находится коренной источник этого кварца.

На следующий день я сам пошел искать его. Что такое успех геолога? Половина его - от внимательности, когда геолог внимателен и не ленится залезть под борт, перейти на другую сторону ручья, поискать, посмотреть, что выносят роднички, что сыплется со склонов и так далее. Все это в комплексе дает представление общей картины геологической обстановки. Надо обратить внимание на то, как располагаются родники - хаотично, или трассируют какую-то линию. Надо подбирать под ногами все, что видишь. Находка - это не просто шел и нашел. Находка - это работа, переживание, стремление найти. Почему геологи - люди особого склада? Да потому, что каждый день природа ставит перед ними новую задачу. И в основном задачи эти приходится решать геологам в одиночку. Это под час бывает очень мучительно. Ты понимаешь, что если ошибешься, то твоя ошибка может отвлечь успех на десятилетия. Твоя неправильная интерпретация фактического материала может отбросить возможный успех, увести его в сторону. И только через много лет другие люди, повторяя твой маршрут, найдут здесь что-то интересное...

Именно поэтому я был внимателен и настойчив. И был за это вознагражден. В одном из распадков, плохо обнаженном, я обнаружил большую глыбу кварца. А в сухих родничках нашел мелкую кварцевую щебеночку. Тогда я понял, что здесь не так все просто, и золотоносные тела могут в этом месте быть. Тем более что еще в 1971 году, когда Валерий Соломонович Шеймович писал проект на Опалинскую площадь, он при дешифрировании аэрофотоснимков выделил район верховьев реки Асачи. Уж очень необычно он смотрелся, отличался от соседних площадей напряженной тектоникой, особым рельефом. А я в то же время, поднимая старые полевые дневники предыдущих исследователей территории, наткнулся на интересную, с моей точки зрения, запись О. Н. Толстихина - автора геолого-гидрогеологической съёмки в этих местах в начале 1950-х годов. Толстихин пересекал Камчатку из бухты Асача до устья реки Опалы и на крутой излучине Асачи нашел и описал в дневнике тончайшие, возможно кварцевые, нитяные

прожилки в андезитах. Я в одном из маршрутов прошел туда и действительно увидел эти прожилки. То есть район этот отличался своим металлогеническим беспокойством".

На другой день Михаил Патока со студентом Володей Ушаковым буквально лазили вдоль ручья Семейного, сдирая молотками дерн с обнажений. И стали находить подобные кварцевые прожилки мощностью в 3-4 сантиметра. Одновременно с ними техник-геолог Николай Степанов отмыл несколько шлихов из речных отложений и обнаружил золото.

"Стало ясно, - продолжает Михаил Григорьевич Патока, - что кварцевые прожилки, которые мы видим, или другие подобные тела несут здесь золото. Назавтра я вывел туда всю партию. Каждому задал по литохимическому профилю. Примерно через час после этого пришла Галина Успенская и сказала, что недалеко от того места, где я в первый день обнаружил глыбу кварца, она нашла признаки жилы: "Я пробы взяла, но, по-моему, там должна быть жила".

Я все оставил и пошел туда. И точно, в нише обнаружил в коренном залегании кварцевую жилу мощностью 1 метр. Взял из нее две бороздовые пробы и пошел дальше вверх. И на протяжении 70 - 80 метров здесь шли сплошные высыпки кварца".

В результате работ Опалинской партии в 1973 году были зафиксированы две зоны гидротермально измененных пород, отстоящие друг от друга на 3 километра. Первая зона - в левом борту реки Асачи, на ее крутой излучине, вторая - вдоль безымянного ручья, впадающего в ручей Семейный. На северном фланге этой зоны в естественном обнажении была отмечена кварцевая жила мощностью 1 метр. Из 350 литохимических проб, отобранных из обеих зон, в 40 пробах спектральный анализ показал золото.

2.

В 1974 году в Камчатской геолого-съёмочной экспедиции была организована Гореловская поисково-съёмочная партия для работы в юго-восточной части Камчатки. Руководил партией Евгений Александрович Лоншаков.

Отряды Гореловской партии одновременно вели поиски и съёмку на достаточно большой территории. Одним из наиболее интересных участков был Мутновский, где вполне можно было ожидать золото. В пробах многих предшественников, изучавших этот район, присутствовали золото и серебро.

"Чтобы предварительно ознакомиться с районом, мы втроем вылетели на Мутновку, - рассказывает геолог Виктор Павлович Зотов. - Были начальник партии Лоншаков, я и Миша Соколов. К месту будущего, тогда еще не найденного, Родникового месторождения пробиться не смогли из-за снега и водопадов. Вышли на Мутновский. Я пошел по ручью Рудному, Соколов выше, а еще выше - Лоншаков. В борту ручья я увидел жилу. Посмотрел, а там щеточки с чистым галенитом. Общую мощность жилы я определил в 12 метров. Фактически она была 6 метров, но я ошибочно сложил мощность и получил тогда двенадцать. Вечером мы сошлись, стали обсуждать увиденное. Я рассказал о своей находке. Миша говорит: "У меня тоже жила, но мощность намного меньше". У Лоншакова тоже жила. Когда все сопоставили, оказалось, что это одна и та же жила, которую мы пересекли в трех местах. Такая интересная находка в первый же день работы нас обрадовала. Стали думать, как жилу назвать. Я говорю: "Если эта жила будет стоящей, а я завтра пойду ее опробовать, то и вся наша работа будет стоящей. Давайте, назовем ее Определяющей...". Так и назвали.

На следующий день я пошел ее опробовать, осмотрел уже как следует. Вообще, в том году жилу Определяющую удалось проследить почти на километр".

3.

С 1975 года главным объектом для детальных работ Гореловской партии стала жила Определяющая, которую исследовал отряд В. П. Зотова. Другие же отряды продолжали изучение оставшейся площади проектной территории.

Интересные находки были в отряде геолога Мирона Григорьевича Балука на реке Вилюче. Отряд стоял в устье ручья Спокойного, рядом с Нижне-Вилючинскими термальными источниками, знаменитыми своими травертиновыми отложениями. Вообще, на реке Вилюче три группы источников. О Нижних я сказал. Верхние расположены выше по долине Спокойного, а Вторые Верхние - еще чуть выше, у подножья левого борта долины. Источники являются результатом разгрузки трещинно-жильных термальных вод, циркулирующих по зонам разломов. Температуры

источников убывают снизу вверх по долине от 90 до 45 градусов. Отличительная черта Верхних и Нижних источников - отложения травертина, образующего у первых террасу высотой до 1,5 метра и площадью 25 x 60 метров, а у вторых экзотическое кочкообразное сооружение со ступенчатой поверхностью, расширяющееся к основанию. Высота этого карбонатного бугра до 2-3 метров. Для Верхне-Виллючинских источников суммарный дебит, пересчитанный на максимальную температуру 60 градусов, составляет 5,88 л/сек, для Нижних - на максимальную температуру 90 градусов - 12,2 л/сек.

Мелкие жилы попадались Мирону Балуку практически в каждом маршруте и в каждой канаве. Казалось, что вот-вот будет найдено что-то серьезное, но дни полевого сезона проходили, а серьезного ничего не было. Но в целом район заслуживал пристального внимания.

В 1976 году было принято решение провести поиски на Асаче, в том районе, где три года назад обнаружил жилы Михаил Патока. Для поисков Евгений Александрович Лоншаков послал геолога Николая Николаевича Кочкина с молодым техником-геологом, только что отслужившим в армии Геннадием Михайловым и рабочим Николаем Вишняковым.

"Мы поставили там лагерь и почти сразу же пошли маршрутом искать эту точку, - рассказывает Николай Николаевич Кочкин. - Нашли. Стали следить жилу по простиранию. Распадок был сухой, мы его назвали Асачинским. Кругом попадались развалы полосчатого кварца. В 20 метрах от жилы, выше по склону, я задал первую канаву. Там мы эту жилу и вскрыли. Я долго рассматривал кварц. Чувствовалось, что он обогащен сульфидами, располагающимися в темных полосах. В одном месте что-то было, похожее на золото. Я замаркировал этот образец, чтобы изучить его в камеральный период.

Затем канавами стали проследивать жилу дальше. Она уперлась в маленький ручей, дала мощный развал. Мы его почистили: коренный выход шел вдоль этого ручейка. Всего я протянул жилу метров на 300 - 400, до перевала, где уже ничего под наносами не было видно.

В верховьях ручья Асачинского, по одному из его притоков (позже его назвали Большим) еще были найдены хорошие развалы кварца, но жилы мы там вскрыть не смогли, опробовали только найденные развалы. Позже здесь нашли жилу, которую назвали № 2.

В камералке я внимательно рассмотрел свой замаркированный образец под микроскопом: да, видимое золото присутствовало".

Пробирный анализ, сделанный по пробам из найденных Кочкиным жил, показал содержания золота от 1,1 до 255,3 г/т, серебра - от 2,9 до 310,5 г/т.

В том же году на этой территории провели электропрофилирование и магниторазведку (Ю. А. Корякин), которые показали три аномалии. Кочкин заверил их канавами и шурфами, вскрывшими дайку андезито-базальтов, зону повышенной трещиноватости с кварцевыми прожилками и продолжение жилы № 1.

Таким образом, к концу 1976 года в верховьях реки Асачи были выявлены три перспективных золоторудных участка: в левобережье Асачи, на ее крутом изгибе, второй - на ручье Асачинском, третий - на ручье Большом, который впадает в Асачинский.

4.

В 1977 году в Камчатской геолого-съемочной экспедиции была организована Виллючинская поисковая партия. Она должна была провести детальные поиски золоторудных тел на перспективном по данным работ партии Е. А. Лоншакова Верхне-Паратунском рудном поле в бассейнах рек Паратунка и Виллюча. Начальником одного из отрядов партии был Александр Алексеевич Орлов. С ним работали геолог Виктор Васильевич Валов, старший техник-геолог А. В. Шелакин, техники-геологи Г. И. Михайлов и Е. П. Николаева, техник-геофизик А. Б. Ежова, горный техник А. В. Алтухов. Их отряд выбросили в верховья реки Виллючи. В тот полевой сезон 1977 года отрядом была открыта Родниковая жильная зона, давшая начало Родниковому золоторудному месторождению.

Первооткрывателями месторождения считаются А. А. Орлов, В. В. Валов, Г. И. Михайлов и А. И. Занько. Автору о первооткрывательстве рассказывали независимо друг от друга Валов, Орлов и Михайлов (Занько к тому времени уже умер). Кроме того, оно кратко, в двух фразах описано в отчете В. В. Валова.

Необходимо отметить, что по итогам этих рассказов и прочтения отчета получилось три версии первооткрывательства. Наверное, это естественно, ведь человеческая память несовершенна, а от времени первооткрывательства до времени рассказов прошло более 21 года. Я не ставил своей целью проводить дотошное расследование этой истории, а потому буду пересказывать лишь то, что услышал и зафиксировал на пленке.

В отчете Виктор Васильевич Валов в 1981 году написал, что первые обломки кварца нашли в русле реки Вилючи рабочие Г. Кузнецов и Л. Лисянский, после чего геологи Орлов и Валов пошли по реке и обнаружили в борту две жилы, составившие впоследствии основные рудные тела месторождения.

В рассказах это звучит так.

В. В. Валов: "Это было в июле 1977 года. Решили мы на рыбалку сходить, а заодно пройти геологическим маршрутом по реке. Пошли вчетвером: начальник отряда Орлов, я, рабочие Занько Алексей Иванович и Кузнецов Геннадий Николаевич. Отчество последнего может быть другое, не помню".

А. А. Орлов: " Мы стояли наверху, где сейчас идет дорога на Мутновку. А к горячим источникам на реке Вилюче иногда ходили купаться. Шли по водоразделу между Вилючей и ручьем Спокойным, там тропинка была. Работы было много. Я занимался маршрутами, документацией канав, прочим. Другие тоже много работали. На тот край, где позже нашли жилы Родникового месторождения, не обращали внимания, потому что он и не входил в нашу площадь. Там находили глыбы кварца, но такого кварца везде было много, где канаву ни задашь - обязательно жилы разного направления, генезиса. А тут мы пошли на рыбалку. Это было в августе. Шли втроем - я, Валов и рабочий Занько Алексей Иванович. Чтобы не идти просто так, шли маршрутом, вел и записывал его я".

Г. И. Михайлов: "Это было в конце сезона, в августе-сентябре, когда пошла рыба. Чтобы запастись ею для кухни, мы решили пойти на рыбалку. Собрались втроем: я, Леша Занько и Володя Куковякин. Взяли двух коней и вьючные сумы для рыбы. Решили спуститься в Вилючу и ловить там. У нас была тропинка по ручью Спокойному, и мы пошли сначала по ней".

В. В. Валов: "Туман стоял сильный, а ни дорог, ни троп не было, и мы решили свалиться в долину Вилючи, посмотреть ее. Идем. Сбоку, в борту кварц торчит. Коренной выход. Мы поколотили, взяли штучные пробы - куски по 3-4 килограмма. Там были две сближенные жилы метрах в двух друг от друга мощностью более метра. Думали - обычные жилы, походили еще, посмотрели, порыбачили".

А. А. Орлов: "Мы пошли не традиционной тропинкой, а спустились в Вилючу и пошли вдоль борта. Вышли на огромные жилы, торчащие в борту. Начал я зачищать: метр, два, три, четыре... Молотком что зачистишь? Я взял штучную пробу по всей жиле и на рыбалку уже не пошел - решил закольцевать маршрут. Прошел по Вилюче до источников и стал подниматься вверх по ручью Спокойному. В нем еще жилы обнаружил. Не такие мощные, но тем не менее. Когда после этого на аэрофотоснимке посмотрел, там действительно зона видна".

Г. И. Михайлов: "Занько с конями пошел дальше по тропинке, а мы с Куковякиным решили спрямить и сразу спуститься в Вилючу. Когда спускались, то на эти жилы просто сели верхом. Они выходят прямо в урез воды. Почему никто о них не знал, хотя база Лоншакова в 1975 году находилась в восьмистах метрах от этого места? Образцов мы не брали. Я посмотрел: контактов не видно, мощность может быть 2 метра, может быть больше, я не придал значения. Когда порыбачили, наловили гольца и вернулись в лагерь, я Орлову и Валову сказал, что нашел жилу. Орлов говорит: "Возьми рабочих и сходи завтра туда. Надо зачистить и опробовать".

В. В. Валов: "Тут вертолет подвернулся, отправили пробы в лабораторию. Там раздробили, сделали спектральный анализ, затем пробирный. Нам срочно приходит радиограмма, что содержание золота больше 11 граммов на тонну. Мы срочно отправили к жиле Гену Михайлова с двумя рабочими, теми же Занько и Кузнецовым. Гена в борту вскрыл две жилы. Одна мощностью 3 метра, другая еще больше".

А. А. Орлов: "На следующий день я послал Михайлова зачистить эту жилу. Когда он зачистил, то оказалось, что там две мощные жилы и прожилки. Он отобрал порядка 12 проб. После этого мы к ней больше не ходили, работали на своей площади. Результаты анализов получили только зимой,

в камеральный период. На всем сечении жилы были очень стабильные содержания золота. Начальник экспедиции Конов тогда в шутку ли, всерьез ли, спросил: "А вы не вдоль ее опробовали?".

Г. И. Михайлов: "Я пошел с рабочими к жиле. Мы ее зачистили за полчаса. Я задокументировал расчистку как канаву, номер дал 451. Кварц был хороший, с полосчатостью, заполненной, как я тогда думал, сульфосолями. Отобрал я по жиле 15 бороздовых проб. Позже они дали от 9 до 15 г/т золота. В этот же день или другой Орлов пошел по ручью Спокойному и там раскопал жилку. Кварцевые прожилки в том месте еще Лоншаков отмечал, а Орлов жилу раскопал. Мы ее потом так и называли, чтобы различать, Орловской. Особого значения находкам тогда не придали, да и были они за рамками, не на нашей площади. Нашли и нашли, отметили и дальше пошли. Работы тогда было очень много".

Все рассказанное - это детали. В любом случае люди из этого круга лиц являются первооткрывателями Родникового месторождения. В результате их находки в 1977 году выделился перспективный на рудное золото Родниковый участок, расположенный в междуречье реки Вилючи и ручья Спокойного, в 1 километре выше их слияния. В камеральный период по данным дешифрирования аэрофотоснимков исходя из сходных морфоструктурных особенностей было высказано предположение, что эти жилы образуют единую субмеридианальную жильную зону. Маршрутными и горными работами следующего, 1978 года это предположение было подтверждено, и жильная зона была прослежена на 850 метров. Тогда же в зоне было установлено еще 3 жилы. Состав всех жил оказался кварц-адуляровым. Общая мощность зоны - 200 метров. Видимая рудная минерализация состояла из золота, сульфосолей серебра, пирита.

ЮЖНО-КАМЧАТСКАЯ ПАРТИЯ

В январе 1978 года руководители Камчатской геолого-съёмочной экспедиции решили объединить перспективные на золото участки Мутновский, Асачинский и Родниковый в одну партию. На Мутновском уже вовсю велись поисковые работы Мутновской партией под руководством Виктора Дмитриевича Бубнова. На Родниковом тоже планировались канавные работы. Пора было начинать детальные поиски и на Асаче.

Партию назвали Южно-Камчатской. Базой для нее определили базу Мутновской партии, на реке Мутновской - притоке Жировой. Начальником этой большой партии назначили Александра Алексеевича Орлова.

Начальником Мутновского участка стал В. П. Зотов.
Начальником Родникового участка - В. В. Валов.
Начальником Асачинского участка - В. Я. Синицкий.

"На Мутновке, основной нашей базе, проводились горные и буровые работы, - рассказывает Александр Алексеевич Орлов. - Это был первый наш участок, где началось бурение. Жилы прослеживались на глубину. Траншеи проходили при помощи бульдозера и взрывов. В бухте Жировой стоял расходный склад взрывчатых материалов, в который привозили взрывчатку из Корякского склада. Мы проложили туда дорогу и ездили уже не только на тракторе, но и на автомобиле ЗИЛ-131. В тот год я договорился с военными, они дали нам транспортное судно, и мы не вертолетами взрывчатку забрасывали, как раньше, а на судне привезли, сэкономив огромное количество денег. Из этого расходного склада уже забрасывали взрывчатку на Родниковый и Асачу.

Партия была круглогодичной, народ жил прямо там, на Мутновке. Зимой бурили, летом расширялись - принимали горняков, начинали проходку канав и шурфов. В таком виде партия просуществовала до 1984 года и была выведена из состава геолого-съёмочной экспедиции в самостоятельную, с прямым подчинением объединению. Но в 1985 году ее передали в Центрально-Камчатскую ГРЭ, у которой не было после Аги серьезных объектов. Но это уже другая история, в которой я не участвовал, так как семья жила в Петропавловске, и в Мильково переехать я не мог. Пришлось перейти на работу в КГСЭ".

МЕСТОРОЖДЕНИЕ РОДНИКОВОЕ

По результатам работ 1978 года, когда на Родниковом была установлена жильная зона мощностью более 100 метров, геологи В. В. Валов и А. П. Игнатов рекомендовали начать здесь поисковую оценку с проведением подземных и поверхностных горных выработок и бурением скважин (125).

Согласно высказанным рекомендациям, в 1979 году работы на Родниковом участке продолжились. Руководителем участка оставался Виктор Валов. Геологом был А. П. Игнатов, старшими техниками-геологами - Г. И. Михайлов и А. В. Шелакин. До подземных горных работ дело не дошло, но проектом предусмотрели большое количество канав и бурение колонковых скважин. Весь первый год проходили буро-взрывным способом канавы. В следующем, 1980 году своим ходом пригнали на участок два бульдозера, затем вертолетом, на подвеске привезли две буровые установки СБА-500. Буровым мастером участка был Петр Васильевич Буланый. В этом же году состав ИТР участка пополнился геологом В. Г. Шелакиной.

"Канав и траншей было много, на их документации и опробовании задействованы были все геологи, - рассказывает Геннадий Иванович Михайлов. - С большим трудом успевали. В таком темпе отработали 1979 год. В 1980-м я уже только половину сезона там отбыл, затем Орлов перевел меня на Мутновку".

В том же году, кстати, в скважине № 9 на глубине 293 метра была зафиксирована температура 108 градусов. Позже, при проходке штольни, эти температуры дадут о себе знать настолько, что придется изменять направление выработки, а проходчикам во время ликвидации неожиданного осложнения работать в одних трусах, верхонках и касках. В 1983 году прямо на территории базы отряда была пробурена скважина ГТ-1 для отопления поселка. Температура воды в скважине достигала 70 градусов, дебит - 3 л/сек.

В 1981 году детальные поиски на Родниковом участке были завершены. Автор отчета по этим работам старший геолог партии А. П. Игнатов писал в главе "Заключение": "Основным положительным результатом проведенных работ явилось то, что в настоящее время, всего за 4 года работ рудопоявление участка Родникового (а именно жила № 44, являющаяся основным рудным телом) подготовлено к проведению стадии разведочных работ. Наиболее целесообразным способом проведения предварительной разведки жилы № 44, а в последующем и жил 42 и 43 является проходка штольни на горизонте 200 метров с зарезкой устья в районе Верхне-Вилючинских источников, штреков по жиле № 44 с рассечками через 20 - 40 м; всего около 2 000 пог. м подземных выработок, бурение скважин в объеме 10 - 12 тыс. пог. м и проходка поверхностных горных выработок. Повышения температуры, зафиксированные в скважинах, на наш взгляд, не могут являться осложняющим обстоятельством при проходке подземных горных выработок, так как горизонт 200 метров, рекомендуемый нами для проходки штольни, характеризуется температурой 20 - 25 градусов".

Но до стадии предварительной разведки дело опять не дошло. Было принято решение провести сначала поисковую оценку жил № 42 и 43, чтобы проверить качество золотоносности и проследить их по простиранию на участках надрудного эрозионного среза. После этого, подготовив все три главные жилы месторождения (44, 42, 43), приступить к разведке. Срок поисково-оценочных работ был установлен в три год - с 1983 по 1985 годы. В эти годы на участке работали:

1983 год: старший геолог А. П. Игнатов, геолог Г. В. Дудник, старший техник-геолог В. В. Печкин.

1984 год: начальник участка А. А. Шведов, старший геолог Н. И. Самылов, геологи Г. В. Дудник и В. А. Козин, старший техник-геолог В. В. Печкин, старший инженер-технолог В. А. Крещеновский, горный мастер С. В. Неклюдов, буровой мастер В. Д. Потапов.

1985 год: старший геолог Н. И. Самылов, геологи Г. В. Дудник и В. А. Козин, старший техник-геолог В. В. Печкин, буровой мастер В. Д. Потапов.

К началу июля 1985 года поисково-оценочные работы были выполнены. Авторы отчета по этим работам писали: "Учитывая значительные параметры рудных тел, высокие содержания золота и серебра, надрудный и верхнерудный эрозионные срезы месторождения, а также чрезвычайно благоприятное географо-экономическое положение района (наличие автодороги до г. Петропавловска-Камчатского, близость к Северо-Мутновскому месторождению парогидротерм, на котором проектируется строительство геотермальной электростанции мощностью до 200 Мгв, близость к Вилючинской бухте Тихого океана, что делает возможным завоз грузов морским транспортом), Родниковое месторождение заслуживает скорейшего вовлечения в эксплуатацию".

Автор рецензии на этот отчет геолог В. Д. Бубнов, в частности, писал: "Представленные в настоящем отчете результаты поисково-оценочных работ являются крупным успехом коллектива Южно-Камчатской ГРП и всего объединения "Камчатгеология". На основании этих результатов впервые в Южно-Камчатском районе начаты разведочные работы на рудное золото".

По результатам поисково-оценочных работ был составлен проект на предварительную разведку центральной части месторождения. В июле 1985 года в Петропавловске прошло совещание с темой "О состоянии и мерах по освоению золоторудных месторождений в Камчатской области, предусмотренных решениями директивных органов". В нем приняли участие геологи ПГО "Камчатгеология", представители Камчатского обкома КПСС, ПО "Приморзолото", ПО "Северовостокзолото". Одним из итогов совещания явилось решение о передаче в 1988 году запасов золота по Родниковому месторождению ПО "Северовостокзолото". Протокол совещания был утвержден заместителем министра цветной металлургии СССР В. В. Рудаковым и заместителем министра геологии СССР В. М. Волковым. К этому времени завершилась детальная разведка Агинского золоторудного месторождения, которое передали ПО "Северовостокзолото", поэтому там высвободились квалифицированные горнопроходческие бригады. Встал вопрос об их трудоустройстве. Но так как все они проживали в поселках Мильково и Агинском, то решено было Южно-Камчатскую партию присоединить вместе с ее объектами к Центрально-Камчатской экспедиции. Таким образом, убивались два зайца: Родниковое и Асачинское месторождения могли квалифицированно разведываться, а коллектив ЦКГРЭ, оставшийся без Агинского месторождения, получил работу.

Вскоре на Родниковом были начаты две штольни. Штольню № 1 врезали в левом борту реки Вилючи на горизонте 220 метров по простиранию жил № 42, 43, 44. Ее проходила бригада Михаила Сыркина. Бригада была слаженная, сработанная, с большим опытом скоростных проходок на Агинском месторождении. Здесь они тоже шли по 180 метров в месяц. Старшим горным мастером был Владимир Иванович Даншин.

Штольня № 2 была врезана в 1986 году на горизонте 280 метров. Длина походного квершлага штольни № 1 составила 420 метров, штольни № 2 - 130 метров. В штольнях проходились штреки и рассечки, а по жиле № 43 прошли восстающую выработку сечением 5,75 кв. м из штольни № 1. Высота восстающей составила 70 метров.

В 1978 году геологи передали ПО "Северовостокзолото" первую очередь запасов золота Родникового месторождения. В 1988 году на месторождении была завершена предварительная разведка. В ЦНИГРИ составили ТЭО временных кондиций для подсчета запасов. Вывод был категоричен: отработка Родникового месторождения с переработкой руды на местной обогатительной фабрике рентабельна.

МЕСТОРОЖДЕНИЕ АСАЧИНСКОЕ

1.

В 1978 году детальными поисковыми работами был охвачен и участок Асачинский. Геологом участка работал В. Я. Синицкий, техником-геологом - Г. В. Любич, горным мастером С. М. Арюткин.

Из жилы №1 была отобрана по двум пересечениям (к-216 и к-222) технологическая проба весом 455 кг. Лабораторные технологические исследования провело отделение экспериментальных исследований (ОЭИ) ЦНИГРИ в Туле в 1980 году. Золото оказалось низкопробное (проба 550) мелкое, серебро представлено аргентитом.

Кроме этого, в левобережья ручья Левого Асачинского обозначилась жильная зона №2, которая состояла из шести жил. Мощность зоны - от 7 до 60 метров, установленная протяженность - 620 метров.

"После трехлетней работы на рудной Мутновке меня перевели в начале 1979 года старшим геологом на Асачу, - вспоминает Николай Михайлович Большаков. - Поселок состоял из палаток, кое-кто из проходчиков канав построил насыпные землянки. Жила № 1 уже была изучена настолько, что можно было проследить ее канавами до выклинивания. Мы тогда еще не знали, что она в слепом залегании, и думали, что выклинивается. Мы пытались проследить ее наверху, на куполе, но там вскрывались только зона измененных пород и слабое прожилкование. Жилы не было.

Надо сказать, что мы уткнулись в мощные наносы и не могли больше вскрывать жилы канавами без механизированных работ. Копали с несколькими перекидками, достигли глубины около 9 метров, но добыть до конца канаву наверху так и не смогли. С нетерпением ждали бульдозеров".

В тот полевой период 1979 года шли работы не только на Асачинском участке, но был охвачен горными работами и участок Левобережный. Летом партию посетили главный геолог ГСЭ Т. В. Тарасенко, старший геолог по поискам С. С. Коваль, начальник экспедиции А. Е. Конов.

"Бульдозеры пришли в ноябре, - продолжает рассказ Н. М. Большаков. - Это были два тросовика. С Мутновки их перегнали в бухту Жировую, там погрузили на военно-транспортное судно и перевезли в бухту Березовую. С Асачи до Березовой мы с Володей Шуйским дорогу разведали. Шуйский тогда работал у нас взрывником.

Как только бульдозеры пришли, я дал задание дочистить ту глубокую канаву, которую мы не смогли пройти вручную. Она оказалась десятиметровой глубины. После этого мы и стали считать, что жила выклинивается, что ее прослеженная длина в 350 метров - это она вся. Тогда еще не знали о слепом залегании. На глубину нечем было проследить, бурения не было. Но жила была привлекательная, очень богатая, с контрастными рудами".

Летом 1980 года было организовано бурение станком БСК-2М-100М. Работы производились бурильщиком Михаилом Песоцким под руководством бурового мастера Валерия Скокова.

"Первую скважину (№ 3) бурили в долине, в двухстах метрах на север от последней канавы на склоне. Соваться туда с канавами не было смысла, и нас могло выручить только бурение, - рассказывает дальше Н. М. Большаков. - Рыхлых отложений там много - почти 30 метров. А затем сразу пошла рудная зона. На два метра зоны мы получили содержание золота 11 граммов на тонну. Результатом бурения стало то, что проследили зону в долине на 200 метров. Попытались бурить еще, но станок был слабым, а рыхляка много - более 50 метров. Не для этого станка оказалась Асача. Нужен был мощный буровой станок типа ЗИФ-650.

В том же году мы прошли бульдозерную траншею № 2 на середине склона. Вскрыли сочленение жил №№ 1 и 2, мощность рудного тела в этом месте составила 20 метров".

За три года работ на Асаче к концу 1980 года было пройдено 135 854 кубических метра канав, 1007 метров шурфов, станком БСК-2М-100М пробурено 278 погонных метров скважин.

В 1981 году заканчивались работы на Мутновском золоторудном месторождении. Две последние скважины добуривали там в июне и июле, а затем вышки были демонтированы. "Одну буровую установку своим ходом отправили на Родниковый, предварительно пробив дорогу на гидрогеологическую Мутновку. Вторую, со станком ЗИФ-650, на вертолетной подвеске отправили на Асачу, - рассказывает Петр Васильевич Буланый, который был в то время буровым мастером. - До новогодних праздников буровая была там смонтирована. 1 февраля 1982 года забурили первую скважину в долине ручья Асачинского, напротив того места, где потом врезали штольню. Первые три скважины бурили в долине, потому что зимой не было дороги, чтобы подняться наверх".

В буровой бригаде Петра Васильевича Буланого были бурильщиками Михаил Песоцкий, Николай Васильевич Титов и Евгений Лиман, некоторое время работал Ян Петрикас. Очень квалифицированные были на участке бульдозеристы - Василий Иванович Герасименко, Владимир Струщенков, Мельников. Летом 1982 года бригада канавщиков под руководством горного мастера Алексея Алексеевича Шведова провела дорогу наверх, к жильным зонам, и буровики перевезли вышку туда. В июне они уже бурили скважины.

2.

С 1981 до 1985 года отработал на Асаче Геннадий Иванович Михайлов. Сначала был старшим техником-геологом, в 1984 году - горным мастером, а в 1985-м, после увольнения начальника участка П. В. Буланого, некоторое время возглавлял Асачу.

К его приезду на участке уже были три рубленых дома и большая столовая. Он занял место в одном из домов, где жил старший геолог Николай Большаков. Вскоре к ним подселился старший техник-геолог Александр Нехорошев. Дом стал геологической камералкой и жильем для геологов одновременно.

Летом на участке разворачивались активные работы, а на зиму оставались только буровики. Геологи меняли друг друга поочередно.

"В 1981 году мы пережили памятный многим камчатцам тайфун Эльза, - рассказывает Г. И. Михайлов. - В это время мы бульдозером проходили канаву, глубина которой достигала 9 метров. Перед началом тайфуна у бульдозера сорвало шпильки на бортовой. Фамилию бульдозериста не

помню, а звали его Пашей. Это был безответственный человек. Он оставил бульдозер на дне канавы, пришел на базу и даже не признался в том, что случилась поломка.

Утром мы с Чапаем Железным решили половить мелкого гольчика и пошли вниз по Асачинскому. Чапай Железный - это кличка нашего механика. У нас было два Василия Ивановича, и мы звали их Чапай Железный и Чапай Деревянный, потому что второй был плотником. Только мы ушли, как ударили шквалы ветра. Огромные тополя, растущие в долине Асачи, стало ломать как спички. Мы бросились бежать в мелкий березняк. Когда пришли на базу, наш Асачинский ручей ревел, как горный поток. Залило все, геофизики, живущие в палатках, вынуждены были искать сухое место.

На другой день пошли мы на канаву и увидели небывалую картину: канава доверху забита грязью, а от бульдозера торчит только воздухозаборник. И давай мы вручную откапывать наш бульдозер. Работали несколько дней. То, что делал до этого бульдозер, мы с Нехорошевым выбросили лопатами".

3.

Те, кто жил на Асаче в те годы, отзываются о ней как об Эдеме. Хороший мягкий климат, рыбная река, лес, огромное количество зайцев, которые, по свидетельству Петра Васильевича Буланого, по утрам сидели под дверью дома. К тому же спокойная, размеренная работа, отличное трехразовое питание в столовой, теплый ночлег. На участке было пять рубленых домов, склады, электростанция. Взрывник Иван Артищев немного разбирался в радиоделе, поэтому смастерил телевизионные антенны, с помощью которых удавалось ловить программы из Москвы. Увлекались магнитофонными записями, горный мастер Николай Сирота играл на гитаре.

"Народ не очень рвался оттуда в город, - вспоминает Петр Васильевич Буланый. - Завхоз Галя Артищева привозила все вплоть до апельсинового сока. Баня была отличная. Приезжали на каротаж геофизики, привозили дичь, водочки. Опять же - рыбалка. Жили интересно, дружно".

Рождались в Асаче и дети. У Петра и Людмилы Буланых там росла старшая дочь Настя.

4.

В 1983 году в перспективах Асачинского участка уже никто не сомневался. Полученные положительные результаты позволили начать поисково-оценочные работы на флангах и глубоких горизонтах жильной зоны № 1. Главной целью этих работ была подготовка к предварительной разведке на основных рудных телах.

В течение августа и сентября 1983 года впервые на Асачу завозились грузы автотранспортом. Для этого понадобились дорожно-строительные работы. Они были сделаны собственными силами.

В 1984 году работой был охвачен южный фланг жильной зоны № 1, а в 1984 году - начато бурение скважин по прослеживанию жилы № 1 по простиранию и на глубину. В следующем году вышли на северный фланг месторождения. В сентябре 1985 года вышло постановление Минцветмета СССР и Мингеологии СССР от о необходимости передачи запасов Асачинского месторождения в ПО "Северовостокзолото". Срок передачи - первая половина 1986 года.

Но передача не состоялась. Вместо этого в январе - марте 1986 года был составлен проект на предварительную разведку месторождения. Работы на Асаче получили второе дыхание. Туда была переведена с Аги горнопроходческая бригада Федора Барановского, вертолетом Ми-6 начали завозить горнопроходческое оборудование, рудстойку, жилые балки. В апреле была врезана штольня № 1. Сначала проходили подходную штольню длиной 200 метров, затем пошли несколькими забоями по разным жилам и для изготовления первой буровой камеры.

"Больше всех доставалось тогда геологам, - рассказывает Николай Михайлович Большаков. - В первое время их было двое - Геннадий Дудник и Лариса Асова. Забоев в штольне было много, их документация шла поочередно, поэтому геологи, по-моему, даже не спали, бегая из забоя в забой. Тогда же развернулось мощное строительство. Построили бытовой комплекс, жилье для проходчиков".

В результате предварительной разведки жильная зона № 1 была прослежена на 1450 метров, из них на 1300 метров в зоне была промышленная руда. По вертикали зона разведана на 285 метров.